

ВИКИЛИКС

Под редакцией
Джулиана Ассанжа

Сборник
Викиликс: Секретные файлы

«Кучково поле»

2015

УДК 327(100-87)

ББК 66.2

Сборник

Викиликс: Секретные файлы / Сборник — «Кучково поле», 2015

ISBN 978-5-9950-0713-5

Джулиан Ассанж, основатель сайта WikiLeaks, публикующего секретные материалы о коррупции в высших эшелонах власти, шпионских скандалах, военных преступлениях и тайнах дипломатии, собрал в этой книге самые интересные материалы, посвященные внешней политике США. Издание рекомендовано политологам и всем интересующимся современной международной политикой.

УДК 327(100-87)

ББК 66.2

ISBN 978-5-9950-0713-5

© Сборник, 2015

© Кучково поле, 2015

Содержание

Введение	6
Анатомия американской империи	8
Религия национальной безопасности и ассоциации международных исследований	10
Мир глазами американской империи	14
Часть I	19
1. Америка и диктаторы[3]	19
Какое отношение Америка имеет к диктатурам?	19
Ближний Восток: «величайший приз в истории»	24
Американская империя и ликтаторы Ближнего Востока	30
Сильные госуларства, сильные рынки	32
Латинская Америка: три фазы империи	34
Гаити: ликтатура, эскалоны смерти, потогонные фабрики	41
Чили: депеши Киссинджера	44
Гонлурэс: Хиллари Клинтон и наркобароны	47
2. Диктаторы и права человека	50
«Наше» насилие...	50
...и «их» насилие	51
Власть ярлыков	52
Что такое террорист?	53
Справедливая война и террор	54
Нападение на гражданских, пересмотр понятия «мирные жители»	57
Гражданские цели	59
Котла террор – это норма	61
Что такое пытка?	61
«Файлы Гуантанамо»	64
От Вьетнама до Ирака	66
Провал ЦРУ	68
Как работает пытка	71
3. Война и терроризм	73
Разоблачение бизнеса	74
Грязные секреты империализма «свобольной торговли»	76
Что не под силу армии, удастся рынкам	79
Империализм свободной торговли	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Викиликс: Секретные файлы **Под редакцией Джулиана Ассанжа**

WikiLeaks

The World According to US Empire

Introduction by Julian Assange

Введение

«Викиликс» и империя

Однажды монах и двое послушников обнаружили тяжелый камень, лежавший поперек дороги. «Мы сдвинем его в сторону», – сказали послушники. Но, прежде чем они смогли приступить к делу, монах вытащил свой топор и расколол камень надвое. «Зачем ты расколол камень? Только для того, чтобы заставить нас оттащить его части в стороны?» – спросили они. Тогда монах показал на расстояние, на которое откатились половинки камня. С возмущением один из послушников взял топор монаха и бросился туда, куда откатилась половина камня. Расколов ее, он отбросил четвертинку, в то время как другой послушник выхватил у него топор и ринулся к ней. Он тоже расколол осколок камня и отбросил его дальше. Послушники продолжали в том же духе, смеясь и едва переводя дыхание, пока осколки не стали такими мелкими, что совсем перестали откатываться и не запорошили им глаза подобно пыли. Послушники заморгали в недоумении. «Каждый камень имеет свой размер», – сказал монах.

Ко времени, когда пишутся эти строки, «Викиликс» опубликовал в общей сложности 2 325 961 дипломатическую депешу и другие документы Государственного департамента США, что составляет примерно два миллиарда слов. Этот колоссальный и, казалось бы, неодолимый объем внутренней официальной документации, который, будучи напечатанным, составил бы примерно 30 тысяч томов, представляет собой нечто новое. Его, как и сам Государственный департамент, невозможно изучить, предварительно не разделив и не исследовав его части. Но выхватывать случайным образом отдельные дипломатические документы из точек пересечения известных объектов и конфликтов, как делают некоторые ежедневные новостные издания, означает не замечать «империю» за ее депешами.

Каждая совокупность имеет свой размер.

Чтобы подняться до нужного уровня обобщения, тому, кто рассматривает взаимосвязь между большинством депеш, относящихся к какому-то региону или стране, вместо рассмотрения этих депеш по отдельности необходим более научный подход. Этот подход настолько естественен, что кажется странным, почему никто не попытался применить его до сих пор.

Уже давно изучение империй – это исследование способов их коммуникации. Империи, от Вавилона до династии Мин, оставили высеченные в камне или записанные на папирусе документальные свидетельства того, как организационный центр взаимодействовал со своей периферией. Однако к 1950-м годам специалисты, изучающие исторические империи, поняли, что в некотором роде средства коммуникации – это и есть империя. Ее методы для запечатления сообщений, их передачи, индексации и хранения, а также методы классификации тех, кто имеет право читать и записывать эти сообщения, в прямом смысле *составляют* империю. Когда методы коммуникации империи изменяются, то изменяется и сама империя¹.

Устная речь имеет короткий временной диапазон, а камень – долговременный. Некоторые способы записи, такие как гравировка на камне, подходят для передачи сжатых институциональных правил, которые могут гарантированно передаваться на будущие месяцы и годы. Но эти методы не учитывали быстро развивающихся событий или бюрократических различий и разграничений: все высекалось в камне. Чтобы заполнить эти пробелы, империи с медленными системами письма все еще в значительной степени полагались на древнейший и пока самый эфемерный способ коммуникации человечества: на устную передачу сообщений – речь.

Другие способы, такие как запись на папирусе, были легкими и быстрыми для создания сообщений, но недолговечными. Такие материалы коммуникации имели преимущество в том, что их было легко создавать и передавать, унифицируя захваченные территории путем быстрого потока информации, который, в свою очередь, может питать реагирующий центральный орган управления. Такой центр с хорошо налаженными коммуникациями может интегрировать потоки поступающих разведывательных данных и быстро проецировать принимаемые им решения вовне, хотя и с сопутствующими тенденциями к сосредоточенности на сиюминутных целях и к мелочной опеке. Хотя море, пустыню или горы можно пересечь или обойти ценой каких-то затрат, а источники энергии можно открыть или захватить, способность проецировать устремления, структуру и знания империи во времени и пространстве прочерчивает абсолютную границу ее существования.

Культуры и экономики за годы своего существования использовали всевозможные методы коммуникации, от эволюции анекдотов, которые быстро становились известными благодаря тому, что ими делились между собой друзья, до распространения цен по пути торговых маршрутов. Все это само по себе не создает империю. Структурированные усилия при управлении обширной культурной и экономической системой с использованием коммуникаций – вот отличительный признак империи. И именно зафиксированные записи коммуникаций, не предназначенные для препарирования и потому особенно уязвимые для препарирования, образуют основу для понимания природы единственной оставшейся в мире «империи».

Анатомия американской империи

А где эта империя?²

Каждый рабочий день 71 000 человек в 191 стране, представляющие 27 различных правительственных ведомств США, просыпаются и проделывают путь мимо флагов, стальных ограждений и вооруженных охранников в одно из 276 укрепленных зданий, в которых расположены 169 посольств и других миссий Государственного департамента США. По пути к ним присоединяются представители и сотрудники из 27 других государственных ведомств и служб США, включая Центральное разведывательное управление, Агентство национальной безопасности, Федеральное бюро расследований, а также различные рода войск армии США.

В каждом посольстве сидит посол, который, как правило, близок к политическим, деловым или разведывательным кругам американской власти; карьерные дипломаты, специализирующиеся на политической, экономической и общественной дипломатии страны своего пребывания; руководители, эксперты, военные атташе, шпионы под внешнеполитическим прикрытием, персонал из других американских государственных служб (в некоторых посольствах дело доходит до открыто вооруженных военных или служащих сил специального назначения для проведения тайных операций); подрядчики, охранники, технические специалисты, переводчики, нанятые среди местного населения, уборщики и другой обслуживающий персонал³.

Над их головами радио- и спутниковые антенны прочесывают эфир, некоторые – чтобы связываться с родиной для передачи или приема дипломатических депеш или депеш ЦРУ, некоторые – для ретрансляции сообщений на военные американские корабли и самолеты; другие развернуты Агентством национальной безопасности для массового перехвата разговоров по мобильным телефонам и другого беспроводного трафика местного населения.

Дипломатическая служба США зародилась во времена революции, но именно в обстановке эпохи, наставшей после Второй мировой войны, Государственный департамент приобрел современный вид. Его рождение совпало с назначением государственным секретарем в 1973 году Генри Киссинджера, что было необычным во многих отношениях. Киссинджер не только возглавил Госдепартамент; он одновременно был назначен советником по национальной безопасности, что способствовало более тесной интеграции между внешнеполитическим, оборонным и разведывательным ведомствами американского правительства. Хотя у Госдепартамента давно имелась система передачи депеш, назначение Киссинджера привело к логистическим изменениям в их составлении, индексации и хранении. Впервые основная часть депеш стала передаваться в электронном виде. Крупные нововведения того периода до сих пор присутствуют в способе организации работы этого ведомства сегодня.

Госдепартамент США уникален среди органов государственной бюрократии Соединенных Штатов. Другие ведомства нацелены на заведование той или другой функцией, но Государственный департамент является представителем или даже «крышей», всех основных элементов американской государственной власти. Он обеспечивает прикрытия для ЦРУ, здания для оборудования по массовому перехвату информации АНБ, офисные помещения и объекты связи для ФБР, армии и других государственных ведомств, а также сотрудников, действующих в качестве торговых агентов и политических советников для крупнейших американских корпораций⁴.

Невозможно приобрести правильное представление о таком институте, как Госдепартамент, извне, подобно тому как художники эпохи Возрождения не могли понять, как движутся животные, не вскрыв их и не рассмотрев изнутри. Как инструмент дипломатии Соединенных Штатов Государственный департамент США непосредственно участвует в представлении дружелюбного лица империи, скрывая его внутреннюю механику. Ежегодно более миллиарда дол-

ларов выделяется из бюджета на «общественную дипломатию» (описательный термин) для направленной вонне пропаганды. Общественная дипломатия явным образом нацелена на оказание влияния на журналистов и гражданское общество с тем, чтобы они служили проводниками для трансляции того, что хочет внушить Государственный департамент.

Хотя в государственных архивах накоплены огромные объемы внутренней официальной переписки, их материалы намеренно скрываются или к ним затрудняется доступ десятилетиями, пока они не лишатся своей актуальности. Это неизбежно, поскольку устройство государственных архивов не рассчитано на защиту от неприятных последствий (в виде прекращения финансирования или истечения полномочий должностных лиц), к которым могла бы привести своевременная публикация и доступность архивов, имеющих международное значение.

Мощную силу раскрытию не предназначенных для обнародования сообщений придает как раз это: они не рассчитаны на то, что мы их читаем. Внутренняя переписка Государственного департамента США – побочный материальный продукт обеспечения его деятельности: их публикация – это вивисекция живого организма империи, показывающая, какая субстанция и когда выделяется из того или иного органа.

Дипломатические депеши пишутся не для того, чтобы манипулировать публикой, но предназначены для составных частей остального государственного аппарата США и, следовательно, относительно свободны от искажающего влияния соображений, относящихся к связям с общественностью. Изучение их – намного более эффективный способ понять такие институты, как Госдеп, чем чтение репортажей, написанных журналистами о публичных заявлениях Хиллари Клинтон или Джен Исаки.

Хотя в своей внутренней переписке чиновники Госдепартамента должны приспособлять свое перо к новейшим общепринятым в округе Колумбия мнениям, если они хотят выделиться в Вашингтоне по «правильным» причинам, а не по «неправильным», эти элементы политической корректности сами по себе заслуживают внимания, и они заметны внешним наблюдателям, недостаточно подвергнутым идеологической обработке. Многие депеши имеют совещательный характер или относятся к материально-техническому обеспечению, и их причинно-следственная связь во времени и пространстве с другими депешами и внешними документированными свидетельствами создают систему интерпретационных ограничений, которая достоверно показывает, как Государственный департамент и ведомства США, взаимодействующие с его системой обмена сообщениями, понимают свое место в мире.

Только рассматривая эту совокупность документов как единое целое – в дополнение к каждому отдельному документальному свидетельству о злоупотреблении, каждому зверству, место которого установлено, – можно представить истинную человеческую цену, в которую обходится воздвижение империи.

Религия национальной безопасности и ассоциации международных исследований

Хотя существует большое количество литературы по структурному или реально-политическому анализу ключевых институтов американской власти, ряд ритуальных или даже квазирелигиозных проявлений, окружающих сферу национальной безопасности в Соединенных Штатах, заставляет предполагать, что с помощью только обозначенных методов такое не объяснить. Эти проявления узнаваемы в ритуале сворачивания флага, культе приказов и усердном преклонении перед рангом, но их можно увидеть и в экстраординарной реакции на разоблачения «Викиликс», в которой наблюдаются некоторые из их самых интересных особенностей.

Когда «Викиликс» публикует официальные американские документы с грифами секретности – если угодно, чем-то вроде «священных печатей» национальной безопасности, – начинаются две параллельные кампании: во-первых, публичная кампания по преуменьшению их значения, отвлечению от них внимания и уподоблению любых разоблачений угрозе престижу класса национальной безопасности; а во-вторых, внутренняя кампания в самом государстве национальной безопасности, чтобы переварить произошедшее. Когда документы, несущие такую печать, становятся достоянием общественности, они превращаются в запретные объекты, токсичные для «государства в государстве» – для более чем 1,5 миллиона американцев (по состоянию на 2014 год) с действующими допусками к секретным документам и тех на его более широкой периферии, кто чаёт его экономического и социального покровительства⁵.

Какой-то уровень истерии и оторванности от материального мира проявляется в этой реакции на откровения «Викиликс», что трудно объяснить с помощью традиционных теорий власти. Многие религии и культы придают своему классу священнослужителей дополнительную недостающую им значимость, держа свои религиозные тексты в тайне от верующих или от стоящих на более низкой ступени посвящения. Кроме того, эта техника позволяет классу священнослужителей применять различные психологические стратегии на разных уровнях идеологической обработки. То, что кажется смешным, лицемерным или макиавеллиевским общественности или имеющим более низкий уровень «допуска», всерьёз воспринимается теми, кто достаточно проникся доктриной или чувством, что их экономическое или социальное преимущество заключается в принятии отвергаемого ими в повседневной жизни.

Публично американское правительство заявило – солгав, – что любой человек, не имеющий допуска к секретности и распространяющий «секретные» документы, нарушает Закон о шпионаже 1917 года. Но заявления, делаемые в ходе кампании внутреннего «государства в государстве», работают в противоположном направлении. Вот оно приказывает тем самым людям, которые, как оно публично заявляет, единственные имеют право читать засекреченные документы, воздерживаться от чтения документов, опубликованных «Викиликс» и связанными с ним СМИ, со стоящими на документах грифами секретности, чтобы избежать их «пагубного влияния». Хотя сотрудникам, имеющим допуск секретности, разрешается читать эти документы, когда они поступают из секретных государственных хранилищ, тем же самым сотрудникам запрещено видеть те же самые документы, когда они появляются в открытых источниках. Если представители государства национальной безопасности, имеющие допуск секретности, прочли эти документы на общедоступном ресурсе, от них требуется добровольно сообщить о своем контакте с новым профанированным объектом и уничтожить все следы своего посещения.

Такая реакция, конечно, иррациональна. Засекреченные депеши и другие документы, опубликованные «Викиликс» и связанными с ним СМИ, полностью идентичны оригинальным версиям, официально доступным для тех, кто имеет необходимый допуск к секретным доку-

ментам, так как оттуда они и получены. Это электронные копии. Они в буквальном смысле не отличаются друг от друга ничем. Ни одним словом. Ни одной буквой. Ни одним битом.

Подразумевается, что есть некое нефизическое свойство, которое вселяется в документы, как только они получают грифы секретности, и что это магическое свойство исчезает не только при копировании документа, но и при обнаружении данной копии. Отныне публичный документ стал для приверженцев государства национальной безопасности не только лишенным своего магического свойства мирским объектом; он приобрел другое нефизическое свойство: превратился в зло.

Такой тип религиозного мышления имеет свои последствия. Это оправдание, используемое правительством США, чтобы заблокировать миллионам людей, работающим на «государство в государстве», возможность читать не только более 30 различных доменов «Викиликс», но и «Нью-Йорк Таймс», «Гардиан», «Шпигель», «Монд», «Пайс» и другие издания, публикующие его материалы⁶.

На самом деле в 2011 году правительство США разослало то, что можно назвать «Фетва о “Викиликс”», всем ведомствам федерального правительства, каждому федеральному государственному служащему и каждому подрядчику федерального правительства в сфере безопасности:

«Недавнее раскрытие сайтом “Викиликс” документов правительства США нанесло ущерб нашей национальной безопасности. Информация с грифом секретности, опубликована ли она уже на общедоступных веб-сайтах, в СМИ либо обнародована другими способами или нет, остается засекреченной и должна рассматриваться как таковая до момента ее рассекречивания соответствующими ведомствами правительства США...

Сотрудники фирм-подрядчиков, случайно обнаружившие потенциально секретную информацию на общедоступном домене, должны немедленно сообщить о ее наличии сотрудникам службы обеспечения безопасности. Компаниям дано указание уничтожать запрещенный материал, удерживая в нажатом состоянии клавишу SHIFT с одновременным нажатием клавиши DELETE для систем на основе ОС Windows и очищать кэш интернет-браузера»⁷.

Школа международных и общественных отношений Колумбийского университета после разговора с представителем Госдепартамента США предупредила своих студентов «не размещать ссылки на эти документы и не делать комментариев в социальных сетях, таких как «Фэйсбук», или через «Твиттер». Участие в такой деятельности поставит под вопрос вашу способность иметь дело с конфиденциальной информацией, что является частью работы на большинстве позиций при работе в федеральном правительстве».

Куча государственных департаментов и других организаций, включая даже Библиотеку Конгресса, заблокировали интернет-доступ к «Викиликс»⁸. Национальные архивы США заблокировали даже поиск в собственной базе данных по ключевому слову «Викиликс»⁹. Действительно, табу стало абсурдным, как собака, бездумно бросающаяся на все подряд и в конечном счете хватаящая свой собственный хвост. К марту 2012 года Пентагон дошел до того, что создал автоматический фильтр, чтобы блокировать все письма электронной почты, включая и не связанные с Пентагоном, содержащие слово «Викиликс». В результате обвинители из Пентагона, готовившие дело против аналитика американской разведки рядового Мэннинга (предполагаемый источник появления документов «Депешегейта»), обнаружили, что они не получают важных электронных писем ни от судьи, ни от защиты¹⁰. Однако Пентагон не удалил фильтр – вместо этого главный обвинитель майор Эшден Фейн поведал суду, что была вве-

дена новая процедура ежедневной проверки фильтра для поиска заблокированных электронных писем, связанных с «Викиликс». Военный судья полковник Дэнис Линд сказал, что для стороны обвинения будут созданы специальные альтернативные адреса электронной почты¹¹.

Хотя подобная религиозная истерия кажется смешной тем, кто смотрит со стороны на сектор национальной безопасности США, она привела к серьезному ограничению анализа публикаций «Викиликс» в американских изданиях, посвященных международным отношениям. Тем не менее ученые в таких разнообразных дисциплинах, как право, лингвистика, прикладная статистика, медицина и экономика, не так пугливы. Например, в своей статье 2013 года в журнале *Entropy*, посвященном статистике, ДеДео и соавторы (все – граждане США и Великобритании) пишут, что «Афганский военный дневник» «Викиликс» «вероятно, станет стандартным набором как для специалистов, анализирующих человеческие конфликты, так и для исследований эмпирических методов анализа сложных, мультимодальных данных»¹².

Материалы «Викиликс», особенно депеши, активно используются даже в судах, включая национальные, от Великобритании до Пакистана и в международных трибуналах от Европейского суда по правам человека до Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии.

На фоне тысяч цитат, приводимых в судах, а также в других академических областях, бедность освещения в американских международных журналах не только странна, но и подзрительна. Эти журналы, доминирующие во всем мире в исследованиях международных отношений, должны быть естественным местом для надлежащего анализа собрания дипломатических документов «Викиликс» объемом в два миллиарда слов. Американский ежеквартальный журнал *International Studies Quarterly*, крупное внешнеполитическое издание, проводит политику отказа от рукописей, основанных на материалах «Викиликс», даже когда они состоят из цитат или полученного анализа. Согласно готовящейся к выходу статье «Кто боится “Викиликс”? Упущенные возможности в политологических исследованиях», издатель ИСК отмечает, что журнал в настоящее время находится «в нелегком положении» и что так и будет продолжаться, пока не изменится политика влиятельной Ассоциации международных исследований (АМИ). АМИ имеет 6500 членов по всему миру, и это доминирующее научное объединение в своей области. Кроме того, АМИ издает журналы *Foreign Policy Analysis*, *International Political Sociology*, *International Interactions*, *International Studies Review* и *International Studies Perspectives*.

Президент Ассоциации в 2014–2015 годах – Амитав Ачарья, профессор Школы изучения иностранных государств в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия. Почти половина из 56 членов его управляющего совета – это профессора тех же академических учреждений по всей территории Соединенных Штатов, многие из них работают также как школы-поставщики кадров для Госдепартамента США и других внешнеполитических ведомств правительства.

То, что АМИ вынесла запрет на появление единственного самого важного внешнеполитического архива США на страницах своих академических публикаций (что в противном случае должно было повредить их карьерам и академическим амбициям) ставит под вопрос всю их продукцию, их выводы, в значительной мере повлиявшие на то, как мир пришел к пониманию роли Соединенных Штатов в международном порядке.

Это смыкание рядов в академических кругах вокруг интересов Пентагона и Госдепартамента само по себе стоит анализа. Вымарывание депеш из внешнеполитических журналов – вид научной фальсификации. Потихоньку исключать исходные источники по неакадемическим причинам означает лгать путем умолчания. Но это указывает и на более широкую проблему: искажение области исследования международных отношений и смежных дисциплин из-за близости американских академических структур к правительству Соединенных Штатов. Их структуры не имеют даже независимости часто прогибающейся «Нью-Йорк Таймс», которая,

хоть и занималась цензурой депеш в разных видах, по крайней мере, смогла опубликовать их больше сотни¹³.

Искажения в исследованиях международных отношений со стороны этих журналов и цензура «Викиликс» – это явные примеры проблемы. Но ее идентификация открывает также и большие возможности: представить анализ международных отношений, не скованный цензурными ограничениями для засекреченных материалов.

Мир глазами американской империи

Книга начинается с обоснования необходимости научного анализа того, что миллионы документов, опубликованных «Викиликс», говорят о международной геополитике. Подход, применяемый в главах этой книги, заключается в отборе наиболее ярких из документов с целью показать, как Соединенные Штаты решают проблемы, связанные с динамикой различных региональных и международных сил. В этой первой книге невозможно охватить все множество материалов или связей, но я надеюсь, что она станет стимулом для журналистов, работающих в области крупных форм, и ученых, которые смогут достичь большего.

Глава 1 содержит размышления о положении Америки как «империи». Автор рассматривает, что это означает, стремясь дать характеристику американской экономической, военной, административной и дипломатической мощи в широком радиусе, на протяжении мировой истории последнего века. Данная глава определяет рамки «империализма свободной торговли», тема которой развивается затем в статьях раздела 2, – рамки, в которых используется американская военная мощь не с целью территориальной экспансии, но чтобы увековечить экономическое первенство США. Обе эти темы рассматриваются более подробно в главах 2 и 3. Глава 1, кроме того, помещает «Викиликс» в контекст беспрецедентного роста секретности в официальной сфере Соединенных Штатов и эволюции их власти после начала «войны с террором».

В главе 2 рассматриваются материалы «Викиликс» по так называемой «войне с террором». Кроме сжатого резюме военных преступлений и нарушений прав человека, засвидетельствованных документально в публикациях «Викиликс», вместе с подробным историческим обзором американского вторжения и оккупации Ирака и, как следствие, разворачивающейся там катастрофы, в этой главе также выводятся заключения об идеологической и концептуальной субструктуре американской «войны с террором», а также исследуется то, как одним из аспектов имперской прерогативы Соединенных Штатов стало применение решающей силы в качестве гарантии того, чтобы такие термины, как «справедливая война», «пытки», «терроризм» и «мирные жители», толковались преимущественно в пользу США. В качестве аргумента приводятся доказательства из полного спектра публикаций «Викиликс» наряду с другими источниками, такими как последний доклад о пытках ЦРУ. В процессе изложения в данной главе рассматриваются также вопрос двойных стандартов и проблемы, вытекающие из использования этих понятий (включая попытки поставить вне закона и маргинализировать сам «Викиликс»).

В главе 3 всесторонне обсуждается «империя свободной торговли» – взаимосвязь американской формы империи с продвижением по всему миру нелиберальной экономической реформы, дающей американским корпорациям доступ на «глобальные рынки». Глава опирается на депеши Госдепартамента, опубликованные «Викиликс», а также на публикации «Викиликс», относящиеся к 2007 году и касающиеся «частного сектора», включая материалы о банках и переговорах о глобальных торговых соглашениях. В главе приводятся яркие примеры того, как стремление к экономической интеграции укрепляет положение Соединенных Штатов как империи, не связанной с другими странами взаимными интересами, и дается логическое обоснование моделей вмешательства, военного или иного, проводимого в Латинской Америке и за ее пределами.

Глава 4 – это гид-самоучитель по пользованию Публичной библиотекой американской дипломатии «Викиликс» (Public Library of US Diplomacy, PLUSD), написанный редактором-исследователем Сарой Харрисон. На момент написания этой книги PLUSD содержит 2 325 961 экземпляр депеш и других дипломатических документов. Государственный департамент США использует собственную логику для создания, передачи и индексации этих документов,

совокупность которых составляет его первичную институциональную память. Харрисон объясняет, как научиться искать, читать и интерпретировать метаданные и содержание депеш, от печально известного ограничения CHEROKEE до использующихся Госдепом эвфемизмов вроде «противостоящий ресурсный национализм».

История политики США в отношении Международного уголовного суда (МУС) – это богатый пример для исследований того, как дипломатия используется в согласованных усилиях по подрыву международной организации. В главе 5 Линда Пирсон на основании депеш документально показывает усилия властей США по ограничению юрисдикции МУС. Сюда входят как подкуп, так и угрозы со стороны администрации Буша с целью принуждения стран, подписавших договор о МУС, к обеспечению иммунитета от обвинений в военных преступлениях для представителей США, а также, при администрации Обамы, более тонкие попытки превратить МУС в придаток внешней политики США.

Япония и Южная Корея десятилетиями были эпицентрами американского влияния в Юго-Восточной Азии. Депеши свидетельствуют о почти десятилетии усилий США повлиять на развитие внутренней политической ситуации в этих двух странах в соответствии с собственными долгосрочными интересами. В главе 14 журналист-исследователь Тим Шоррок рассматривает геополитический треугольник, созданный отношениями США с обеими странами, включая попытки Америки играть на отношениях с одной из них против другой как часть долгосрочных усилий по подрыву левых правительств и левой политики в этом регионе.

В глобальном приросте ВВП за последнее десятилетие 50 % приходится на Юго-Восточную Азию. Понимание этого привело к явному смещению военных, дипломатических и разведывательных ресурсов на Юго-Восточную Азию, охарактеризованному госсекретарем Хиллари Клинтон как стратегия «наступательной дипломатии»¹⁴. В главе 15 Ричард Хейдарьян изучает депеши по Юго-Восточной Азии и помещает свои выводы в более широкий контекст исторической критики американского влияния в регионе.

Критика империализма Запада вызывает самые острые споры в тех регионах мира, которые исторически были американскими протекторатами, например, в Восточной Европе. Европейские либералы настолько прониклись современной империалистической идеологией, что даже мысль о том, что Соединенные Штаты, возможно, управляют глобальной империей, как правило, отвергается со ссылкой на такие концепции, как «право защищать», что демонстрирует добровольный отказ не только видеть структуру американской власти по всему миру, но и слышать, что все чаще США говорят о себе как об «империи». В главе 6 Майкл Буш рассматривает развитие общих закономерностей влияния и подрывной деятельности, которые глобальная империя использует по отношению к политическим системам Европы и ее государств-членов. Эти темы включают тайное соглашение европейских правительств с ЦРУ по программам выдач и пыток, подрывную деятельность в отношении европейской криминальной юстиции и юридической системы с целью спасения от судебного преследования представителей американских спецслужб, предположительно участвовавших в пытках, а также использование американской дипломатии для открытия европейских рынков для аэрокосмических компаний США или экспансионистских, монопольных технологий и патентов, таких как генно-модифицированные организмы «Монсанто».

В главе 13 Филлис Бенине выбирает для широкого обзора публикации «Викиликс» по Афганистану – включая не только депеши Госдепартамента США, но и «Отчеты о значительных действиях» (Significant Action Reports, SIGACTs), опубликованные «Викиликс» как «Афганский военный дневник», отчеты о расследованиях Конгресса и другие документы по Афганистану, опубликованные «Викиликс» до 2010 года. Из всего этого следует жесткая оценка глупости американского военного вмешательства в Афганистан с 2001 года и его роли с точки зрения человеческих жизней и социального благополучия.

Геополитика – сложная вещь, а уж тем более, когда речь идет о такой стране, как Израиль. Военное доминирование Израиля на Ближнем Востоке; его дипломатические отношения с другими региональными игроками, такими как Египет, Сирия, Иран, Ливан и Турция; его роль как воплощения имперской политики США в этом регионе; его беззащитная эксплуатация своего охраняемого статуса при проведении политики геноцида по отношению к народу Палестины – все эти вопросы являются центральными темами главы 9 Питера Церто и Стивена Зюнса, внимательно изучивших соответствующие депеши Госдепартамента.

В главе 11, посвященной Ирану, Гарет Портер дает превосходное дополнение к главе об Израиле, предпочитая сосредоточиться на том, что говорят депеши о трехстороннем политическом противостоянии США, Израиля и Ирана, а также о тени, которую эта комбинация бросает на остальной Большой Ближний Восток. В частности, Портер обращает внимание на переговоры P5+1¹ об иранской программе обогащения урана, на усилия США по искажению разведывательных данных с целью изменения баланса международного консенсуса и направления его против Ирана, а также на роль Израиля как катализатора и проводника американской политики на Ближнем Востоке.

Конфликт в Ираке – центральная тема главы 12, автор которой, журналист Дар Джамаль, опирается на обширное собрание материалов «Викиликс», чтобы доказать, что США намеренно проводили политику разжигания религиозных разногласий в Ираке после своего вторжения и оккупации, в уверенности, что при таких условиях будет легче господствовать в этой стране. Последовавшее опустошение в мельчайших подробностях документируется с помощью материалов «Викиликс», включая американские депеши, доклады расследований Конгресса с 2005 по 2008 год и иракские военные материалы с 2010 года. Джамаль уделяет особое внимание движению «Сахва» – спонсируемой США программе борьбы против повстанцев, которая реализовывалась в ответ на растущее влияние филиалов «Аль-Каиды» среди иракцев-суннитов, разочарованных марионеточным проамериканским, контролируемым шиитами правительством Нуури аль-Малики. Соединенные Штаты платили большому числу иракцев, чтобы те уходили от суннитских повстанцев и вместо этого сражались против «Аль-Каиды», с обещанием предоставить им постоянную занятость путем включения в регулярную иракскую армию. Как утверждает Джамаль, неспособность правительства Малики выполнить это обещание привела огромное число обученных США, вооруженных США и финансировавшихся США – а сейчас безработных – суннитских боевиков к возвращению к мятежникам, и в конечном итоге они пополнили ряды бывшего филиала «Аль-Каиды» в Ираке, который с 2014 года стал известен как ИГИЛ, или Исламское государство².

Депеши показывают, что готовилась сцена для появления ИГИЛ по ту сторону северо-восточной границы Ирака, в Сирии. С тех пор как в 2011 году в Сирии разразилась гражданская война, ее поджигатели в СМИ требовали, чтобы вооруженные силы Запада провели бомбардировки Сирии с целью смещения Башара аль-Асада – который изображался, по обычной либерал-интервенционистской моде, как «новый Гитлер». Возникновение Исламского государства, для которого правительство Асада в Сирии является единственным жизнеспособным противовесом, привело этот пропагандистский консенсус в замешательство. Но американское правительство разрабатывает планы по смене режима в Сирии, а его приверженность курсу на поддержание нестабильности в регионе, как это явствует из депеш, присутствовала задолго до начала сирийской гражданской войны. Глава 10, написанная Робертом Найманом, предлагает детальный анализ депеш из Дамаска, указывая на важные исторические предчувствия сегодняшней ситуации в Сирии, и развенчивает возвышенные словесные построения американских дипломатов о правах человека, чтобы обратить внимание на имперскую интонацию аме-

¹ Пять постоянных членов Совбеза ООН и Германия. – *Примеч. пер.*

² Террористическая организация, запрещенная на территории РФ. – *Примеч. издателя.*

риканской внешней политики и риторики по отношению к Сирии, включая конкретные усилия внутри страны по подрыву правительства и привнесению хаоса последних месяцев – усилий, предпринимавшихся целое десятилетие, предшествовавшее 2011 году.

Существует расхожее выражение, определяющее Турцию как «мост между Востоком и Западом», но нельзя отрицать, что эта страна с населением примерно 75 миллионов человек занимает важное положение – и как региональный игрок в ближневосточной геополитике, и как крупная и экономически мощная номинальная демократия на окраине Европы. Как показывает Конн Хэллинан в главе 8, депеши Госдепартамента иллюстрируют усилия США по эксплуатации этого геополитического значения Турции. Хэллинан использует названные депеши как повод, чтобы дать картину региональных альянсов Турции, ее стратегических интересов и внутренних дел. Среди освещаемых им тем затрагивается и комплекс стратегических расчетов в энергетике, требующих деликатных отношений Турции с Ираном и Россией, даже когда Турция обхаживает Соединенные Штаты, Европу и Израиль в своих попытках получить доступ на западные рынки. В этой главе рассматривается также переговорная сила Турции, продемонстрированная в действии при наложении вето против избрания бывшего премьер-министра Дании Андерса Расмуссена главой НАТО для того, чтобы заставить США оказать давление на правительство Дании с целью закрытия расположенной там курдской телерадиостанции. В эссе затрагиваются также внутренние проблемы Турции, такие как политика властей по отношению к курдским сепаратистским организациям, а также экстраординарный скрытый политический конфликт и интрига между Реджепом Тайипом Эрдоганом и политическим деятелем-экспатриантом Фетхуллахом Гюленом.

С окончания холодной войны, и особенно во время так называемой «войны с террором», американская дипломатия переориентировалась на Южную, Центральную и Восточную Азию. За исключением одного-двух обострений, американо-российские отношения как главный «мотор» в геополитике отодвинулись в общественном сознании на второй план. Все изменилось, конечно, в результате конфликта на Украине. Но общественное сознание – это не реальность. Как показывает Русс Уэллен в главе 7, в течение десятилетия с начала нового столетия США проводят политику агрессивного расширения НАТО, оспаривая региональную гегемонию России в Восточной Европе и на бывших советских территориях, и стремятся подорвать договоры по ядерному оружию, чтобы сохранить свое стратегическое преимущество. Как показывают депеши, эти усилия не остались незамеченными Россией и стали повторяющимися темами конфликта в американо-российской дипломатии, даже в периоды самых теплых отношений. Глава представляет необходимый контекст для последних трений Востока и Запада, сосредоточенных вокруг Сирии, Украины и предоставления убежища Эдварду Сноудену, а также дает критический взгляд на геополитические отношения, которые при неправильном управлении угрожают выживанию нашей цивилизации и даже нас самих как вида.

Пожалуй, никакой регион мира не демонстрирует полного спектра имперского вмешательства США так ярко, как Латинская Америка. С 1950-х американская политика в Центральной и Южной Америке сделала известной концепцию осуществляемых ЦРУ государственных переворотов, смещающих демократически избранные левые правительства и приводящих к власти дружественные США правые диктатуры, которые начинают переходящие в наследство жестокие гражданские войны, создают эскадроны смерти, осуществляют пытки и похищения и разоряют миллионы людей ради прибылей американского правящего класса.

Как Александер Мэйн, Джейк Джонсон и Дэн Битон отмечают в главе 18, англоязычная пресса не увидела ничего дурного в депешах Госдепартамента, сделав вывод, что они не соответствуют «стереотипу о подготовке Америкой государственных переворотов, заботятся только о бизнес-интересах и имеют дело только с правыми». Ситуация обстоит в точности наоборот: депеши показывают плавную преемственность между жесткой политикой США в Латинской Америке во время холодной войны и более изощренными играми по свержению

правительств, которые имели место в последние годы. Глава 17 дает широкий обзор использования USAID и якобы идущих снизу акций «гражданского общества», так же как и других, более откровенных методов по «смене режимов» в Сальвадоре, Никарагуа, Боливии, Эквадоре и Гаити. Авторы обращают внимание на Венесуэлу, социалистического врага в сегодняшней ситуации, и конкретно на усилия США по подрыву страны как регионального оплота левых вслед за провалившейся, поддерживаемой США попыткой переворота против правительства Чавеса в 2002 году.

Реакция Соединенных Штатов на публикацию материалов «Викиликс» выдает убежденность, что их власть заключается в неравноправии получения информации: все больше знания для империи, все меньше для ее подданных.

В 1969 году Дэниэл Эллсберг, позднее ставший известным благодаря организованной им утечке бумаг Пентагона, имел доступ к совершенно секретным документам. Генри Киссинджер обратился за получением допуска «СС». Эллсберг предупредил его об опасности этого:

«Вам станет... очень трудно учиться у тех, кто не имеет такого допуска. Потому что вы, слушая их, будете думать: “А что бы рассказал мне этот человек, если бы он знал то, что знаю я? Давал бы он мне такие же советы или полностью изменил бы свои прогнозы и рекомендации?” Вы будете иметь дело с человеком, не имеющим такого допуска, только с той точки зрения, чтобы заставить его поверить в то, что вы хотите, и какое впечатление желаете у него оставить, поскольку вынуждены будете ему аккуратно лгать о том, что вам известно. В сущности, вы будете вынуждены манипулировать им. Вы откажетесь от попыток оценить то, что он должен сказать. Опасность в том, что вы становитесь кем-то вроде идиота. Вы станете неспособным чему-то научиться у большинства людей в мире, безразлично, сколько у них может быть опыта в их конкретной сфере деятельности, который, возможно, намного больше вашего»¹⁵.

Освобожденные от печатей секретности, материалы «Викиликс» перебрасывают мост через пропасть между «идиотами», которые имеют доступ к секретным документам и ничему не учатся, и нами, их читателями.

Часть I

1. Америка и диктаторы³

Какое отношение Америка имеет к диктатурам?

Правительство Соединенных Штатов все время очень открыто и отважно обличает авторитарные режимы: в настоящее время объектами негодования Вашингтона являются Северная Корея, Иран и Сирия. В то же самое время оно избирательно начинает войны с авторитарными режимами, от Панамы до Ирака, в зависимости от требований ситуации. Из депеш, собранных «Викиликс» начиная с 2009 года, видно, что американские дипломаты в конфиденциальной переписке часто очень резки в отношении зарубежных лидеров и правительств других стран. И тем не менее Соединенные Штаты поддерживают сети симпатизирующих им авторитарных режимов в обширных частях мира, где они обладают влиянием. Те же самые режимы, с которыми США воюют, некогда, на определенном этапе, были американскими союзниками. Ирония, которую едва ли можно не заметить по отношению к Норвеге и Хусейну, состоит в том, что они были смещены и подвергнуты пародии на судебный процесс за преступления, совершенные при поддержке США.

За другие режимы Вашингтон, напротив, стоит до последнего. Взять относительно мягкий пример Туркменистана. Делегация, посланная в 2009 году из американского посольства в Ашхабаде, содержит ядовитую краткую характеристику диктатора этой страны Гурбангулы Бердымухамедова. Написанная американским поверенным в делах, она едко описывает диктатора как «тщеславного, подозрительного, осторожного, жесткого, очень консервативного, опытного лжеца», «хорошего актера» и «мстительного» человека.

Наверное, самое убийственное замечание помимо того, что он дурной и мелкотравчатый диктатор, он «не очень умный парень»¹.

Все это не такая уж новость. Бердымухамедов продолжил править на деспотический манер, заведенный его предшественником, бывшим лидером коммунистической партии Сапармуратом Ниязовым, когда тот пришел к власти в 2000-х. Соединенным Штатам, само собой, были известны все его методы – до того, как ему было позволено принять власть. Но Туркменистан обеспечивает США важнейший коридор для доступа в Афганистан, а кроме того, это стратегический центр для богатых энергоресурсами территорий вокруг Каспийского моря.

Поэтому, если сообщение поверенного Куррана предназначалось для того, чтобы заставить чиновников дважды подумать, иметь ли дело с этим диктатором, оно не сработало. Хиллари Клинтон оказалась рядом с диктатором через год после того, как была послана делегация, на фотосессии, во время которой, как сообщалось, права человека занимали далеко не первое место в повестке дня. На следующий год американская военная помощь этой диктатуре выросла со 150 тысяч до 2 миллионов долларов². Эта помощь, нужно заметить, направляется на ценную работу по финансированию военных учений, проводимых режимом в регионе. Бердымухамедов был «переизбран» 97 % голосов в 2012 году, а США продолжают поддерживать с этим режимом теплые отношения.

³ Автор глав 1–3 попросил не разглашать его имя. – *Примеч. ред.*

И здесь все это излагается черным по белому. Планировщики и разработчики стратегии в Вашингтоне, округ Колумбия, – лидеры Свободного Мира, как они себя некогда любовно величали, – считают запятнанного кровью диктатора Туркменистана не просто отвратительным, но и полным болваном; и тем не менее его личные недостатки компенсируются всего лишь замечанием, что если он достаточно хорош для поддержания американской войны, то он достаточно хорош для Туркменистана и вполне стоит пары миллионов долларов.

Подобный вид реальной политики рисует США в неприглядном свете, но поддержка этой циничной оси репрессий далеко не первая в списке похожих примеров, каталогизированных в документах, опубликованных «Викиликс». От Восточной и Центральной Азии до Ближнего Востока и Латинской Америки Соединенные Штаты культивировали, финансировали, вооружали и пестовали авторитарные государства в обоих полушариях. Однако, если такое поведение кажется разительно расходящимся с мягко стелющей, типично американской риторикой администрации Обамы, ясно, что за этой позой стоит нечто большее, чем просто риторика.

В основе послевоенной американской политики лежит доктрина либерального интернационализма. Провозглашенная Вудро Вильсоном и развитая Франклином Д. Рузвельтом и Гарри Труменом, эта доктрина, как правило, понимается как оправдание военных и других интервенций США, при условии, что они способствуют установлению нового мирового порядка: глобальной системы, состоящей из либерально-демократических национальных государств, связанных более или менее свободными рынками и подчиняющимися международному праву. При таком мировоззрении цель по установлению мировой либеральной системы имеет приоритет перед приверженностью государственному суверенитету. Соединенные Штаты рассматривают себя как естественного гаранта такого мирового порядка, а также как главного носителя всех прав по подавлению суверенитета государств при достижении целей либерализма.

Как мы видим из депеш, эта доктрина воспринимается серьезно государственными служащими всех мастей. В противном случае их критические замечания по отношению к недемократическим режимам, nepoтизму и нарушениям прав человека не имеют смысла. Однако одним из аспектов либерального интернационализма является то, что он, как правило, не раскрывается своим приверженцам в явном виде, но становится видимым как в своих истоках, так и в практике.

Как пишет выдающийся историк Доменико Ласурдо, либерализм в этом широком смысле исторически был предметом ряда исключений: люди, принадлежащие к рабочему классу, женщины, чернокожие, подданные колоний – все они на разных этапах были исключены из числа обладающих гражданскими правами, такими как право голоса, предоставленное белым мужчинам, обладающим имущественным цензом³. Логика таких исключений в международной системе видна в колонизаторских истоках международного права, которое изначально ратифицировало поведение государств, обладающих колониями, в то же время оставляя народы этих колоний без гражданства, без прав в возникающей мировой системе⁴.

Право самоопределения в виде гражданства было, таким образом, долгое время зарезервировано за преимущественно белыми гражданами евро-американских государств – фактор, превратившийся в источник недовольства против колониализма в начале XX века. Когда американская империя поднялась до мирового доминирования, она встретила это положение дел со смесью опаски и симпатии к колониальным державам. Даже несмотря на то, что она со временем выработала стратегический взгляд, согласно которому территориальный контроль больше не является преимуществом, она с недовольством относилась к тому, что важнейшие права расширяются на не белые народы.

Вудро Вильсон, президент Соединенных Штатов с 1912 по 1920 год, был суровым воплощением либерального интернационализма и первым президентом, всерьез столкнувшимся с дилеммой, поставленной перед ним новыми антиколониальными движениями. Являясь побор-

ником американских попыток вмешательства в имперский рэкет, он был свидетелем трудностей, испытанных колониальной политикой США на Филиппинах, в то же время с ужасом наблюдая подъем антиколониальных движений по всему миру. Нарушив предвыборные обещания 1915 года и приведя США к участию в Первой мировой войне, он способствовал первой попытке строительства нового мирового порядка.

Вильсон не отказался от оккупации чужих территорий, когда это было в американских интересах; он не только был сторонником американской оккупации Филиппин, но и сам послал войска на Гаити (1915), в Никарагуа (1912) и на Кубу (1912), а также для вмешательства в Мексиканскую революцию (1914). Тем не менее размах Великой войны работал как предупреждение против необязательных военных кампаний. Кроме того, среди американских стратегов все больше укреплялась идея, предполагающая, что не так важен контроль над территориями, как контроль над рынками капитала, рабочей силы и ресурсов.

На глобальном рынке, где доминировали США, поддержка национальных правительств в странах, открытых для американских инвестиций, была важнее превращения в колониального сюзерена. Прибыли могли течь на Уолл-стрит без изнурительных затрат на оккупацию. Однако, чтобы добиться такого мирового порядка, Соединенным Штатам необходим был рычаг для взлома колониальных империй. Одним из проявлений этой новой стратегической перспективы было изобретение администрацией Вильсона языка «национального самоопределения». Оно заняло центральное место в мифологии либерального интернационализма, хотя Вильсон сначала позаимствовал этот язык у большевиков и, скорее, похитил их лавры. Само собой, он не намеревался выполнять вытекающие из этого обещания перед антиколониальными движениями, которые он считал неспособными к самоуправлению. Таким образом, хотя американские пропагандисты заручились поддержкой антиколониальных сил в Индии для стран Антанты в Первой мировой войне на основе доктрины Вильсона, последовавшие переговоры в Версале показали, что США выступают против движения за «расовое равноправие», а колонизированным странам было отказано в праве на «самоопределение». Результатом явилось то, что антиколониальные движения стали тяготеть к левым, причем многие смотрели на Россию как модель на успешной модернизации⁵.

Позднее США воспользовались Второй мировой войной, чтобы освободить Британию от ряда ее колониальных владений в обмен на участие в войне на стороне союзников. Тем не менее сразу после этого США отказались от реализации своего огромного стратегического преимущества до конца за счет бывших колониальных держав. Британцам был оставлен стратегический контроль над Южной Азией, а французы сохранили владычество в Индокитае, в то время как обращения о признании от Сукарно в Индонезии и Хо Ши Мина во Вьетнаме были оставлены без внимания. В общем, Соединенные Штаты оказывали только свою молчаливую поддержку антиколониальным расколам – таким, как восстание сторонников Насера в Египте, где был невелик риск конфликта.

Главной озабоченностью американского руководства в течение этого периода было то, что «преждевременная независимость» может привести к новой свободе для народов, пока неспособных управлять собой. С учетом своей неготовности, они могут не согласиться строить либеральные капиталистические государства, интегрированные в возглавляемый США мировой рынок, вместо этого отдав предпочтение политически незрелым «популистским» или радикальным решениям. Они могут даже в некоторых случаях «поддаться коммунистам».

Как в 1966 году писал ведущий американский эксперт по африканской политике Уильям Дж. Фольтц, потребуется не одно поколение, чтобы обучить большинство черных африканцев «навыкам, необходимым для того, чтобы осмысленно и эффективно принимать участие в политике»⁶. Следовательно, если дальнейший период обучения под управлением белых хозяев-колонизаторов невозможен, «теория модернизации» американских государственных бюрокра-

тов придерживается той точки зрения, что этим народам потребуется период авторитарного правления под руководством просвещенных военных режимов⁷.

Так, Соединенные Штаты отреагировали на независимость в Конго, организовав приход к власти клептократического режима Мобуту, чтобы не допустить радикализма. Та же политика поддерживала преемственность диктаторов в Южном Вьетнаме, чтобы предотвратить приход к власти Вьетминя, и развязала крайне кровопролитную войну, чтобы защитить диктатуру, являвшуюся союзницей США, в Южной Корее. Эта политика поддержала свержение Сукарно индонезийским генералом Сухарто в ходе переворота, в котором был убит миллион человек, но после которого рынки и ресурсы страны оказались открыты для американских инвесторов.

На Ближнем Востоке Соединенные Штаты перехватили роль британцев, особенно после того, как последние в 1971 году окончательно отказались от своих обязательств «к востоку от Суэца». Члены администрации США и нефтяники уже на этот случай подготовили власть Дома Сауда. ЦРУ способствовало свержению правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, заменив его ненавистным шахом, а позднее сыграло роль в поддержке баасистского переворота в Ираке как части общего наступления против радикального арабского национализма. Израиль – ни диктатура в строгом смысле, ни нормальная демократия – стал главным клиентом США в регионе, особенно после войны 1967 года, в которой он нанес смертельный удар по арабскому национализму. Позднее, когда соглашения в Кэмп-Дэвиде обеспечили мир с Израилем, вторым крупнейшим региональным клиентом стала диктатура в Египте. Все это время, конечно, США поддерживали сеть правых диктаторских режимов на своем «заднем дворе» – в Латинской Америке – с целью подавления левых движений, враждебно настроенных к американскому бизнесу.

Традиционное оправдание времен холодной войны для этого империалистического вмешательства состояло в том, что вокруг – отвратительный жестокий старый мир, и чтобы защитить свободу от тоталитарного зла, приходится мириться с некоторыми неприятными вещами. Возможно, самой красноречивой выразительницей этой идеи была гуру неоконсерваторов Джин Киркпатрик, ставшая при Рейгане послом в ООН. Киркпатрик яростно выступала в защиту правых диктатур в Латинской Америке – на том основании, что рабочие, крестьяне и монахини, которых они вырезали, представляют гораздо худшую форму тоталитаризма, чем авторитаризм.

Кроме того, Киркпатрик выступала в защиту союза США с эскадронами смерти в Сальвадоре, когда писала освященные временем статьи для Американского института предпринимательства о том, что эти организации имеют аутентичные корни среди народа Эквадора, представляя собой организованную самозащиту гражданского общества против коммунизма, и станут намного цивилизованнее, если будут помещены в рамки законной государственной власти⁸.

Однако к этому времени Киркпатрик уже плыла против течения. В эпоху после Вьетнамской войны американские правящие элиты стали артикулировать свои политические цели все больше в терминах прав человека и демократии. Киркпатрик высмеивала администрацию Картера за ее правозащитную риторику, но даже во время рейгановских войн «чужими руками» против коммунизма в Центральной Америке старые боевые колесницы антикоммунизма были тщательно приукрашены и перепроданы как механизмы для прогрессивных, демократических реформ, хотя и выгодных для долгосрочных интересов США.

В результате расцвела система «продвижения демократии», связанная с Международным республиканским институтом (IRI), Национальным фондом за демократию (NED) и рядом организаций, через которые можно распределять финансирование для поддержки проамери-

канских сил гражданского общества в различных странах⁹. Один из чиновников времен Рейгана сформулировал это так:

«Пришедшая администрация Рейгана стремилась перевести стрелки часов вспять, к американской внешней политике довьетнамской эпохи, к старомодному подходу времен холодной войны, при котором Соединенные Штаты мирились бы с необходимостью поддерживать диктаторов с сомнительной репутацией как с неизбежным компонентом глобальной борьбы против советского коммунизма. Администрация Рейгана, однако, довольно быстро обнаружила, что на этой основе невозможно выработать двухпартийную внешнюю политику; озабоченность правами человека и демократией также должна приниматься во внимание в этой политике»¹⁰.

На самом деле эта «озабоченность» была лицемерной. Ничего особенно нового США не делали. Аллен Вайнштейн, основатель и первый действующий президент NED, в 1991 году заметил: его существование означает, что ЦРУ осуществляло свою деятельность тайно на протяжении 25 лет, а теперь может делать это открыто¹¹. Не было это и сигналом о смене приоритетов в политике. В Сальвадоре, например, США были полностью в курсе того, что правящий класс страны участвует в жестокой войне на уничтожение против крестьян и рабочих, имеющих левые убеждения, и склоняется к решению этой проблемы с помощью геноцида, в пользу «зачистки» до полумиллиона человек. В то время как в ЦРУ продолжали тренировать сальвадорские эскадроны смерти, а в страну по-прежнему текли американские деньги, Соединенные Штаты начали подготавливать программы по «продвижению демократии», которые на деле укрепляли силы гражданского общества, близкие к правящей партии АРЕНА¹².

Этот образ действий сохранялся. NED непосредственно участвовал в финансировании групп и отдельных людей, причастных к заговору против избранного президента Гаити, Жана-Бертрана Аристида в 2004 году, а также тех, кто участвовал в попытке переворота против Уго Чавеса в Венесуэле в 2002 году. Короче говоря, хотя на место языка циничной антикоммунистической реальной политики пришла сосредоточенность на правах человека, инструмент «прав человека» по-прежнему применяется против врагов Америки, левых. Египту Соединенные Штаты выделяли в среднем 20 миллионов долларов ежегодно на «помощь демократии» в годы, предшествовавшие свержению Хосни Мубарака, – в то же время поддерживая сам режим на сумму 2 миллиарда в год¹³.

Но преимущества политики «защиты прав человека» были очевидны. Хотя США могли по-прежнему опираться на ряд диктатур, там, где они не доверяли демократиям в проведении проамериканской политики, они одновременно усиливали проамериканский оплот в оппозиции, финансируя и налаживая связи с группировками, которым они доверяли.

Это больше, чем просто лицемерие. Американские элиты, может, и не испытывают большой симпатии к бедным и угнетенным глобального Юга, но диктатуры лишены легитимности и имеют тревожную тенденцию становиться жертвами неожиданного взрыва народного гнева. Поддержка диктатур, несмотря на это, весьма важная для большой стратегии США, влечет за собой и разного рода нежелательные последствия. Соединенные Штаты имеют все основания предпочитать, чтобы диктатуры, которые они поддерживают, обуздывали свои худшие склонности во времена мира. Поэтому существует стратегическая основа для критических замечаний относительно нарушений прав человека, которые американские дипломаты время от времени направляют домой, в свое ведомство, в закрытых депешах.

Публикации «Викиликс» – это не имеющий себе равных источник для изучения того, как отношения американского правительства с диктатурами развивались на практике и как

оно примиряло эту практику со своей нормативной приверженностью либеральному интернационализму.

Ближний Восток: «величайший приз в истории»

В своем стихотворении «1 сентября 1939» У. Х. Оден упоминает «старую чушь», повторяемую диктаторами. Это могло бы быть написано и в 2011 году. В Ливии Муаммар Каддафи, которому угрожало движение гражданского общества, в итоге превратившееся в вооруженный мятеж, обвинил в своем затруднительном положении наркоманов и «Викиликс». Президент Сирии Башар аль-Асад обвинил «международный заговор» в стоящей перед ним дилемме, когда он начал бомбить освобожденные территории. Позднее президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган – избранный лидер, но все более непредсказуемый и авторитарный правитель – обвинил бы пьяниц, пользователей «Твиттера» и террористов.

Но эти люди вряд ли единственные, столкнувшиеся с угрозой потрясений. Потрясения, толчок которым дало самосожжение уличного тунисского торговца Мохаммеда Буазизи 18 декабря 2010 года, начались с народного движения в Тунисе. Буазизи протестовал против конфискации своего товара и рутинных преследований, которым он подвергался со стороны властей. Его жалобы нашли отклик у широкого слоя населения, переживавшего тот же опыт и недовольство и начавшего организовывать постоянные, продолжительные акции протеста. Их масштабы разрастались, приведя в итоге к свержению диктатора страны Зин аль-Абидина Бен Али 14 января 2011 года.

Это вдохновило оппозицию в Египте, постепенно усиливавшуюся на протяжении десятилетия, на то, чтобы поднять народное восстание против диктатора Хосни Мубарака. Начавшись с серии массовых протестов, актов гражданского неповиновения и забастовок 25 января 2011 года, оно выросло в постоянную прямую конфронтацию с режимом – до тех пор, пока 11 февраля Мубарак в конце концов не вынужден был уйти со своего поста.

На этом этапе угроза нависла над всей сетью автократий в регионе, поскольку народное движение рисковало перерасти в восстание в Ливии, Сирии, Бахрейне, в меньшей степени в Йемене, Алжире, Саудовской Аравии и позднее в Турции. Ситуация была еще более серьезной в глобальном масштабе, поскольку большинство этих режимов было союзниками Соединенных Штатов. Если не считать Израиль, опору американской власти в регионе составляли Египет, режимы стран Залива и диктатуры Северной Африки.

Здесь на сцену выступает «Викиликс». Он по праву завоевал большую признательность за помощь в разжигании восстания на Ближнем Востоке. Одно из объяснений состоит в том, что, хотя пространство «гражданского общества» было весьма ограничено, значительное распространение Интернета создало виртуальное пространство, в котором информацию можно распространять, обсуждать и использовать как основу для организации.

Например, как будет показано ниже, депеши, опубликованные «Викиликс», выявили размах коррупции со стороны правящих олигархов в Тунисе и разоблачили бессилие военных в Египте, несмотря на то, что они отрезали себе все большие куски экономического пирога. Кроме того, депеши нанесли смертельное оскорбление Эрдогану, раскрыв, что, по словам американского посла, у него, оказывается, есть по меньшей мере восемь банковских счетов в Швейцарии – намекая тем самым на коррупционные деньги (см. главу 10)¹⁴.

Информация, распространенная через «Викиликс», дала форму и содержание многим предметам давнего народного недовольства. Как отмечает Ибрагим Салех,

«публикации «Викиликс» сыграли важную роль в разжигании народного гнева в регионе и в формировании понимания у мировой аудитории причин того, что стало известно под именем Арабской весны. Разоблачив скрываемые ото всех секреты, двойные стандарты и лицемерие арабских

лидеров, они открывали новые перспективы в арабской политике, а также подтверждали широко распространенные подозрения и тем самым приводили разгневанную общественность в прямую конфронтацию с автократическими правительствами»¹⁵.

Предсказуемое падение Бен Али

В январе 2011 года тунисский диктатор Зин аль-Абидин Бен Али был свергнут. Одним из непосредственных спусковых механизмов движения, приведшего к его падению, было разоблачение, сделанное «Викиликс». В частности, две ключевые депеши (одна написана в июне 2008 года, а вторая – в июле 2009 года) были отправлены послом Робертом Годekom, и в обеих тунисская диктатура Бен Али описывается в убийственных выражениях. В депеше 2008 года говорится о коррупции. Рука, которой управлялся Тунис, была не только железной, но и загнивающей:

«Будь то звонкая монета, услуги, земля, имущество, и да, даже собственная яхта, семья президента Бен Али, по слухам, стоит ей только пожелать, и она, получит что хочет... Видимо, половина тунисского бизнес-сообщества была связана с Бен Али благодаря бракам с его родственниками... Учитывая, что тунисцы сталкиваются с растущей инфляцией и высокой безработицей, бросающаяся в глаза демонстрация богатства и постоянные слухи о коррупции только подлили масла в огонь»¹⁶.

С другой стороны, депеша 2009 года была посвящена правам человека. Режим представлял собой «полицейское государство, где почти нет свободы слова или собраний и есть серьезные проблемы с правами человека»¹⁷.

Посол уверен, что государство «столкнется с проблемами». В депеше содержатся жалобы на ограничения режимом различных американских программ и на враждебность официальной прессы по отношению к проамериканским фигурам, представляющим гражданское общество. Но самой большой проблемой являются «риски снижения долгосрочной стабильности режима» из-за его коррумпированности и узкой социальной базы, а также отсутствия явного преемника.

Репрессивная природа режима Бен Али не была новостью для Соединенных Штатов. Он подвергался гонениям все оппозиционные группировки со времени своего прихода к власти в ходе «кровавого переворота» в 1987 году. Но Тунис был региональным союзником и являлся таковым с того момента, как завоевал независимость от власти французских колонизаторов. Тунис оказывал очень важную поддержку в «войне с террором», и в результате он был первоочередным получателем американской военной помощи. Как до сих пор хвастливо говорится в «рекламном проспекте» на сайте посольства США в Тунисе, «Тунис входит в двадцатку крупнейших получателей финансирования по программе Международного военного обучения и образования США с 1994 года; а с 2003 года он стал десятым по финансированию в целом»¹⁸.

Первоочередной задачей Вооруженных сил Туниса не является проецирование военной мощи¹⁹. Скорее регулярная армия существует как последняя линия обороны для защиты гражданами светского, республиканского государства. Однако внутри самой армии были созданы военизированные формирования для непосредственного вмешательства в политические и гражданские дела, чтобы подавлять оппозицию режиму. Военная помощь в этом контексте была помощью режиму.

Более обширный набор депеш Годeka внушает мысль, что США находятся в опасности, будучи связанными с режимом, который катится по наклонной плоскости. И это был не пер-

вый намек, что сотрудники дипломатического корпуса США делали относительно потенциальной уязвимости режима. Еще в 2006 году в депеше посла США Уильяма Хадсона отмечалось, что «все большее число тунисцев» уже говорят о возможном «преемнике и конце эпохи Бен Али»²⁰. Однако при первом всплеске энтузиазма, последовавшем за победой президента Обамы, посол Годек намекает, что Соединенным Штатам необходимо восстановить свой имидж на Ближнем Востоке, и, следовательно, военную помощь режиму следует сократить.

Когда произошла утечка этих депеш, они стали широко известны по всему Тунису и вызвали настоящий переполох. Для тунисцев, прочитавших их, сюрпризом стали не откровения о коррупции, а прямота, с какой США оценивали режим. Стремясь предотвратить утечки, режим действовал панически. В декабре 2010 года он пытался заблокировать доступ к веб-сайтам, где публиковались эти депешы, сосредоточившись особенно на популярной прогрессивной бейрутской газете «Аль-Акбар»²¹.

Через какие-то несколько дней после этого вмешательства уличный торговец Мохаммед Буазизи сжег себя в знак протеста грубому и несправедливому обращению, которому он подвергся от рук полиции. Однако жалобы Буазизи не только касались невыносимых злоупотреблений государства, но и говорили о падении уровня жизни, от которого он, как и многие жители Туниса, страдал со времени глобального финансового краха, сопровождавшегося растущими ценами на продовольствие и высокой безработицей. Наконец, коррупция режима выражалась в его все более узкой социальной базе. В то время как постколониальный режим Хабиба Бургиба обладал широкой поддержкой среди всех социальных классов, Бен Али все больше опирался на небольшое число бизнес-семей, связанных с государством²².

Протест Буазизи драматически символизировал страдания населения, а также кумовство, коррупцию и самодовольство элит, разоблаченные в депешах. Это стало искрой, необходимой для аккумуляции инакомыслия и гнева против режима, описанного Годekom и Хадсоном, чтобы вылиться в движение массового протеста. В течение последующих недель протестующие часто ссылались на разоблачения, сделанные «Викиликс»²³.

Как ни странно, утечка этих депеш не убедила администрацию Обамы отмежеваться от режима или прекратить поставку ему военной помощи, но они помогли ускорить ожидаемый их авторами переворот. Еще один зигзаг иронии в том, что многие протестующие обратились к Соединенным Штатам, чтобы взять на вооружение их лозунг «Да, мы можем», который скандировали во время массовых акций. И тем не менее Обама не сделал даже бесцветного, вполсилы заявления в поддержку переворота, до тех пор, пока Бен Али благополучно не сбежал в Саудовскую Аравию²⁴. Это была схема, которая в точности повторилась, когда египетская оппозиция приняла эстафету у Туниса, бросив вызов режиму Мубарака.

Крах в Каире

В 2009 году в депеше из американского посольства в Каире сообщалось о разговоре с одной из лидирующих фигур в руководстве режима. Речь шла о предстоящих парламентских и президентских выборах, а также об отношении режима к оппозиции. Происходили «широкие волнения», но диктатура считала маловероятной перспективу вызова со стороны народа – и, разумеется, «широкомасштабных политически мотивированных волнений», поскольку это чуждо «менталитету египтян». «Угроза ежедневному выживанию, а не политика, – далее говорится в отчете, – это единственное, что может сплотить и вывести египтян на улицы»²⁵. По мнению действующего режима, оппозиционные партии были слишком слабы, чтобы бросить вызов власти, не говоря уж о том, чтобы взять на себя руководство страной, а единственная жизнеспособная альтернатива, «Братья-мусульмане», никакой серьезной роли не играла. Следовательно, «здоровый смысл» подсказывал режиму, что единственный путь, которым к правлению

мог прийти преемник пожизненного диктатора Хосни Мубарака, лежал через упорядоченную передачу власти, организованную египетскими военными, что, скорее всего, способствовало бы вступлению в эту роль сына президента Гамалы²⁶.

На чем было основано столь сонное благодущие? Американские депеши рисуют военную элиту, находящуюся в состоянии «интеллектуального и социального упадка», все больше теряющую свою социальную базу, и все же по-прежнему жизненно важную для стабильности режима и контролирующую «обширную сеть коммерческих предприятий в «водоснабжении, производстве оливкового масла, цемента, строительстве, гостиничном и бензиновом бизнесе»²⁷. С другой стороны, режим продемонстрировал значительную устойчивость власти, отчасти благодаря жестокости по отношению к врагам или даже к умеренным критикам.

В депеше, отправленной послом Маргарет Скоби, обращается внимание на суровую жестокость Мубарака по отношению «к лицам и группировкам».

Но это, как, по-видимому, считает посол, огромное достоинство, поскольку помогло сохранить внутреннюю стабильность во время двух крупных региональных войн; далее посол отмечает диктатора как «опытного и истинного реалиста», который предпочитает причинить страдание относительно немногим, вместо того чтобы «подвергнуть угрозе хаоса общество в целом»²⁸. В той же депеше определяются выигрыши долгосрочной поддержки Америкой режима Мубарака:

«Ощутимые выгоды для наших отношений в военной области очевидны: Египет по-прежнему находится в мире с Израилем, а американская армия пользуется приоритетным доступом к Суэцкому каналу и воздушному пространству Египта».

Эти сообщения из Каира источали уверенность в диктаторе и благодарность за его услуги империи. Пощечина не заставила себя долго ждать. Документы «Викиликс», касающиеся Египта, были опубликованы 28 ноября 2010 года – как часть хранящихся в закрытых архивах секретных дипломатических депеш, утечка которых предположительно была организована бывшим рядовым армии США Брэдли (в настоящее время Челси) Мэннингом. Они были опубликованы вместе с разоблачениями по поводу Туниса, приведшими к падению Бен Али.

Депеши, опубликованные «Викиликс», имели сложную последовательность эффектов внутри Египта, вызванных не столько разоблачениями самими по себе, сколько процессами, которые они уже помогли запустить. Доказательства жестокости режима вряд ли были новостью, а некоторые из потенциально взрывоопасных разоблачений (например, что Израиль в качестве преемника Мубарака предпочитает бывшего главу шпионского ведомства Омара Сулеймана) так и не были переведены в Египте. Оппозиция особенно и не полагалась на Интернет и социальные сети, через которые можно было бы обмениваться этой информацией, – гораздо важнее были разговоры по телефону и личные контакты²⁹. Тем не менее эти публикации помогли запустить восстание в Тунисе, которое придало уверенность демократической оппозиции. Кроме того, они подтверждали и документально доказывали аналитические выводы противников Мубарака и повысили осведомленность на международном уровне, так что когда протестующие в Египте вышли на улицы, такие группы, как Anonymous, были готовы предложить свою помощь³⁰.

Даже если «Викиликс» и сыграл более непосредственную роль в подстрекательстве к революции в Египте, пример Туниса не нашел бы такого отклика, если бы не наличие сходных условий. Бедность и отсутствие гарантий занятости существовали и до глобального экономического кризиса, но к концу 2010 года 40 % египтян жили менее чем на 2 доллара в день³¹. Сходство с Тунисом было также в узости социальной базы и коррумпированности режима. Правда, в Египте, как показывают депеши, военных обвиняли в коррупции напрямую. Мубарак сосредоточил огромную власть и оказывал свое покровительство Министерству внутренних дел, а также аккумулировал до 70 миллиардов долларов для своей семьи³². Наконец, как

засвидетельствовано в посольской депеше Скоби, существовали сотни отчетов из первых рук о жестокостях полиции, многие из которых были запечатлены на видеозаписях. Все это вызывало недовольство, которое, побуждаемое восстанием в Тунисе, вдохнуло жизнь в поддержку движения, начавшегося 25 июля 2011 года.

Первоначально оппозиционные группы, такие как «Молодежное движение 6 апреля», планировали провести акцию протеста у Министерства внутренних дел, совпадавшую с Днем национальной полиции, как способ выразить протест против жестокости стражей порядка. Однако в свете свержения Бен Али протесты приобрели гораздо более широкое значение и получили поддержку широкой коалиции организаций, в частности «Братьев-мусульман», а также звезд, таких как актер Амр Вакед. Во время этих событий протесты привлекли десятки тысяч участников, в том числе 20 тысяч в Александрии и 15 тысяч в Каире, на площади Тахрир. Жесткая реакция властей, отнюдь не заставившая толпы разойтись, вызывала волнения на протяжении нескольких дней и растущие протесты, так что к пятнице 28 января режим решил ввести в дело армию и проводил постоянные совещания с американским военным руководством³³.

Это создало огромные неудобства для американской империи. Вице-президент Джо Байден, в то время как протестующие в Египте превращали площадь Тахрир в разрастающуюся мини-столицу, заявил по телевидению, что президент Мубарак не диктатор и не должен уходить, являясь на самом деле «нашим союзником»; тем самым он недипломатично, вслух выразил отношение властей США к режиму, который они финансируют³⁴. Бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр изложил суть дела так же прямо, предупредив, что свержение Мубарака создаст вакуум, в котором будет процветать «экстремизм». Египетские элиты «потеряли связь с мнением общественности», но у них нет «предвзятости», в то время как общественное мнение находится во власти «неверной идеи и одностороннего мышления»³⁵.

Мубарак, как настаивали британская и американская администрации, должен остаться у власти, но обязан провести достаточные реформы, чтобы успокоить толпу. Когда президент Обама послал в Египет бизнесмена и бывшего дипломата Фрэнка Дж. Визнера для переговоров по урегулированию вопросов, вызвавших массовые беспорядки, тот дал понять, что Мубарак – «старый друг» Соединенных Штатов, доказывая, что реформы должны быть проведены, но что он «должен оставаться на посту, чтобы руководить проведением этих реформ»³⁶.

Что это за «одностороннее мышление», которого испугался Блэр? Что такого ценного предлагал Мубарак Байдену и Визнеру? Одним из аспектов было согласие на договоренность с Израилем, заключенную во время переговоров в Кэмп-Дэвиде в 1978 году, после которых египетская диктатура была надежным и важнейшим союзником израильского правительства против палестинцев. Несомненно, Соединенные Штаты тревожило, что народное правительство Египта займет более критическую позицию по отношению к Израилю, ослабит блокаду Газы и даже будет предоставлять материальную помощь палестинцам. Другим предметом заботы Вашингтона и Лондона были открытие египетских рынков для зарубежных инвестиций, дерегулирование экономики и приватизация промышленности. Тут рыночный настрой «Братьев-мусульман» мог бы их успокоить, но демократическими процессами управлять трудно – особенно если общественностью овладевают «неправильные идеи и одностороннее мышление».

Однако более дальновидные люди в американском государстве готовились ко дню, когда диктатура перестанет быть лучшим средством для достижения этих целей. Американские организации, такие как NED, не совсем забыли о том, как развивалась египетская оппозиция – сначала как реакция на вторую палестинскую интифаду 2002 года³⁷, а затем как оппозиция второй войне в Ираке. Эти организации проявляли интерес к возникновению рабочего дви-

жения, независимого от контролируемых государством профсоюзов, центром которых стала текстильная промышленность³⁸. Действительно, депеши «Викиликс» показывают, что NED и аффилированные с ним организации сыграли ключевую роль в координации избранных групп активистов³⁹.

Эти события были связаны с агрессивным военным наступлением президента Буша на Ближний Восток. Важной дополняющей стратегией к проецированию военной мощи была так называемая «Повестка Свободы», по которой фонды для «продвижения демократии» привязывались к расширению свободной торговли. Диктатуры были полезными союзниками в проведении энергичной политики «контртерроризма», а также партнерами в реализации свободной торговли; но в государственной американской бюрократии были и те, кто чувствовал, что они, в конечном счете, ненадежные союзники⁴⁰. Деньги распределялись через NED и IRI в федерацию профсоюзов США АФТ-КПП (Американскую федерацию труда и Конгресс производственных профсоюзов), чей Центр солидарности играл ключевую роль в проведении антикоммунистической линии во времена холодной войны. Через Центр солидарности Соединенные Штаты стремились создать связи с рабочими Египта⁴¹.

Кроме того, как показывают депеши «Викиликс», Соединенные Штаты предпринимали шаги, чтобы связать себя с разрастающимся «Молодежным движением 6 апреля», тем самым создав напряженность в отношениях с Мубараком⁴². Предлагаемая помощь была далеко не решающей. Например, финансируемые США семинары предлагали обучение по использованию сайтов социальных сетей и мобильных технологий для продвижения демократических реформ, а также консультации по ненасильственным стратегиям для проведения социальных реформ⁴³.

Мелкой разменной монеты, которую США бросили в шляпу египетской оппозиции, было недостаточно для того, чтобы гарантировать влияние. Когда госсекретарь Хиллари Клинтон посетила Египет в марте 2011 года, она была освистана коалицией молодежных организаций, которые отказались встретиться с ней на том совершенно законном основании, что Соединенные Штаты поддерживают режим Мубарака⁴⁴. Один из бывших советников Обамы Энн-Мари Слотер привела этот отпор в качестве ключевой прагматической причины, почему США должны находиться на стороне египетской молодежи с ее стремлениями, а не на стороне дряхлых диктаторов, ведь молодежь составляет до 60 % населения Ближнего Востока⁴⁵.

Однако на практике это означало ряд шагов репрессивной политики, например, продолжение помощи режиму Йемена в подавлении местной оппозиции. Депеши от 2010 года показывают, что Соединенные Штаты сотрудничали с йеменским правителем Али Абдуллой Салехом в организации воздушных ударов по целям на территории Йемена, которые считались базами «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове. Салех предложил Соединенным Штатам «открытую дверь», как показывают депеши, в то время как он же и его подчиненные шутили на встречах с генералом Дэвидом Петреусом по поводу того, что тот лгал публике, заявляя, что эти воздушные удары были исключительно работой правительства Йемена. В реальности народная оппозиция режиму Салеха, которую он называл «террористической», была широкой и многоликой и частично опиралась на сопротивление племен централизованному характеру его правления, в то время как американские воздушные удары причиняли ущерб, выходящий далеко за рамки их цели – «Аль-Каиды». А по мере того как борьба йеменцев против режима усиливалась, усиливались и удары с беспилотников. Например, только в июне 2011 года в результате резкого нарастания частоты авиаударов в провинции Абиан было убито 130 человек и 40 тысяч стали беженцами⁴⁶.

Среди других репрессивных ответов Вашингтона на Арабскую весну была поддержка, которую он оказал вторжению Саудовской Аравии в Бахрейн для подавления демократиче-

ской оппозиции. Хотя в публичных заявлениях Хиллари Клинтон и Барак Обама призывали к «сдержанности», когда правящая монархия Бахрейна развязала кровопролитие, личная переписка говорит о том, что они были больше озабочены стабильностью, чем демократией. Более того, министр обороны Роберт Гейтс бросился на защиту этого режима, заявив, что тот серьезно настроен на демократические реформы, но должен беспокоиться о возможности, которую имеет Иран, чтобы вызвать беспорядки, воспользовавшись протестами⁴⁷. Несмотря на обещания демократических реформ, после саудовского вмешательства для защиты режима, как показывают свидетельства, добытые «Викиликс», США продолжают оказывать помощь силам его безопасности⁴⁸.

Но, пожалуй, наиболее вопиющим с точки зрения показных демократических принципов Америки был поддержанный американским правительством в 2013 году военный переворот против избранного правительства «Братьев-мусульман» в Египте – переворот, который привел к нескольким массовым кровопролитиям⁴⁹. Это неизбежно открыло период свирепой авторитарной диктатуры⁵⁰ и смело завоевания Арабской весны. А значит, любой шаг, который США могли бы сделать, чтобы поддержать демократию на Ближнем Востоке, будет крайне ограниченным.

Несмотря на широкую пропаганду американских идеалов и гордость за эпоху после окончания холодной войны, когда принято было считать, что все дороги ведут к свободе, деспотизм – слишком ценная вещь, чтобы от него отказываться. И здесь необходимо рассказать кое-что о давних связях Соединенных Штатов с диктатурами данного региона.

Американская империя и диктаторы Ближнего Востока

Великое вступление Америки в статус глобального гегемона произошло в результате решающего удара, нанесенного колониальным державам Европы Второй мировой войной. После 1945 года Британия и Франция по-прежнему сохраняли большинство своих владений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, но, одно за другим, антиколониальные движения, которые были на подъеме с 1920-х годов, начали освобождаться от своих хозяев. В 1952 году пробританский монарх в Египте был свергнут Насером и Движением свободных офицеров. В 1954–1962 годах Алжир поднял восстание против Франции. В 1956 году Франция отказалась от контроля над Марокко и Тунисом. В 1958 году пробританский король Ирака был свергнут Кассемом, еще одним военным лидером-модернизатором. В случае с Палестиной освобождение было отложено появлением нового колониального хозяина в виде государства Израиль. Постепенно, однако, хватка колонизаторов в регионе разжималась. Эти события были особенно важными для США, поскольку Ближний Восток, как оказалось после череды открытий в межвоенный период, имеет огромные запасы дешевой и доступной нефти. В документе Государственного департамента от 1945 года Саудовская Аравия, страна, в сущности, сконструированная путем решительного вмешательства Британской империи, американских политиков и нефтяных компаний, признавалась «колоссальным источником стратегической силы и одним из величайших материальных призов в мировой истории»⁵¹.

Первоначально позицией американской стратегии было позволять империям распадаться с собственной скоростью, тем самым оставляя на них ответственность за применение военной силы и поддержание политического порядка, в то же время поощряя новые независимые общества к принятию стратегии развития, направленной на замещение импорта, при которой страны будут пытаться преодолеть свою зависимость от зарубежного импорта, развивая собственную промышленную базу. Поскольку американский капитал имел возможность инвестировать, Соединенные Штаты могли получать доступ на эти рынки другими способами, а не через политику «открытых дверей», которая была общепринятой с конца XIX столетия⁵².

В развивающейся глобальной финансовой инфраструктуре, основа которой была заложена в Бреттон-Вудсе, государства поощрялись к развитию рынков, которые могли бы быть инкорпорированы в мировую систему, где доминировали Соединенные Штаты.

По мере того как все больше государств завоевывали независимость, США постепенно брали на себя все больше ответственности за использование военной силы. Например, крупным активом для них было создание Багдадского пакта – организации в рамках договора, связывающей ряд режимов с Великобританией в стратегическом военном альянсе. Соединенные Штаты не участвовали в нем непосредственно, но оказали давление, чтобы он состоялся, а также предложили финансирование. Однако растущая волна арабского национализма представляла угрозу альянсу. Основной предпосылкой арабского национализма было то, что границы стран на Ближнем Востоке были искусственным порождением колониализма, и им на смену должно было прийти государство, объединяющее всех арабов и независимое от колониальных держав, Соединенных Штатов и СССР. Материальные ресурсы региона были бы поставлены на службу его собственному развитию, а не подчинены интересам международных инвесторов. Такого рода безумное мышление – это как раз то, к чему вел Мосадцык, избранный премьер-министр Ирана, пытаясь национализировать нефтяную промышленность, и что привело к совместной акции ЦРУ и МИ-6 по его свержению и замене шахом Мохаммедом Реза Пехлеви.

То же произошло и когда правительство Насера в Египте национализировало Суэцкий канал, а альянс Израиля, Франции и Британии вторгся в страну, чтобы его свергнуть. Но правительство США, как бы оно ни тревожилось об арабском национализме, считало, что это было катастрофическим просчетом, который мог заставить арабские страны ринуться в орбиту СССР. Более того, легитимность правительства США в мировой системе пострадала бы, если бы Соединенные Штаты были замечены в поддержке такого же рода агрессии, как та, что Советский Союз только что осуществил в Венгрии.

Однако на следующий год иракская монархия была свергнута Абд аль-Карим Касимом и «Свободными офицерами». Вскоре стало ясно, что новое правительство планирует выйти из Багдадского пакта, послав сейсмические волны по всему региону. Президент Ливана Камиль Шамун, который поддерживал Багдадский пакт, считался находящимся в особенно уязвимом положении. Поэтому американские войска в 1958 году прибыли в Ливан для охраны режима от внутренней оппозиции, а также от угрозы со стороны Египта и Сирии, в ходе первого применения «доктрины Эйзенхауэра», согласно которой американские войска будут защищать режимы, когда считается, что они уязвимы перед «международным коммунизмом»⁵³.

Действительно, призрак радикального арабского национализма – объединенного с «международным коммунизмом» – привел к тому, что США стали склоняться в пользу старых автократий. Поэтому США спокойно отреагировали на свержение короля Фарука в Египте Насером и движением «Свободных офицеров» и в то же время поддержали короля Хуссейна в Иордании при введении им военного положения в 1957 году, – лучший способ остановить союз правительства с Египтом, а если смотреть шире, его сдвиг в сторону лояльности к СССР и Китаю. США поддерживали и короля Идриса в Ливии против оппозиции до его свержения полковником Каддафи и «Свободными офицерами» Королевской армии Ливии в 1969 году.

Уход Британского военно-морского флота из региона Залива в 1971 году в рамках отказа Британии от своих обязательств «к востоку от Суэца» поставил США перед необходимостью заполнить образовавшуюся брешь. В разгар войны во Вьетнаме, когда военные расходы обескровили Министерство финансов США досуха, это было нежелательным развитием событий. Тем не менее Соединенные Штаты развернули свои ближневосточные силы и заменили патронаж с помощью фунтов стерлингов на долларовую дипломатию. К этому моменту существовала уже сеть диктаторов на местах, которые были в союзе с Соединенными Штатами, а Израиль нанес решающий удар по силам арабского национализма в Шестидневной войне, став таким

образом основным клиентом США в регионе вместе с Саудовской Аравией и шахом Ирана. Эти режимы вместе помогли загнать в бутылку арабский национализм, в то время как их зависимость от Соединенных Штатов в военном отношении заперла их в международных рамках, благоприятных для американских инвесторов. Решающие военные поражения, нанесенные Египту, вместе с нарастающим экономическим кризисом привели египетское руководство к переориентации своего режима на Соединенные Штаты, дав начало отношениям, освященным соглашениями 1978 года в Кэмп-Дэвиде.

Американская экономическая помощь и займы МВФ были использованы как рычаги, чтобы завоевать поддержку в пользу открытия экономики для глобальных рынков, вытесняющих импортозамещающую модель промышленного развития. Таким образом, эти страны стали зависимыми от импорта, а повторяющиеся платежные кризисы только углубляли их зависимость от займов, организуемых МВФ, и, следовательно, от принятия ими связанных с этим условий, включая весь пакет неолиберальных реформ под именем «структурной перестройки».

Способность таких режимов, как режим Мубарака в Египте, а позднее режим Бена Али в Тунисе, реализовывать эти программы, в то же время не давая разразиться социальным потрясениям, к которым они приводят, была, несомненно, главным фактором их пригодности для Вашингтона. Развал СССР и конец соперничества эпохи холодной войны также закрыл пространство для других режимов в проведении иного курса национального развития.

Соединенные Штаты твердо поддерживали диктатуру Саддама Хусейна в Ираке при его вторжении в Иран после свержения шаха и способствовали его жестокой войне против курдов. Но этот режим по-прежнему отчасти основывался на арабском национализме и сильном вмешательстве государства в экономику, а смягчение враждебности с Ираном означало, что пользе Ирака приходит конец. Его вторжение в Кувейт в 1991 году, которое явилось отчасти попыткой разрешить растущий иракский долговой кризис, продемонстрировало ненадежность режима. Напротив, верные Америке диктатуры, возглавляемые Саудовской Аравией и Египтом, с надеждой смотрели на американское вмешательство – и были вознаграждены за свою поддержку последующих американских войн крупным списанием долгов.

Сильные государства, сильные рынки

Война в Заливе 1991 года явилась поворотным моментом в развитии политики США. Больше не будет никакой терпимости к остаткам арабского национализма или к связанной с ним государственной экономической политике. Вскоре после короткой войны Ирак был загнан в клетку и обескровлен режимом санкций, разрешенных ООН. «Новый мировой порядок», как назвал его Джордж Буш-старший, это такой порядок, в котором главные мировые битвы – больше не битвы идеологий холодной войны, а скорее новая борьба по включению «третьего мира» в глобальные рынки и ликвидация источников нестабильности, таких как «исламский терроризм» или наркоторговля.

В то же время были расширены такие международные экономические организации, как G7, и открыты огромные рынки России⁵⁴. На Ближнем Востоке торговые соглашения укрепляли политические союзы, например, когда Соединенные Штаты призвали к развитию так называемых Особых промышленных зон в Иордании и Египте, продукция из которых имела бы свободный доступ на рынки США, при условии, что часть инвестиций будет поступать из Израиля⁵⁵.

Война администрации Буша-младшего 2003 года в Ираке подавалась, среди прочего, как смертельный удар по диктатурам в регионе. «Свободное рыночное государство», построенное на пепелище баасистского режима, должно было связываться с широкой свободной торговлей в регионе через ближневосточную зону. Открывая свои рынки, Ближний Восток мог бы пользоваться преимуществами глобализации, в то же время искоренение бедности погасило бы

очаги терроризма и других региональных проблем⁵⁶. При таком сильном росте установился бы социальный мир, и правительства могли бы ослабить применение репрессий и свернуть свою чрезмерно централизованную бюрократию.

Это представление было таким же миражом, как печально известное оружие массового уничтожения: для сильных рынков, как опыт должен был научить американских стратегов, требуются сильные государства. Тем не менее администрация вкладывала сотни миллионов долларов в аппарат «продвижения демократии», который связывал либерализацию государства с либерализацией экономики. Даже когда американское правительство культивировало имеющие для него ценность отношения с диктаторами в регионе, оно делало осторожные усилия по обеспечению себе позиции в гражданских обществах, которые однажды могут бросить вызов этому деспотизму, и ориентировало их на поддержку рынка. Такова была основа, на которой администрация Обамы попыталась дать ответ на Арабскую весну.

В речи президента Обамы в Организации Объединенных Наций в мае 2011 года подчеркивалось, что США будут мобилизовать средства для арабских государств, чтобы помочь им в политических и экономических реформах в соответствии с этим курсом⁵⁷. В известной речи британского премьер-министра Дэвида Кэмерона перед Национальным собранием Кувейта в феврале того же года также упоминалась эта связь «политических и экономических реформ»⁵⁸.

Говорили и деньги. Институт международных финансов, представляющий ведущие международные финансовые организации, в мае 2011 года заявил, что приоритетом режимов в Египте после Мубарака и в Тунисе после Бен Али должно быть «углубление и ускорение структурных экономических реформ... содействующих предпринимательству, инвестициям и росту на основе рыночных механизмов»⁵⁹. Таким образом, в сотрудничестве с союзными правительствами и международными финансовыми институтами Соединенные Штаты разработали Довильское партнерство с арабскими странами, переживающими переходный период, старт которому был дан на саммите G8 в мае 2011 года. Посредством партнерства входящим в него правительствам арабских стран предлагались пакеты займов, при условии, что они согласятся на приватизацию, сокращение субсидий, замораживание зарплат в государственном секторе и отмену государственного контроля и регулирования⁶⁰.

Этот пакет был реализован в ряде стран, от Туниса и Египта до Йемена и Ливии. В Тунисе, например, где установилась прочная парламентская демократия, образовавшееся в результате правительство, возглавляемое умеренной исламистской партией Возрождения, реализовывало Довильскую повестку, невзирая на значительное институциональное сопротивление в стране – даже ценой потери опоры в народе и допуска к власти партии бывшего режима⁶¹.

В Египте «Братья-мусульмане», связанные с Партией свободы и справедливости, которые выиграли парламентские выборы 2011 года, также попытались реализовать программу и получить доступ к связанным с ней кредитам. Это вызвало в стране ожесточенные споры, поскольку возглавляемое военными правительство, которое пришло к власти сразу после падения Мубарака, отказалось от пакета на том основании, что связанные с ним условия представляли собой ущемление суверенитета Египта. Более того, «Братья-мусульмане», казалось, были критически настроены к подобным мерам до своего прихода к власти. До того как Мохаммед Мурси выиграл в 2011 году президентские выборы, они критиковали бюджет временного правительства, который диктовал сокращения. После прихода к власти, однако, они сохранили на постах чиновников, поддерживавших этот бюджет, и попытались провести те же самые реформы, урезав субсидии на топливо и другие ресурсы, несмотря на волну забастовок и протестов⁶².

В конечном счете эти протесты слились с разрастающимся восстанием против авторитаризма новой системы, которая продолжала натравливать на протестующих вооруженные силы, создавая светскую реакцию против исламистов и более широкую реакцию в поддержку военных. Таков был контекст, в котором египетская армия начала свой переворот, приведя к власти

генерала Абделя Фаттаха аль-Сиси и дав начало разгулу организованных убийств и судебных расправ над активистами⁶³.

Правительство аль-Сиси в Вашингтоне приветствовали и дали некоторые послабления испытывавшим трудности финансовым институтам. Это правительство начало реализовывать многие из мер, на которых настаивал МВФ, включая резкое сокращение субсидий на топливо, что стало причиной того, что цены на бензин и природный газ выросли на 70 %. В статье, озаглавленной «МВФ втирается в доверие к Египту на фоне экономических реформ», «Уолл-стрит Джорнел» сообщал, что пакет реформ «был крупным политическим риском, поскольку серьезно увеличил стоимость жизни для бедных». Тем не менее, при ряде массовых убийств за плечами у режима, «эти изменения вступили в силу, не вызывая серьезных беспорядков»⁶⁴.

Американская империя пообещала Ближнему Востоку «новое партнерство», используя в качестве приманки давнишний жаргон про универсальные права, связанные со свободными рынками. Возможно, с определенной точки зрения это укрепило бы его международную легитимность, если бы она предпочла поддерживать процессы демократизации. Но экономические реформы, к которым она стремилась (открыть отрасли инфраструктуры международным инвесторам, одновременно покушаясь на уровень жизни бедных), оказались фундаментально несовместимыми с народовластием. Диктатуры элит «без предрассудков» остались незаменимыми.

Латинская Америка: три фазы империи

Среди массы материалов, опубликованных «Викиликс» с 2010 года, есть ряд документов, дающих ошеломляющее представление о внешней политике США в Латинской Америке. От Гондураса до Венесуэлы, Гаити и Эквадора Соединенные Штаты, кажется, имели врожденную предрасположенность к диктаторам – и отвращение к демократическим правительствам – на собственном «заднем дворе». Документы, как в целом, так подчас и по отдельности, освещают стратегическое обоснование таких предпочтений.

Тем не менее, по крайней мере в Латинской Америке, поддержка Соединенными Штатами диктатур далеко не так распространена, как это было в предыдущих фазах империи. Там, где диктаторы некогда были оплотом региональной стабильности, теперь они являются главным образом средством кризисного управления. Для американской стратегии в регионе они исключение, а не правило. Это так отчасти потому, что старые олигархии, на которые США имели привычку опираться как на союзников, трансформировались или отстранены благодаря либеральной модернизации. Этот переход заслуживает некоторого внимания.

То, как Соединенные Штаты поддерживали диктатуры, живо иллюстрируют депеши «Викиликс», в особенности относящиеся к трем странам: Гаити, Чили и Гондурасу. Они помогают понять исторический контекст, которым мотивировалось изменение американской стратегии.

История американской империи и ее отношение к диктатурам Латинской Америки распадается на три обширных фазы соответствующего имперского периода. О первом сигнализировала доктрина Монро, в соответствии с которой Соединенные Штаты претендовали на стратегическое превосходство перед колониальными соперниками в Южной Америке, – период, достигший своего апогея на колониальном рубеже 1898 года, когда США впервые заявили претензию на официальные колонии в своей борьбе с Испанией. Соединенные Штаты все еще шли в гору как экономическая держава и на протяжении большей части этого периода все еще расширяли свои территориальные притязания в Северной Америке. К 1890-м годам они подавили сопротивление коренных американцев, завершили завоевание фронта и принялись с воодушевлением обращать свой взор вовне, на новые территории, одновременно наращивая серьезный военно-морской потенциал. В этот период американская морская пехота была

главной силой, применяемой для навязывания политической воли таким странам, как Куба, Гаити и Никарагуа. Получив управление, США развили органы национальной безопасности для защиты дружественных клиентских режимов. Это эффективно работало до появления доктрины «добрососедства», основные принципы которой сформулировал президент Франклин Рузвельт: согласно ей, Соединенные Штаты отрываются от военного вмешательства в латиноамериканские государства.

Новую фазу начала холодная война, в которой Соединенные Штаты стремились поощрять режимы к развитию промышленной базы и процветающего среднего класса, способного поддерживать стабильную политическую власть, не создавая благоприятных возможностей для левых движений. Это было связано с образованием ряда глобальных институтов, известных под собирательным названием Бреттон-Вудс, по месту проведения конференции, на которой им был дан старт. Они включали глобальную финансовую систему, в которой валюты были привязаны к золотому стандарту, и такие организации, как Международный валютный фонд, учрежденный с целью способствовать развитию мировой торговли. Преобладающей ортодоксией было то, что национальные государства могут активно вмешиваться в дела экономики, чтобы поддерживать и развивать промышленные отрасли. В этот период Соединенные Штаты часто вмешивались в дела Латинской Америки, но не столько путем применения традиционных военных средств, сколько с помощью скоординированного ЦРУ тайного вмешательства с целью укрепления аппаратов национальной безопасности дружественных правительств и саботажа против правительств и движений, угрожающих интересам США.

О начале третьей фазы сигнализировал развал Бреттон-Вудской системы на фоне глобального экономического кризиса и адаптации Америки к поражению во Вьетнаме, а также ряд связанных с этим кризисов в ее управлении. Результатом, после затяжного и болезненного процесса реорганизации, была форма правления, основанная на либерализации рынков, контроле за движением капитала, а также регулировании финансов и труда.

Вместо того чтобы поощрять скоординированное с государствами развитие промышленности, МВФ проводил «структурную перестройку», используя долги как механизм для инкорпорации латиноамериканских государств в глобальную экономику. Зависимость от рынков приводит в действие свои дисциплинирующие механизмы, когда недружественная политика «наказывается» бегством капиталов или исключением из глобальных организаций. Сюда входила и реорганизация национальных элит, сокращающая власть олигархий, проводящих политику протекционизма, и – когда левые движения были сметены торнадо организованного ЦРУ насилия – поощрение их к управлению через институты парламентаризма. С некоторыми выдающимися исключениями, такими как «План Колумбия» и переворот в Венесуэле, Соединенные Штаты в основном смогли отойти от военных и полувосстановительных вмешательств и позволили говорить рынкам.

Фаза I. Доктрина Монро

Латиноамериканский континент и острова Карибского бассейна уже давно считаются «задним двором» Америки – разговорное обозначение доктрины, изложенной американским президентом Генри Монро в 1823 году, которая гласила, что любое вмешательство европейского государства на этих территориях будет расцениваться Соединенными Штатами как «недружественный шаг».

Возможно, это было самонадеянно, если принять во внимание, что США для обеспечения проведения своей доктрины на данном этапе не хватало военно-морского потенциала. Но это выражало собственническое отношение к Южной Америке, которое должно было определять американскую политику. Так же как на запад, Соединенные Штаты надеялись расширяться и на юг – для этого они должны были разжать хватку европейских колониальных

империй. В то же время американский капитал проникал на рынки Кубы, Бразилии, Никарагуа и далее. И к 1890 году, когда территориальная экспансия в западном направлении почти завершилась, он начал создавать гораздо более крупные военно-морские силы для завоеваний. Победоносная война с Испанской империей в 1898 году принесла контроль над Кубой и открыла период бешеной военной активности, бряцания оружием, вторжений и оккупаций в Гондурасе, Кубе и Никарагуа. Тем самым «задний двор» в начальной стадии был обеспечен⁶⁵.

Администрация Вудро Вильсона на протяжении двух сроков, с 1912 по 1920 год, была самой воинственной в утверждении «права» военного вмешательства США в Латинской Америке, оккупировав и Никарагуа, и Гаити. Гаити всегда беспокоила Соединенные Штаты. Ее революционная победа над колониальной Францией в 1804 году испугала рабовладельцев, которых ужасало то, что пример свободных чернокожих людей разожжет борьбу на юге и сломает хребет американской расовой системе. Вашингтон отказался признать независимость страны и даже рассматривал вопрос об аннексии острова. Подобно многим другим в этом полушарии, Гаити в основном представляла интерес для Соединенных Штатов как потенциальное имущество. Они неоднократно угрожали Гаити, посылая свой военно-морской флот для «защиты жизни и имущества американцев», в то время как местные жители могли только трепетать от ужаса перед победой экспансионистского рабовладельческого монстра с севера. Но именно с оккупацией 1915 года произошло решительное вмешательство США в управление, политику и экономику Гаити. Это было всего лишь одним из многих проявлений силы в регионе, предпринятых Вудро Вильсоном, избранным в 1912 году демократом-реформатором. В том же 1912 году он уже оккупировал Никарагуа и начал захватническую кампанию во время Мексиканской революции. Позднее, в нарушение своих обещаний, данных во время перевыборов, он приведет США к участию в нагромождении трупов Первой мировой войны. Вильсон действовал в контексте растущей мощи США, уже проявившей себя успехом в Американо-испанской войне и приобретением официальных колоний в Центральной Америке и на Филиппинах – предприятиями, которые он горячо поддерживал. Войска США посылались в Панаму и Гондурас, а Куба оккупировалась неоднократно с тех пор, как была отвоевана у Испании в 1898 году. Южный патриций и сторонник превосходства белой расы, Вильсон был убежденным приверженцем сегрегации и предназначения Америки как мировой империи, которая, как он был убежден, должна взять свою долю того, что Киплинг называл «бремя белого человека».

Непосредственной целью интервенции 1915 года на Гаити было стремление положить конец народной революции, которая низложила и казнила проамериканского диктатора Гийома Сана Жана Вильбрена. Оправданием этой миссии служило то, что порядок должен быть восстановлен, чтобы ситуация не дестабилизировала мировую систему. Возможно, это и было проблемой, хотя существовали и другие. Под угрозу попали бы американские инвестиции, если бы революция начала экспроприировать имущество собственников. Но более широкая картина показывает, что Соединенные Штаты сталкивались с растущей конкуренцией европейских держав за влияние на остров, а американской политикой со времени провозглашения доктрины Монро в 1823 году было отношение к Карибским островам как к своему имуществу, которое необходимо защищать от европейского проникновения. США расценивали жителей Гаити как детей, точно так же, как они относились к кубинцам и филиппинцам, когда отвоевали их территории у Испании во время Испано-американской войны 1898 года. Поэтому для генерала Смедли Батлера было совершенно нормально заявить, что жители Гаити – это американские «подопечные», которым пойдет на пользу период опеки, даже несмотря на то, что около 11 500 из них было убито в результате вторжения и оккупации⁶⁶. Соединенные Штаты «стабилизировали» Гаити, устраивая «охотничьи» экспедиции и физически уничтожая оппозицию, а впоследствии начали реконструировать страну. Была создана новая жандармерия, построенная по образцу Корпуса морской пехоты США, а население мобилизовывалось на принуди-

тельные работы. К тому времени, когда США покинули остров, в 1934 году, в рамках политики «доброе соседство» Рузвельта был успешно установлен жестокий проамериканский режим, благоприятный для бизнеса. С этого момента Соединенные Штаты были способны удовлетворять свои интересы, поддерживая преемственность диктатур, самой известной из которых стало печально известное правление Франсуа Дювалье (Папы Дока) и его сына Жана-Клода (Бэби Дока).

Другие вмешательства были менее интенсивными, но в равной степени бесцеремонными. Например, когда интересам США угрожала Мексиканская революция⁶⁷ против геронтократической диктатуры Порфирио Диаса, Вильсон вмешивался дважды. Основная часть прямых американских инвестиций вкладывалась в Мексику, и у американских инвесторов был большой пакет акций в лесных складах, шахтах и фермах. В целом Соединенные Штаты предпочитали дружественную к бизнесу Мексику, а не ведомую в популистском или радикальном направлении.

Поэтому когда Вильсон посчитал, что революция «вышла из-под контроля», он решил организовать интервенцию, якобы для поддержки умеренного, либерального крыла революции. Эта фракция, будучи далеко не в восторге от поддержки США, осудила ее как проявление империализма янки⁶⁸.

Фаза II. От «политики доброго соседа» к холодной войне

Политика оккупации стран Латинской Америки, наполняя доктрину Монро содержанием, которого она не приобрела во время срока полномочий президента, чье имя носит, была достаточно успешна в создании надежных клиентских режимов, чтобы Соединенные Штаты смогли отказаться от ряда своих обязательств во время администрации Франклина Д. Рузвельта, под эгидой его «политики добрососедства». Во всяком случае, США постепенно осознавали, что непрямой контроль с помощью дружественных режимов и доступа к рынкам в большинстве случаев был предпочтительнее прямой оккупации. Как убеждал Уолтер Лафибер, «Соединенные Штаты додумались до решения своей традиционной дилеммы, как применять силу, чтобы останавливать революции без необходимости иметь долгосрочные обязательства американских войск. Похоже, ответ был в том, чтобы использовать туземные, обученные американцами силы, которые могли бы и умиротворять, и защищать страну»⁶⁹.

Таким образом, доминирование США в послевоенную эпоху все больше принимало форму поддержания сети авторитарных режимов, ориентированных на интересы США, либо подрыва правительств, которые были ориентированы не так. Вместо прямой оккупации США вели переговоры с режимами о создании военных баз там, где у Соединенных Штатов были стратегические интересы. В Карибском бассейне медленный упадок власти Британии открыл возможности для проникновения США. Регион был богат ресурсами, изобиловал дешевой рабочей силой и географически соседствовал с Панамским каналом, построенным американским капиталом в условиях социальной и расовой сегрегации для облегчения импорта в Соединенные Штаты. Американские планировщики сгорали от нетерпения убрать с дороги «лимонников» и начать насаждать на этих островах базы. Где могли, они кооптировали антиколониальных лидеров; там, где это было невозможно, они применяли неустанное давление. Доктрина Монро достигла зенита своего влияния.

С точки зрения американского капитала это было идеально. Американские инвесторы принесли промышленный опыт, который превратил производство фруктов, сахара и добычу сырья в огромные, централизованные производственные предприятия. Одним из следствий этого процесса стало вытеснение мелких фермеров и крестьян с земель, наводнившее городские центры послушными работниками. В сочетании с мощными аппаратами безопасности,

созданными американскими морскими пехотинцами, эта централизация экономической власти консолидировала экономическую олигархию, которая имела мало стимулов отвечать на народные требования. А если городские рабочие и средние классы вместе с крестьянами пытались добиться реформ, у Соединенных Штатов были средства им воспрепятствовать. В глобальном контексте холодной войны, антагонизма между Соединенными Штатами и Советским Союзом, первые могли защитить возобновленное вмешательство как средство противостояния агрессивной, империалистической советской экспансии.

События 1954 года в Гватемале ярко иллюстрируют эту динамику. Правящий класс страны долгое время опирался на феодальную по сути систему контроля над рабочей силой, причем законы о труде и бродяжничестве давали власть узкой олигархической прослойке, которой принадлежала подавляющая часть земли. Система была близка к рабовладельческой. Послевоенная волна восстаний и реформы начали освобождать труд, а выборы 1950 года отдали власть представителю левого крыла Хакобо Арбенсу. Паническую реакцию Вашингтона трудно было переоценить. Группа сенаторов во главе с Линдоном Б. Джонсоном кричала о «международном коммунизме» – «империализме нового типа». В резолюции палаты представителей утверждалось, что русские нарушили доктрину Монро, на что может быть только один ответ: война. В установленном порядке американские бомбы смели избранное правительство и навязали в качестве президента антикоммунистического диктатора, полковника Карлоса Кастильо Армаса. Прибыли компании «Юнайтед Фрут», а также позиции правящего класса в стране тем самым были защищены⁷⁰.

В принципе, Соединенные Штаты отдавали предпочтение либерально – демократическому правлению по сравнению с реакционными олигархиями. В принципе, они были на стороне прогресса. И с точки зрения долгосрочных интересов США можно было бы утверждать, что развитие местной промышленности, сокрушение олигархов и консолидация широкого среднего класса как основы устойчивой демократии и потребительского рынка были оправданными. На практике, какие бы мягкие шаги ни предпринимала империя в этом направлении, они почти всегда извращались ее более глубокой приверженностью к выгодным условиям для инвестиций. Взять хотя бы «Союз ради прогресса» Кеннеди. Предполагалось, что он откроет эру либерального великодушия, в которую демократическая администрация будет предоставлять странам Латинской Америки необходимую помощь в обмен на благие реформы, такие как перераспределение земли, разрушение монополий и уменьшение бедности. На деле же проамериканские олигархи и американские фирмы предпочли использовать деньги для интенсификации продуктивности своих земель, инвестировать в обновление своих технологий, а проблему сокращения нищеты предоставить чудодейственным силам экономического роста, который последует.

Когда Кеннеди действительно поддерживал реформы, он, как правило, потом об этом жалел. Например, в Доминиканской Республике Соединенные Штаты долго поддерживали диктатуру Рафаэля Трухильо – невероятного клептократа, который захватил контроль над большинством ресурсов страны, но сохранял желаемую американским правительством политическую стабильность. После его убийства были проведены выборы, на которых Хуан Бош шел кандидатом от реформистов. Соединенные Штаты поддерживали его, полагая, что он приватизирует огромные владения бывшего диктатора. Вместо этого он сохранил их в качестве общественного имущества и подверг мобилизации сначала олигархов и их сторонников из военных, а затем и сторонников Соединенных Штатов. Последующий период переворота и контрпереворота, поддержанный американскими войсками, унес тысячи жизней и в конце концов завершился, только когда администрация Джонсона организовала приход к власти бывшего вице-президента правительства Трухильо, который должным образом приватизировал богатства страны и открыл экономику для американских инвесторов⁷¹.

Одновременно Соединенные Штаты вкладывались в программу военного обучения, предназначенную для укрепления аппаратов внутренней безопасности латиноамериканских диктатур. Это было необходимое противодействие волне радикализации, уже очевидной в Гватемале и при наличии дополнительной силы, когда Кубинская революция 1959 года увела главный местный приз Испано-американской войны из американской сферы влияния. Началась волна правых военных переворотов, начиная с Бразилии в 1964 году и кончая Аргентиной в 1976-м. Вершиной этой реакционной волны был переворот Аугусто Пиночета в Чили, который, по существу, превратил страну в лабораторию неолиберализма под руководством экспертов из Чикагского университета. Ряд организаций, от Государственного департамента до ЦРУ, работал над программой, по которой возникли печально известные эскадроны смерти, совокупный счет жертв которых достиг ошеломляющей величины в 1970-х и 1980-х годах⁷².

Это было особенно важно на фоне поражения США во Вьетнаме, что делало прямую военную интервенцию в большинстве обстоятельств невозможной. Только в Гренаде в 1982 году было предпринято прямое вторжение, чтобы свергнуть левое правительство Мориса Бишопа. Этот крошечный карибский остров не представлял никаких жизненных интересов для Соединенных Штатов, не говоря уже о вызываемой им «коммунистической» угрозе. Однако интервенция администрации Рейгана послала четкий сигнал: в Вашингтоне взяла власть администрация «новых правых», и она открыто находится в состоянии войны с левыми движениями в Латинской Америке.

В Никарагуа проамериканская диктатура Сомосы, несмотря на то, что она контролировала аппарат безопасности, созданный и десятилетиями поддерживаемый ее американским патроном, была свергнута народным движением сандинистов. В Сальвадоре подобное народное движение крестьян и рабочих было готово свергнуть национальных олигархов. Администрация Рейгана охарактеризовала это как откровенную советскую агрессию и приступила к широкомасштабной программе набора, обучения и вооружения эскадронов смерти на базах в Гондурасе. ЦРУ обеспечивало централизованные разведывательные системы, базирующиеся и в Гондурасе, и в Панаме, поставляя убийцам важную информацию. В Никарагуа «контрас», как собирательно называли эскадроны смерти, во время своего наступления убили приблизительно 50 тысяч человек. В Сальвадоре гражданская война унесла жизни до 80 тысяч человек, хотя есть свидетельства, что местные олигархи были готовы к операции по тотальной «зачистке», которая уничтожила бы до полумиллиона человек.

Фаза III. Права человека и неолиберальные реформы

Именно в этот жестокий и кровавый период старые антикоммунистические лозунги холодной войны начали заменяться языком прав человека. Администрация Рейгана заявила, что ее заботой в Латинской Америке является именно установление режимов, которые уважают универсальные права человека. Американская администрация утверждала, что в Сальвадоре в качестве антикоммунистической альтернативы фашистской партии АРЕНА она поддерживает христианских демократов, которые будут продолжать руководить гражданской властью. Она заявила, что на Гаити ее поддержка диктатуры Жана-Клода Дювалье заканчивается и что она будет выступать за свободные выборы. В Никарагуа после многих лет насилия «контрас» она в итоге встала на сторону Виолеты де Чаморро, чтобы нанести поражение сандинистам на выборах 1990 года, при существенной помощи США – и с угрозой экономической блокады в случае ее проигрыша. С учетом принятого наряду с этим решения администрации покончить с режимом Маркоса на Филиппинах, «Форейн Аффэйрз» приветствовала такое развитие событий, как «поворот к правам человека»⁷³. Тем не менее и в Никарагуа, и в Сальвадоре именно эскадроны смерти одержали победу, обеспечивая продолжение господства старых правящих

классов. На Гаити окончательный успех, одержанный популярным кандидатом Жаном-Бертраном Аристидом на выборах 1990 года, был быстро отменен теми, кто осуществлял геноцид в ходе поддержанного США переворота, произошедшего в следующем году. Аристиду не позволяли вернуться на пост до 1994 года, когда он согласился реализовать повестку своего противника, которого он победил на выборах. В каждом из этих случаев США были способны примириться с какой-то формой демократического правления только после того, как старые диктатуры показывали свою непригодность для американской цели, – и только однажды народные силы, выступавшие против класса предпринимателей, поддерживаемого Соединенными Штатами, потерпели жестокое поражение.

Волна насилия в 1980-х совпала с резкой экономической перестройкой обществ Латинской Америки, для которых первым крупным толчком стал так называемый «шок Волкера». Международные банки в изобилии давали займы южноамериканским диктатурам в течение 1970-х годов, делая их уязвимыми перед решением Пола Волкера, главы Федерального резерва США, поднять процентные ставки. Очень скоро большинство доходов от экспорта стран Латинской Америки было поглощено погашениями задолженностей, что поставило регион в зависимость от экстренной финансовой помощи МВФ. Условия, сопровождавшие эти пакеты помощи, включали радикальные «структурные изменения» по образцу тех, что были реализованы в Чили под руководством «чикагских мальчиков». Предписания МВФ включали знакомую к настоящему времени смесь приватизации, сокращения субсидий, замораживания зарплат и доведения до конца долгосрочного перехода к «экспортно-ориентированному росту», при котором внутреннее потребление подавлялось с тем, чтобы товары можно было производить на экспорт. В основных диктатурах, таких как на Гаити, помощь и займы использовались также для открытия сельскохозяйственного и промышленного производства для американского капитала. Эми Виленц так характеризует стратегические цели Соединенных Штатов на Гаити: «Первая – перестроенное и зависимое сельское хозяйство, которое экспортирует на американские рынки и открыто для американской эксплуатации, и вторая – перемещенное сельское население, которое не только может быть использовано в городах, на перенесенных сюда американских промышленных предприятиях, но и более подвластно контролю со стороны армии»⁷⁴.

Несмотря на успех неолиберальных реформ и поражения левых, смягчение насилия эпохи Рейгана, нормализация парламентской демократии и медленное вытеснение власти старых олигархов постепенно создавали возможности для новых народных сил. В контексте «войны с террором» Соединенные Штаты сосредоточили всю энергию на расширении своего владычества на Ближнем Востоке, и несколько стран Латинской Америки смогли начать медленный процесс освобождения от американского господства. При Уго Чавесе Венесуэла сорвала поддерживаемый США государственный переворот и приступила к повестке социальных реформ, финансируемых за счет доходов от продажи энергоносителей. Вскоре к Чавесу присоединилось множество других левых лидеров, которые консолидировали свои региональные силы с помощью «Боливарианского альянса для народов нашей Америки» (ALBA). Соединенные Штаты, что бы они ни пытались делать в Венесуэле, как правило, воздерживались от продолжительной военной интервенции или интервенции чужими руками на континенте (за исключением Колумбии), предпочитая вместо этого использовать институты «продвижения демократии», которые они усовершенствовали с 1980-х годов для поддержки проамериканских течений⁷⁵. Но там, где они действительно решительно вмешивались, как на Гаити, они были осмотрительны, стремясь использовать многостороннюю организацию и мандат ООН, чтобы узаконить ситуацию после переворота. Также насильственно, как это часто было при режиме после Аристида, США стремились нормализовать избирательную политику без Аристида, его партии «Семья Лавалас» и народной политики, которую они представляли. Это было

авторитарно, недемократично и жестоко, но и сравниться не могло с почти геноцидом «войны низкой интенсивности» 1980-х годов.

Гаити: ликтатура, эскадроны смерти, потогонные фабрики

Во время холодной войны действовало приписываемое Франклину Д. Рузвельту апокрифическое замечание о клиентской диктатуре Америки в Никарагуа, которое, как предполагается, характеризует отношение Америки к деспотизму на ее «заднем дворе»: «Сомоса, может, и сукин сын, но он наш сукин сын»⁷⁶. Это неофициальное саркастическое замечание доказывает, что если на диктатуру можно положиться в борьбе против коммунизма, она может пользоваться защитой со стороны лидера «свободного мира». В действительности история глубже, как показывает пример Гаити.

Среди просочившихся депеш Государственного департамента есть пачка документов, относящихся к островным карибским государствам и американской дипломатии в этом регионе. Документы показывают, как Соединенные Штаты отчаянно пытаются защищать интересы американских корпораций, стремясь предотвратить возвращение к власти демократически избранного лидера, смещенного во время поддержанного США переворота, действуя в союзе с элитами, практикующими потогонное производство, которые используют полицию как собственную армию наемников.

Одна партия депеш показывает, что США работали день и ночь, чтобы предотвратить возвращение на Гаити «мятежного священника» Жана-Батиста Аристиды, избранного президента, который был смещен в 2004 году в результате поддержанного США государственного переворота⁷⁷. Во время этой операции Аристид был «сопровожден» из страны американскими «морскими котиками» в ходе того, что сам он описал как «современный киднеппинг». Впоследствии оккупационные силы ООН – Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ) – были быстро собраны, и режим, возникший после переворота, освящен во власти.

В последующие годы представители США были обеспокоены тем, что Аристид может завоевать народную поддержку и возвратиться, тем самым угрожая «демократической консолидации», появившейся в результате переворота. Соединенные Штаты особенно беспокоили «возрождающиеся популистские и выступающие против рыночной экономики политические силы», которые могут вырваться из-под контроля, если Аристид вернется. Поэтому США оказывали давление, чтобы МООНСГ оставалась и помогала реализовывать «коренные интересы [правительства США] на Гаити». В свою очередь, глава МООНСГ Эдмон Муле просил правительство США выдвинуть против Аристиды обвинения в нарушении закона, чтобы не дать ему вернуться на Гаити⁷⁸.

Другая серия документов показывает, что посольство США сотрудничало с крупными американскими компаниями, оказывая давление на правительство Гаити, чтобы оно не повышало минимальную заработную плату⁷⁹. Зарплаты на Гаити были одними из самых низких в мире, и существовало политическое движение низкооплачиваемых и безработных за законы о более высокой заработной плате. Американские дипломаты оказывали давление на президента Рене Превалья, чтобы тот вмешался и не допустил выхода политической ситуации из-под контроля. Но вмешательство Превалья, согласившегося на поэтапное повышение минимальной заработной платы, американское посольство потом сочло неприемлемым как не отражающее «экономическую реальность». Подразумеваемая реальность, по-видимому, состояла в том, что стратегия роста и экспорт Гаити зависят от изобилия крайне дешевой рабочей силы.

Другие откровения раскрывают характер элит, которые поддерживали Соединенные Штаты, и жестокие методы репрессий, которые они использовали после переворота 2004 года

для того, чтобы сломать политический хребет популярных сторонников Аристида и партии «Семья Лавалас». Несмотря на убийство тысяч людей с помощью собственных военизированных формирований – преемников эскадронов смерти, которые истязали Гаити в 1991 году, – правительство, пришедшее после переворота, не могло быть уверено в сохранении политического порядка. Поэтому бизнес-элиты поставляли летальное вооружение подразделениям Национальной полиции

Гаити и эффективно применяли их как частную армию для подавления политической оппозиции⁸⁰.

Все эти факты – то, что Америка поддержала антидемократический переворот, ее союз с элитами, владельцами потогонных производств и убийцами, ее усилия остановить возвращение избранного лидера Гаити – могут быть понятны только в свете развития стратегии Америки на ее «заднем дворе». История диктаторов, поддерживаемых США, охватывающая все три фазы, изложена в начале настоящей главы. Как мы видели, эта история была начата в 1915 году интервенцией американских войск, первой задачей которых было создать новый марионеточный режим. На той стадии США еще отдавали предпочтение непосредственному господству над территорией. Это продолжалось в новой фазе во время холодной войны, когда США добивались стабильных режимов, которые могут «проводить модернизацию», в то же время не давая прийти к власти левым. Таким образом, хотя Соединенным Штатам не нужно было больше править Гаити с помощью прямого военного контроля, поскольку они уже создали аппарат национальной безопасности, они потворствовали, вооружали и поддерживали такие режимы, как режим Папы Дока Дювалье, а потом и его сына Бэби Дока. Что касается первого, дело доходило до прямой военной интервенции, чтобы защитить диктатуру.

Соединенные Штаты начали поддерживать консервативного Папу Дока во время выборов 1957 года, когда он выступал против богатого, поддерживаемого Францией кандидата Луи Дежо. Дювалье убедительно победил на выборах, но быстро установил жестокий режим, опиравшийся на применение собственных военизированных формирований, тонтон-макутов. И в течение двух лет, когда Дежо был готов организовать восстание против диктатуры, американские морские пехотинцы совместно с силами Дювалье подавляли восстание, а последние начали облавы на подозреваемых. Действия США оправдывались утверждением, что восстание организовано режимом Кастро, но доказательств тому было мало: Дювалье просто подтвердил свое мастерство в манипулировании американской одержимостью по поводу коммунизма, чтобы укрепить поддержку, которую Америка уже была склонна ему оказать⁸¹. После этого Дювалье распустил все другие законные правоохранительные органы и передал их полномочия военизированным формированиям, которые впоследствии терроризировали население с помощью насилия и убийств.

В краткий период во время администрации Кеннеди щедрая манера, с которой Дювалье тратил даваемые американцами деньги, и его решение повторно «ввести себя в должность» правителя Гаити в 1961 году привели правительство США к выводу, что он ненадежный союзник. Как выразился Эдвин Мартин, помощник госсекретаря по межамериканским делам, Дювалье «пойдет на что угодно, если это будет служить его цели – удержаться у власти»⁸². Кеннеди обсуждал военную интервенцию, призванную его убрать. Действительно, разрабатывались планы свести Дежо с ведущими бизнес-кругами Нью-Йорка, которые предоставили бы финансирование для переворота в обмен на доступ на гаитянские рынки и правительственные контракты⁸³. Однако к тому времени Дювалье укрепил свою власть путем крайне кровавых акций, которые были оплачены за счет американской помощи. Никаких шагов предпринято не было, и помощь хоть и сократили, но не отменили. Администрация Джонсона возобновила нормальные отношения и увеличила поддержку.

Новая фаза взаимоотношений была открыта свержением Бэби Дока в 1986 году и укрепилась, когда в 1994 году Аристиду позволили прийти к власти. Администрация Рейгана продолжила политику Никсона и Картера по поддержке молодого Дювалье, под предлогом, что он обеспечивает присутствие антикоммунизма в регионе. На самом деле к тому времени «красная угроза» была реальной, причем существовало сильное левое движение на Гаити. Движение «Лавалас» – популистский альянс, выросший из труппы Порт-о-Пренса, – был направлен на искоренение системы правления военизированных формирований, а также экономической политики, обогащающей национальную элиту владельцев потогонных предприятий. У этого движения особенный отклик и находили страстные речи священника по имени Жан-Бертран Аристид.

«Лавалас», очевидно, вызвал панику у администрации Рейгана. Она стремилась скорректировать свою позицию по отношению к Гаити, спорадически отменяя помощь и выражая неискреннее неприятие государственного насилия. Тем не менее это был не тот случай, когда Соединенные Штаты могли стерпеть переход к демократии. Молодой Дювалье предпринимал усилия по включению Гаити в глобальные рынки, согласно неолиберальному курсу, выдвинутому Вашингтоном, но движение Аристида угрожало со всем этим покончить. Таким образом, когда Аристид в 1990 году выиграл выборы с 67 % голосов по сравнению с 14 % у экономиста Всемирного банка и американского фаворита Марка Базена, страну захватили обученные ЦРУ эскадроны смерти и развязали трехлетний террор, который закончился, только когда правительство США убедило Аристида принять политическую повестку его оппонента и править согласно курсу, указанному МВФ и Всемирным банком. Он был вынужден принять программу структурной перестройки, которая включала дальнейшее сокращение заработной платы и без того крайне бедных рабочих Гаити. Как рассказал представитель ООН Лакдар Брахими гаитянскому радио в 1996 году, США были согласны с тем, что политическая реформа необходима, но когда речь заходила об экономической власти, элиты должны были знать, что «на их стороне симпатии Большого Брата, капитализма»⁸⁴.

Однако неохотного согласия Аристида было недостаточно, и попытки реализации структурной перестройки породили внутри движения «Лавалас» раскол между «умеренным» крылом, близким к Вашингтону, и теми, кто поддерживал Аристида, который пытался выхолостить эту программу. Крыло Аристида в движении «Лавалас» недостаточно приспособилось к политическому поражению, вызванному эскадронами смерти, и недостаточно освоилось с новыми заповедями «свободного рынка». Его постоянные неудачи в этом связывались (что превратилось в обычную практику США к тому времени) с критикой режима, основанной на нарушении им прав человека. Журналист Эми Виленц, рассматривая это направление атаки, замечает, как было необычно, когда Соединенные Штаты внезапно озаботились нарушением прав человека на Гаити, ускользавшим от них на протяжении практически всего периода диктатуры. Тем не менее растущее движение против владельцев потогонных предприятий и реакция против структурной перестройки были, в некоторой степени, направлены на Аристида. После его переизбрания президентом в 2000 году бизнес-группы начали организовывать оппозиционный политический альянс, названный «Группа 184», который позиционировал себя как широкую коалицию гражданского общества. Вместе с такими группами, как «Конвержанс Демократик», они попытались аннулировать результаты выборов. К 2004 году при поддержке администрации Буша был начат переворот против Аристида. Вскоре французский и американский лидеры стали советовать ему уйти в отставку, и под дулами автоматов его вывезли из страны, в то время как ее оккупировали американские, канадские и французские войска⁸⁵.

Это не означало, что Соединенные Штаты желали очередного периода откровенной диктатуры. При многонациональной оккупации, официально санкционированной Организацией Объединенных Наций, они вместо этого привели к власти чрезвычайное правительство, за чем последовали выборы, и опирались на силы ООН при подавлении движения «Лавалас», кото-

рое демонизировали, называя «бандами». Пока Аристиды в стране не было, а его политическое движение было нейтрализовано и удерживалось под контролем, можно было позволить провести тщательно управляемые выборы. Смысл продолжавшейся интервенции на Гаити был не в том, что требовалось политическое господство диктатуры, а просто в том, что населению еще не было причинено достаточное насилие, чтобы дисциплинировать его для голосования за новый рыночный режим.

Чили: депеши Киссинджера

В апреле 2013 года «Викиликс» опубликовал 1,7 миллиона дипломатических и разведывательных документов Государственного департамента США, относящихся к периоду, когда госсекретарем был Генри Киссинджер: «депеши Киссинджера»⁸⁶. Эти депеши дают уникальное понимание роли Государственного департамента в улаживании проблем американской империи в тот период. Не будем говорить об особенно циничном стиле действий Киссинджера: это явно был период кризиса и перемен, и чрезвычайно жестокие меры американского вмешательства могут быть поняты в данном контексте.

Немедленный результат первой оценки этих документов выразился, в частности, и в ряде смачных фрагментов, сделавших заголовки на первых полосах. К ним относится, например, встреча Киссинджера с министром иностранных дел Турции в 1975 году. Американский Конгресс только что ввел эмбарго на продажу оружия Турции в ответ на кровавое вторжение последней на Кипр. Тем не менее, как показывают депеши, Киссинджер предлагал различные меры, чтобы обойти эмбарго. Когда ему сказали, что эти предложения незаконны, он заметил: «Перед лицом Закона о свободе информации я обычно говорю на встречах: “То, что незаконно, мы делаем сразу; то, что неконституционно, занимает немного больше времени”»⁸⁷. Циничная острота такого рода, наверное, едва ли заслуживала бы внимания, если бы не было свидетельством того, что Киссинджер и администрация уже работали над тем, чтобы спровоцировать и дать возможность Турции осуществить вторжение, и впоследствии на самом деле работали над тем, чтобы обойти оружейное эмбарго⁸⁸.

1973 год: в ходе переворота, поддержанного ЦРУ и военными, правительство Сальвадора Альенде было свергнуто, и к власти пришел диктатор Пиночет. Самые циничные документы относятся к секретной реакции правительства США на переворот; они дополняют предыдущие волны рассекреченных депеш, собранных Архивом национальной безопасности в Университете Джорджа Вашингтона⁸⁹, а также выводы из доклада Хинчи о деятельности ЦРУ в перевороте, составленном под руководством Национального разведывательного комитета в 2000 году⁹⁰. Факты говорят о том, что Соединенные Штаты играли последовательную роль в саботаже против администрации избранного левого политика Сальвадора Альенде и в его конечном свержении. До 1970 года Чили была относительно стабильной и консервативной нацией, где левые спокойно исключались из власти. Тем не менее, вопреки косной олигархии, которая отказывалась пойти на реформы, левые получили небольшое преимущество в 1970 году и заручились поддержкой некоторых традиционно центристских политических группировок. Таким образом, Альенде получил мандат на управление и реализацию своей повестки реформ. Он говорил на языке марксизма на континенте, где параноидальный антикоммунизм обосновывал репрессии укоренившихся олигархий.

Немедленной реакцией администрации Никсона было начать поиск возможностей для государственного переворота. Киссинджер поручил ЦРУ «давить на все слабые места, которые найдутся у Альенде». Никсон на встрече с директором ЦРУ Ричардом Хелмсом санкционировал программу саботажа против режима: «Заставьте экономику буксовать»⁹¹. Затем Киссинджер приступил к плану по похищению и ликвидации командующего чилийской армией, кото-

рый, как было известно, выступал против вмешательства армии в избирательную политику. Надежда была на то, что это вызовет панику в чилийском парламенте и что он откажет Альенде в праве вступить в должность.

План Б – «Второе направление», как его называли, – состоял в организации переворота против Альенде и проведении повторных выборов, в которых он потерпит поражение. Это была «твердая и последовательная политика – Альенде должен быть свергнут в результате переворота», как писали из

ЦРУ группе «Второе направление» в Сантьяго. В надежде, что группировки среди военных можно будет привлечь к такому перевороту, в страну переправляли оружие⁹².

К помощи со стороны правительства США были привлечены компании, имеющие предприятия в Чили, такие как ИТТ и «Пепси-Кола». ИТТ помогала направлять американскую помощь фракциям, выступающим против Альенде. Тем временем международные финансовые организации подталкивались к бойкоту Чили, а традиционная помощь американским корпорациям, инвестирующим в Чили, была приостановлена – и таким образом экономику действительно заставили буксовать.

Будь это до администрации Никсона, чилийские военные уладили бы свои политические дела задолго до 1973 года. Однако даже при таком массивном вмешательстве переворот мог и не осуществиться, если бы не тот факт, что повестка Альенде встретила яростное сопротивление со стороны бизнес-сообщества Чили и среднего класса. Альенде, конечно, увеличил свою часть голосов с 36 % на выборах в 1970 году до 44 % в 1973-м, но центристские партии, от которых зависела его коалиция, качнулись обратно, к поддержке правых.

11 сентября 1973 года силы, возглавляемые генералом Аугусто Пиночетом, сбросили правительство, подвергли бомбардировке президентский дворец и начали облавы на членов оппозиции, которых потом пытали и казнили в массовом порядке. 12 сентября генерал Пиночет установил контакты с представителями американского правительства – через посредника «ввиду деликатности вопроса о контакте в данный конкретный момент времени» – и информировал их, что новый режим разорвет отношения со странами «коммунистического блока», стремясь «к укреплению и усилению традиционно дружественных связей с США»⁹³.

На следующий день американцы ответили, приветствуя «выраженное генералом Пиночетом желание об укреплении связей между Чили и США... Правительство США желает четко выразить свое стремление сотрудничать с военной хунтой и помогать ей любым подходящим способом. Мы согласны, что лучше всего вначале избегать слишком большой публичной идентификации между нами»⁹⁴. 20 сентября США получили послание от хунты с запросом на обучение сил специального назначения для следующих целей:

- А. Психологическая война.
- В. Организация и операции сил специального назначения.
- С. Организация и мероприятия в отношении гражданской администрации и населения⁹⁵.

В данных обстоятельствах главной целью чилийских военных было подавление и контроль гражданского населения. Ответом Вашингтона, после нескольких недель размышлений, было временное «нет», в связи с потенциальной негативной общественной реакцией, но, обратите внимание, с подразумеваемым одобрением целей режима: «Для нас было бы лучше, если бы [правительство Чили] в данный момент ответило бы на эти требования с помощью других средств»⁹⁶. Пиночет в последующем разговоре с представителями Госдепартамента довел до них свои понимание и готовность, касающиеся необходимости соблюдать «осторожность, чтобы избегать чрезмерно близкой идентификации». Гласность в отношении участия США в гуманитарных поставках приветствовалась, но им следовало быть «крайне осторожными»

в отношении «какого-либо сотрудничества в других областях». Государственный департамент согласился, упомянув такую военную помощь как «миноискатели» в качестве «примера другого рода вещей». На самом деле Государственный департамент продолжал лоббировать в Сенате широкую военную помощь для чилийского режима⁹⁷.

Дальнейшие депеши демонстрируют усилия дипломатов примирить поддержку режима правительством США с критикой во всем мире, которую навлек на себя этот режим, особенно со стороны Комиссии по правам человека ООН. «Пиночет, конечно, совершенно прав, говоря о несправедливости двойных стандартов применительно, с одной стороны, к Чили, а с другой – к Кубе и другим», – заявлял в марте 1975 года в своей телеграмме из Сантьяго посол Поппер. Проблема была в том, что имидж Чили «запятнан во внешнем мире». Пиночет, возможно, «сумел обосновать необходимость ограничения прав человека временно» в свете «чрезвычайной ситуации гражданской войны, которая преобладала при Альенде», но Чили должна «убедить сомневающихся» с помощью «твердого ответа» Комиссии ООН по правам человека⁹⁸. По мнению администрации, когда речь шла о подобных нападениях, посол Поппер был «мягкотелым». Киссинджер как-то послал в Сантьяго телеграмму, гласящую: «Скажите Попперу, чтобы он прекратил читать лекции по политологии»⁹⁹.

Однако это было только прелюдией к волне проводимого режимом террора, самой печально известной фазой которой была операция «Кондор», осуществленная командой, «созданной во многом по образцу подразделения особого назначения армии США¹⁰⁰, и связанная диктатуру с сетью военных режимов по всей Латинской Америке в международной программе террора, пыток и убийств, направленных на уничтожение левых движений и их лидеров, где бы они ни появлялись. Глава чилийской тайной полиции, организовавший «Кондор», в тот же период был агентом ЦРУ¹⁰¹.

Тем не менее экономические реформы режима были так же важны, как и связанный с ним аппарат террора. Роль «чикагских мальчиков» Майкла Фридмана в консультировании чилийского правительства о том, как реформировать экономику, хорошо документирована¹⁰². Приватизация промышленных отраслей, национализированных Альенде, приватизация системы социального обеспечения и открытие активов страны для американских инвесторов – все это рекомендовалось и реализовывалось. Однако более всего именно разрушение старого олигархического правления, символом которого был Альенде, а также относительная независимость режима Пиночета от бизнес-кругов позволили диктатуре реструктурировать промышленность таким образом, чтобы вытеснить господство старого горнопромышленного и индустриального капитала. Это было частью глобальной тенденции, поскольку инвесторы повсюду чувствовали себя скованными старыми моделями промышленного развития. Они требовали реорганизации промышленности, освобождения финансового сектора и открытия международных рынков. Вместо старой экономической модели «импортозамещения», защиты и развития национальной промышленности, призванной преодолеть зависимость от импорта, реализовывалась новая модель «экспортно-ориентированного роста», в которой внутреннее потребление подавлялось так, чтобы товары можно было с большей выгодой экспортировать за границу¹⁰³.

Документы «Викиликс», взятые в совокупности с результатами предыдущих исторических исследований, показывают нам, каким огромным облегчением для американского правительства был переворот Пиночета и как оно готово было на все, чтобы работать с новым режимом. Депеши отражают наплевательское отношение Госдепартамента к проводимой хунтой программе массовых пыток и казней; в то же время они свидетельствуют, что Госдепартамент беспокоился о том, чтобы корректировать любое движение влево со стороны диктатора¹⁰⁴. США явно готовились сотрудничать с военной диктатурой, возникшей на новой волне

террора, поднявшейся в регионе в самом начале создания новой структуры власти, легшей теперь в основу американской империи.

Гондурэс: Хиллари Клинтон и наркобароны

Самый богатый человек в Гондурасе сегодня – Мигель Факуссе Барум, землевладелец, производитель биотоплива и крупный торговец кокаином, чья частная служба безопасности убила десятки сельских активистов – кампесинос – за последние несколько лет¹⁰⁵. Факуссе и его состоятельная семья – это наглядный пример того сорта олигархов, которые выиграла больше всех от военного переворота против избранного президента Мануэля Селайи в июне 2009 года. С тех пор при поддержке режима, пришедшего к власти в результате переворота, Мигель Факуссе расширил свою кровавую войну против кампесинос.

Соединенные Штаты, конечно, объявили, что они в Гондурасе на стороне демократии.

Благодаря депешам Госдепа мы знаем: у Вашингтона с самого начала не было сомнений в том, что имел место именно переворот. Американское посольство в Тегусигальпе послало на родину депешу с утверждением, что дело тут очевидное¹⁰⁶. В этой депеше разумно были разобраны аргументы подстрекателей переворота, а также отмечалось, что все обвинения против Селайи, которые были использованы для оправдания его свержения, это либо ложь, либо домыслы, либо голословные утверждения, что ни одно из них не имеет «материальных подтверждений».

Тем не менее публичная реакция официальных представителей США была странно неопределенной. В день переворота, 28 июня 2009 года, Соединенные Штаты отказались осудить произошедшее, вместо этого уклончиво призвав Гондурас уважать демократию. На следующий день, даже после того как президент Обама признал, что имел место «незаконный» и «неконституционный» переворот, устанавливающий то, что он назвал «ужасным прецедентом», госсекретарь Хиллари Клинтон отказалась от комментариев, когда ее спросили, должен ли Селайя быть возвращен на пост. Государственный департамент, припертый к стенке, отказался назвать случившееся переворотом¹⁰⁷. Даже в конце августа 2009 года он все еще делал вид на своих брифингах для прессы, что не знает об имевшем место перевороте¹⁰⁸.

Причина этих проволочек стала понятной позднее: Соединенные Штаты собирались поддерживать новый режим. Государственный департамент признал, что в соответствии с законодательством США ему запрещено продолжать посылать помощь режиму, пришедшему к власти в результате военного переворота. Однако помощь продолжала поступать. Соединенные Штаты финансировали армию и полицию Гондураса, когда те действовали как эскадроны смерти на службе у элит, несмотря на требование Конгресса прекратить это. Названные силы работали рука об руку с головорезами Факуссе, предоставляя ему важнейшую поддержку государственного аппарата, на стороне которого стояли США, в то время как тот продолжал заниматься своим личным, по большей части незаконным, бизнесом. Документы «Викиликс» показывают, что Государственный департамент по меньшей мере с 2004 года знал о спекуляциях Факуссе на кокаине и что минимум в двух случаях официальные представители США имели встречи с ним на высоком уровне. Один из этих случаев был в 2009 году, во время государственного переворота¹⁰⁹.

Кроме того, Соединенные Штаты противились любой попытке восстановления подлинно демократической власти в Гондурасе. Спустя месяц после переворота Клинтон выразила свой гнев против бывшего президента за его попытки вернуться в свою страну, сочтя это «провокационным» шагом. Впоследствии Соединенные Штаты заблокировали резолюцию Организации американских государств об отказе признать урезанные выборы, организованные режимом, пришедшим к власти в результате переворота¹¹⁰. Эхо Гаити было ощутимым.

За что же администрация невзлюбила избранное правительство Мануэля Селайи настолько, что, в сущности, с радостью приняла то, что Обама публично осудил как «неконституционный» переворот? Был ряд вещей, которые характеризовали его как человека, создающего проблемы. Во-первых, он сформировал альянс с Уго Чавесом из Венесуэлы, который уже привел в замешательство Соединенные Штаты, сорвав поддержанную США попытку переворота против него в 2002 году, прежде чем приступить к процессу радикальных реформ. Включая страну в ALBA Чавеса, Селайя угрожал возможностям для американских инвесторов. Во-вторых, он предложил повестку конституциональной реформы, которая была популярна среди избирателей из рабочих и низших слоев и угрожала завоевать поддержку в национальном референдуме.

Действующая конституция была создана в период кризиса в регионе Центральной Америки, когда страна использовалась как база для спонсируемых ЦРУ эскадронов смерти, опустошавших Никарагуа и Сальвадор. Гондурас избежал катастрофы, постигшей соседей в 1980-х, потому что его более слабая олигархия и более изобильная земля позволяли ему осуществлять реформы, требуемые беднотой. Это сопровождалось экономической и военной помощью со стороны США, предлагавшейся в обмен на размещение у себя Гондурасом эскадронов смерти.

Тем не менее Конституцию, принятую в ту эпоху, большая часть политического класса считала глубоко ошибочной, особенно правила против кандидатов в президенты, стремящихся к переизбранию, – пережиток периода, когда армия имела больше политической власти. Влиятельные политические силы в предложенных Селайей реформах озлобляли те, кто за ними стоял, и характер его проекта. Было ясно, что Селайя считает исполнительную ветвь власти своим самым главным оплотом против выступающих против него влиятельных политических сил в Верховном суде, Конгрессе и армии, а также в большей части бизнес-сообщества. Изменив Конституцию, он мог обеспечить свое переизбрание и тем самым выиграть время, чтобы привести Гондурас в ALBA, а также провести другие реформы¹¹¹.

Но столь же важно учесть и то, что не отражено в депешах «Викиликс». Альянс Соединенных Штатов с правительством Гондураса, пришедшим к власти в результате переворота, основывался не на энтузиазме. Нет и свидетельств того, что США либо спланировали, либо спровоцировали переворот, даже если те, кто его осуществил, извлекли выгоду от американского финансирования и обучения. По-видимому, случилось следующее: после оценки вариантов и некоторых внутренних споров правительство США рассудило, что восстановление на посту Селайи будет большим злом, чем принятие режима, который партнеров Америки – гондурасские элиты – очевидно устраивает. Более того, режим, установившийся после переворота, был осторожен, стремясь узаконить себя, устроив новые выборы, и придать себе конституционный глянец, а не просто объявить чрезвычайное военное правление. Масштаб насилия, хотя им и нельзя пренебречь, был намного меньшим, чем во время предыдущих переворотов в этом регионе.

Также кажется вероятным, что беспокойство Обамы об установлении «ужасного прецедента» было не просто лицемерием. Любой возврат к обычным переворотам и правлению военных в Латинской Америке нарушил бы относительно стабильный политический и экономический климат, которого Соединенные Штаты смогли добиться в своем полушарии. Это угрожало бы воскресением революционных политических движений в эпоху, когда такая угроза была по большей части уничтожена, и отравлением любой будущей жизни Зоны свободной торговли Америки.

Депеши «Викиликс», относящиеся к диктатурам Латинской Америки и нарушениям прав человека, тем самым раскрывают шаблон, который довольно сильно отличался от тех, что успешно работали в других регионах (например, на Ближнем Востоке), когда Соединенные Штаты упорно цеплялись за диктатуры как за свою излюбленную форму политического правления. Постепенно фаза, во время которой американская империя требовала прямого

правления военных, сменилась фазой правления чужими руками, подкрепляемого постоянными военными интервенциями и вторжениями военизированных частных боеформирований. Ко времени написания этих строк, после волны насилия переходного периода, позволившего осуществить процесс структурной перестройки и институционализации свободной торговли, постепенно возникает региональный порядок, в котором вмешательство США делалось реже, стало, как правило, более тонким и в конечном итоге дополняет дисциплинарную власть рынков.

2. Диктаторы и права человека

С помощью хорошей дозы страха, насилия и кучи денег на проект, думаю, мы можем убедить этих людей в том, что мы здесь, чтобы им помочь.

Полковник Натан Сассэмен¹

«Наше» насилие...

Талал Асад, характеризуя факторы справедливой войны, утверждает, что это такой конфликт, который ведется добропорядочными людьми, по здравым мотивам, после того как все возможные альтернативы были исчерпаны, при цивилизационных ограничениях морали и закона². Для американской империи все войны, которые вели и ведут их лидеры, это войны справедливые, начатые только перед лицом крайних провокаций, ради достижения либеральных и гуманных целей. С учетом такого полного самооправдания – существовали ли когда-либо «веские основания», постулированные Асадом?

Рассмотрим некоторые из действий, которые эта империя позволяла себе в своих последних, якобы справедливых войнах. Из депеш «Викиликс» мы узнаем, что Соединенные Штаты наносили воздушные удары по гражданским целям; проводили рейды, в которых на детей надевали наручники и стреляли им в голову, а затем вызывали воздушный налет, чтобы скрыть это деяние³; расстреливали мирных жителей и журналистов⁴; посылали «секретные» отряды сил специального назначения для проведения внесудебных захватов и убийств⁵; обходили международный запрет на кассетные боеприпасы⁶; выкручивали руки итальянскому правосудию по поводу официального обвинения против агентов ЦРУ, причастных к чрезвычайной выдаче⁷; занимались необъявленной наземной войной в Пакистане⁸; а также пытали задержанных в Гуантанамо, из которых вообще обвинялись в каких-либо преступлениях единицы⁹. Это всего лишь образцы отвратительных реалий американских войн за последнее десятилетие или около того, и тем не менее они свидетельствуют о наличии достаточно серьезных доказательств, что Соединенным Штатам не писаны ни закон, ни мораль, ни какие-либо ограничения при ведении войны.

Многие комментаторы считают эти действия военными преступлениями¹⁰. В самом деле, некоторые из самых информированных специалистов по международному праву выдвинули сокрушительные обвинительные заключения по поводу того, что, как они говорят, является пренебрежением к закону со стороны администрации Буша¹¹.

Однако в тех случаях, когда американские власти признавались в подобных действиях, они оправдывались как ответ на терроризм. Предполагается, что терроризм – это противоположность справедливой войне, незаконная форма политического насилия. Он не сдерживается ограничениями, моралью или законом. И, конечно, как уже знает сейчас каждый здравомыслящий человек, с террористами переговоров не ведут.

Однако документы «Викиликс» дают массу поводов усомниться в этих обоснованиях. Например, в отношении Гуантанамо нам говорили, что содержащиеся там задержанные – худшие из худших, террористы, представляющие прямую и явную угрозу безопасности американцев и всех прочих. Однако «Файлы Гуантанамо»¹² показывают, что это не так. Многие узники не представляли никакой угрозы. Очень небольшая часть вообще была в чем-то обвинена, несмотря на очевидное преимущество, которое имели следователи, выбивая признание.

Зачастую против «особо ценных» задержанных имелось мало или вообще не имелось доказательств. Например, Сами аль-Хадж именовался представляющим «ОСОБУЮ разведывательную ценность», а также «ОСОБО опасным, поскольку он, вероятно, представляет угрозу для США, их интересов и их союзников». Казалось бы, вот именно того сорта человек, которому, как говорила нам администрация Буша, самое место в Гуантанамо. Однако в заключении по делу задержанного не приводится никаких подтверждающих доказательств того, что он «член “Аль-Каиды” и эксперт по логистике с прямыми связями с “Аль-Каидой”... и руководством “Талибана”». Наоборот, в описании доказательств под рубриками «вербовка» и «обучение и деятельность» он упоминается как журналист «Аль-Джазире», а до этого – как служащий пивоваренной компании.

Список обвинений не вызывает ничего, кроме удивления. Более того, из заключения по делу становится ясно, что по крайней мере частично причина содержания под стражей аль-Хаджа была в том, чтобы его можно было допросить с пристрастием, выпытав информацию об «Аль-Джазире». В самом деле, адвокат констатирует, что следователи постоянно пытались заставить его сказать, что существует связь между «Аль-Джазирой» и «Аль-Каидой». В конце концов Сами аль-Хаджа освободили, не выдвинув против него никаких обвинений, после того как правительство Судана уверило США, что он обычный гражданин и не представляет угрозы безопасности. Это, по словам его адвоката¹³, произошло не раньше, чем он был подвергнут избиению и сексуальному насилию.

Другие депеши «Викиликс» демонстрируют либо безответственное пренебрежение к жизни мирных граждан, либо знание о совершении зверств против мирного населения. Например, наряду с журналистскими расследованиями, вдохновленными «Викиликс», был обнаружен протокол «FRAGO 242»¹⁴, в котором Пентагон приказывает военнослужащим не расследовать дела по заявлениям о пытках, поданным против иракских солдат и ополченцев. Отчасти это объясняется тем, что Соединенные Штаты сами обучали иракских военных использовать пытки. Как мы увидим, все это нашло применение в стратегии безжалостной гражданской войны и борьбы против повстанцев, в которой мирных жителей терроризировали, мучили и убивали.

У нас до сих пор нет доступа к самым изобличающим документам, касающимся применения пыток в Ираке американскими военными. Когда появлялись разоблачения из Абу-Грейб, журналисту Сеймуру Хершу стало известно, что у Пентагона была запись невероятного инцидента в этой тюрьме, когда «женщина передавала сообщение, говоря: “Прошу, придите и убейте меня после того, что случилось”». Она находилась в заключении вместе с группой мальчиков. Их подвергали сексуальному насилию, снимая все на камеру. Велась и аудиозапись криков мальчиков¹⁵.

...и «их» насилие

Лидеров государства, которые вели эту войну, похоже, все подобные зверства оставляли невозмутимыми. Бывший вице-президент Дик Чейни, когда его спросили о роли администрации Буша в пытках, заявил: «У меня нет проблем, раз мы достигаем своих целей. А наша цель – добраться до парней, которые осуществили 9/11, и тем самым предотвратить очередное нападение на Соединенные Штаты». Когда ему сказали о примере с человеком, которого приковали к стене камеры, обливали холодной водой и замораживали только для того, чтобы выяснить, что он совершенно невиновен, Чейни был непреклонен: «Меня больше тревожат плохие парни, которым удалось ускользнуть и освободиться, чем те немногие, которые на самом деле были невиновными»¹⁶.

Это было повторяющейся темой. До тех пор, пока это происходило с «плохими парнями», безоговорочно любая жестокость была позволительной. Редко когда взаимосвязь между демонизацией и терроризмом выражалась с такой ясностью.

Во время своего пребывания на посту главы исполнительной власти президент Буш неоднократно характеризовал иракских повстанцев как «террористов» и описывал их «стратегическую цель» как «поколебать волю цивилизованного мира»: «Два года назад я заявил Конгрессу и стране, что война с террором будет долгой войной, войной другого типа, борьбой на много фронтов во многих местах. Главный фронт сегодня – это Ирак. Враги свободы устроили там отчаянную последнюю схватку, и их надо победить»¹⁷. Проблема состояла в том, что его собственная разведка не поддерживала его же заявления. Аргумент был таким: «Аль-Каида» вновь появилась в Ираке как «иностранные боевики» после полного разгрома в Афганистане. Но, по оценкам американской разведки, «иностранные боевики» составляли только 5 % сил повстанцев. Проникновение «Аль-Каиды» в Ирак предположительно было связано с личностью Абу Мусаба аз-Заркауи; однако его влияние было невелико, и его силы находились под атакой главных войск повстанцев с начала периода оккупации¹⁸.

По мнению американской разведки, главной движущей силой восстания была националистическая оппозиция оккупации, а не джихадизм в стиле «Аль-Каиды». Более того, тактика восстания не отвечала главному условию, призванному характеризовать ее как «террористическую»: большинство его акций, согласно ежеквартальным исследованиям Министерства обороны США, было направлено против оккупационных войск, а не против мирного населения¹⁹.

Схожая схема обнаружилась и в Афганистане, где большое количество людей вступало в воскресшее движение «Талибан» в результате жестокостей оккупации, до тех пор, пока на 80 % территории страны не стали доминировать силы «Талибана». Бывший глава миссии ООН в Афганистане полагает, что, хотя тактика действия движения вызвала значительные потери среди гражданского населения, это было – на американском жаргоне – «сопутствующим ущербом», результатом «технических недостатков». Целью являлось «не терроризировать население», а «наносить урон врагу»²⁰.

Эта склонность США демонизировать оппонентов, чтобы оправдать политику собственной администрации (преднамеренная военная цель, как обнаружила «Вашингтон Пост» в 2006 году²¹), временами весьма разочаровывала американских союзников. В 2007 году сэр Ричард Дэннет, в то время глава Британской армии, выступил с важной речью, отвергая главные аргументы «войны с террором». Размышляя о такой характеристике иракского сопротивления как «терроризм», он заявил: «По мотивации... наши противники – это иракские националисты, большинство из них заботят их собственные нужды (работа, деньги, безопасность), и большая часть из них – это неплохие люди». Далее он делает схожие замечания о мятеже в Афганистане, сожалея о том, что его огульно характеризуют как «Талибан»²².

Власть ярлыков

Вызывает удивление, что империя прилагает столь потрясающие усилия с такими катастрофическими результатами. Однако насколько успешно она морально оправдывает свои собственные действия и очерняет действия

своих противников? Дешевки «Викиликс» дают нам некоторые подсказки. В них мы снова и снова обнаруживаем аккуратное использование юридического, бюрократического и политического языка, и все это для того, чтобы обеспечить нормативные рамки для действий правительства США.

Возвращаясь к делу Сами аль-Хаджа: документы показывают плоды тщательных ритуалов военно-судебного процесса, юриспруденции и категоризации, которые позволили задер-

живать его, как если бы он был особо опасным террористом. Эти ярлыки обеспечили администрации Буша основание утверждать, что все или большая часть людей, находящихся в плену, «плохие парни». Тем не менее представители администрации американского президента, в свою очередь, зависели от решений Министерства юстиции и Белого дома при интерпретации соответствующего применения международного и национального законодательства и принятия решения о статусе задержанных. Именно у государства была прерогатива применять ярлыки и приклеивать их: и именно Сами аль-Хадж должен был просить о свободе, несмотря на то, что против него не было никаких доказательств.

Эта тема всплывает слишком часто. Между вооруженной мощью Соединенных Штатов и их союзников, с одной стороны, и силой разрозненных ополченцев, собравшихся, чтобы дать отпор оккупационным войскам в Ираке и Афганистане, с другой, именно США обладают властью определять, ради чего ведется война, кто является «террористом», а кто сражается «за справедливость».

Такие словесные манипуляции подчеркивают власть классификации и классификацию власти. Идет ли речь о «справедливой войне» или терроризме, «пытках» или «расширенных техниках допроса», «вражеских комбатантах» или «политических заключенных», мы обнаруживаем, что возможность отстаивать определение и подкреплять его силой – это важнейший элемент имперской власти. Определение и классификация – части того, что делают государства: они определяют социальные категории, имеющие смысл в повседневной жизни, – женатый, холостой, преступник, полицейский, черный, белый, террорист, солдат, герой, злодей. И делают они это посредством языка, закона и культуры. Оказывается, что империя – даже в условиях, когда она прибегает к крайнему насилию, – не может обойтись без власти идей.

Что такое террорист?

«Хуже, чем военное нападение», – разглагольствовал в ноябре 2010 года конгрессмен Питер Кинг, призывая классифицировать «Викиликс» как «террористическую организацию»²³. Вице-президент Джон Байден обвинил Джулиана Ассанжа в том, что он «террорист в области высоких технологий». Выследить его как бен Ладена предложила Сара Пэйлин²⁴. «Да, «Викиликс» – это террористическая организация», – заявил «Фокс Ньюс»²⁵.

В основе этих раздутых обвинений было то, что «Викиликс» ведет «кибервойну» с Соединенными Штатами, которая ставит под угрозу «жизненные интересы» – особенно потоки информации, необходимой для отслеживания и захвата «террористов», – и тем самым представляет опасность для жизни американцев. Когда «Викиликс» предложил американскому правительству назвать хоть одну депешу, публикация которой подвергла кого-нибудь риску или ущербу, юридический советник Государственного департамента прислал формальную отписку, отказываясь назвать конкретный пример опасности, но, тем не менее, приказав «Викиликс» закрыть свои сайты, прекратить публикации и уничтожить всю имеющуюся у него информацию²⁶.

Это обвинение в «терроризме» не просто огульное или скоропалительное: за ним реальная сила. Судебное преследование 2013 года Челси – тогда Брэдли – Мэннинга⁴, солдата, который «слил» депешу веб-сайту, зависело от утверждения, что он «помогал врагу», – обвинение, которое близко к государственной измене и карается смертной казнью. Мэннинг вступил в армию в 2007 году и, несмотря на страдания от издевательств со стороны других солдат, связанных с его гомосексуальностью и расстройством гендерной идентичности, преуспел настолько,

⁴ Брэдли Мэннинг, страдающий нарушением гендерной идентичности, в 2013 году объявил о желании сменить пол и попросил, чтобы его называли Челси Элизабет. После этого в прессе о нем стали писать как о женщине. – *Примеч. ред.*

что был повышен в звании и получил медаль за службу. Затем он был направлен в Багдад в качестве аналитика разведывательной службы и именно там обнаружил «истинную природу асимметричной войны XXI века»²⁷. К 2010 году Мэннинг открыл для себя «Викиликс» и со временем установил с ним отношения, что привело к выдаче им сотен тысяч документов, в том числе тех, что стали известны под названием «военные материалы»: «Депешегейт», «Файлы Гуантанамо», включая съемку воздушной атаки в Багдаде, которая впоследствии была подвергнута критике как военное преступление. «Врагом», которому Мэннинг якобы помог, опубликовав эту информацию, была «Аль-Каида». Когда Мэннинг был схвачен, он оказался объектом жестокого, унижительного и бесчеловечного обращения того сорта, которому, как правило, подвергаются те, кого правительство США считает «террористами»²⁸. Это вызывает очевидный вопрос: что такое террорист?

По-видимому, согласованного определения нет²⁹. Утечка секретных материалов сама по себе вряд ли может служить оценкой: американские чиновники все время производят их как часть своих стратегий по связям с общественностью. Видимо, стандарт таков: когда утечку создаете вы, то это терроризм; когда утечку создаем мы, это хорошо. И, пожалуй, один из грехов «Викиликс» с точки зрения правительства США и его защитников – именно выставление на всеобщее обозрение того, как неопределенна данная категория и как проницаемо различие между тем, что делает правительство США, и тем, что делают его враги.

Справедливая война и террор

Ключевым моральным оправданием для политического насилия Запада является то, что оно действует при ограничениях, которые уважают жизнь мирных жителей. Это стандартный рефрен западных военных источников – «мы не нападаем на гражданских лиц». Данное утверждение, центральное для зарубежной стратегии Государственного департамента США в сфере связей с общественностью, делается с аподиктической торжественностью³⁰. Это то, чего придерживаются, чтобы отделить «терроризм» от действий тех, кто заявляет, что ведет войну против «терроризма»³¹. Как объяснял Джордж У. Буш, «каждая жизнь бесценна. Вот что отличает нас от врага». Терроризм – противоположность справедливой войне: и незаконная форма политического насилия, и оправдание законного политического насилия.

Трудность в том, что общепринятого определения терроризма, по-видимому, нет. Например, одно из сегодняшних определений правительства США утверждает, что терроризм – «это преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против невоенных целей субнациональными или тайными агентами»³². Такое определение приводит нас к актуальной проблеме. Помимо того, что исключение государственных институтов как потенциальных агентов терроризма является произвольным и необоснованным, это определение, видимо, исключает взрывы бомб на американских военных базах, которые укомплектованы комбатами.

Государственный департамент ликвидировал это упущение в 2003 году: «Мы также считаем актами терроризма нападения на военные объекты или на вооруженный военный персонал, когда в данном месте нет враждебного военного противостояния, например, взрывы американских баз»³³.

Тем не менее это уточнение оставляет проблему, не учитывая те силы, которые США запросто называют террористами за нападения на американских солдат, когда они несут боевую службу в Ираке и Афганистане.

Возможно, решение можно было бы найти, обратившись к более широкому определению, которое применяется в уставе армии США, где терроризм понимается как «рассчитанное использование насилия или угрозы насилия для достижения целей, которые являются полити-

ческими, религиозными или идеологическими по характеру. Это делается путем запугивания, принуждения или устрашения»³⁴.

Но это приводит нас к еще худшей дилемме. Глядя на диапазон вариантов, которые оккупационные силы позволили себе в Ираке и Афганистане, можно было бы спросить: а что именно отличает действия США от действий террористов? Изучение одной подборки военных материалов «Викиликс» по Ираку³⁵, содержащей 391 902 рапорта с поля боя американской армии в этой стране, говорит нам о нескольких вещах: правительство США знало, что жертв среди гражданского населения во время американской оккупации было гораздо больше, чем признавалось официально³⁶; оно получило сотни сообщений о мирных жителях, включая беременных женщин и душевнобольных, которых жестоко расстреливали за то, что они слишком близко подходили к оккупационным контрольно-пропускным пунктам³⁷; американские солдаты сознательно открывали огонь по сдававшимся иракским повстанцам³⁸; практика пыток продолжалась после разоблачений об Абу-Грейб, и американским властям не удалось расследовать сотни донесений о пытках, изнасилованиях и убийствах, совершенных полицией Ирака и солдатами, находящимися под американским командованием³⁹.

Похожие откровения обнаруживают афганские военные материалы⁴⁰ – собрание из 91 731 военного документа о войне в Афганистане. Они обнаруживают расстрелы мирных жителей у контрольно-пропускных пунктов⁴¹; минометный обстрел «в отместку» по афганской деревне, когда было убито пять мирных жителей, после того как группа оккупантов испытала взрыв самодельного взрывного устройства поблизости⁴²; боевиков ЦРУ, застреливших глухонемого мирного жителя, который убегал от них⁴³; американских морских пехотинцев, открывших огонь по мирным жителям в Шинваре, убив 19 и ранив 50 человек⁴⁴.

Этот архив – только небольшой пример того, что имело место, – документальное свидетельство захватывающих дух злодеяний и жестокости. Более того, как показывает Дар Джамаль далее, в главе 10, подобные события не были случайными для данной «миссии». Их истоки на самом деле можно проследить до начала самой войны.

Одним из определяющих элементов американской империи является то, что у нее нет колониальных устремлений. Территориальные захваты излишни: смысл в том, чтобы получить доступ к рынкам и ресурсам при стабильных политических режимах. В идеале эти режимы должны быть приспешниками «свободного рынка», желающими интегрировать свои экономики в систему глобализации под руководством США. Саддам Хусейн был союзником Соединенных Штатов во время его войны с Ираном, но к 1990–1991 году его режим стал рассматриваться как ненадежный форпост дряхлеющего арабского национализма. Администрация Буша таким образом сделала завоевание Ирака краеугольным камнем своей глобальной стратегии.

Новый режим должен был быть, как выразился «Экономист», «мечтой капиталиста». Оккупационная власть приняла закон, Приказ 39, который «объявил, что 200 иракских государственных компаний будут приватизированы; постановил, что иностранные фирмы могут получать 100 % собственности во владении иракскими банками, шахтами и фабриками; и разрешил этим фирмам выводить 100 % своих прибылей из Ирака»⁴⁵. Но для того чтобы построить новое, «свободное рыночное» государство на развалинах баасистского, при безработице, взлетевшей, по некоторым оценкам, до 70 %⁴⁶, без баасистской армии, удерживающей контроль над территорией страны, Соединенным Штатам нужны были политические союзники и вооруженная сила, способная поддержать порядок, раз старое государство было демонтировано.

Вот тут и пригодился ввод на сцену беженцев из Ирака, таких как Ахмед Чалаби и, в меньшей степени, Канан Макия⁴⁷. Одним из стратегических замыслов Чалаби было убедить

США заключить союз с поддерживаемым Ираном шиитским движением, Верховным советом Исламской революции в Ираке (ВСИРИ), позднее известным как Высший исламский совет Ирака (ВИСИ)⁴⁸. Это движение, финансируемое Тегераном под руководством Мухаммада Бакира аль-Хакима, первоначально спонсировалось Исламской Республикой как часть проекта по продвижению всеобщего объединения шиитов.

ВСИРИ имел слабую поддержку в иракском обществе, но у него действительно был сложившийся аппарат разведки и вооруженных сил. Его военизированные формирования, армия Бадр, были созданы и вдохновлялись иранским правительством во время его войны с Ираком, и им было поручено управлять Басрой в случае, если иранские вооруженные силы возьмут ее под свой контроль. В сущности, они создавались как оккупационное правительство. Поэтому Соединенные Штаты настаивали на том, чтобы эти формирования были интегрированы в новый постбаасистский аппарат безопасности. Они захватили несколько городов на юге Ирака, включая Басру, принудительно заменили местное полицейское руководство на своих людей и быстро прославились своей жестокостью в борьбе с оппозицией⁴⁹. Они стали опасным источником антисуннитского сектантства в Иракском государстве, основным «смотрящим» нового режима (часто контролирующим камеры пыток, которые, как говорит нам ООН, были «хуже, чем при Саддаме»⁵⁰) и решающей силой в гражданской войне, которая охватила Ирак в 2006 году.

Но военизированные формирования Бадр не могли сами по себе контролировать Ирак. Их влияние было ограничено в первую очередь центрами и небольшими городами, преимущественно шиитского юга. Постепенно США начали создавать новую армию и полицию Ирака, а также военизированную службу, обученную под руководством генерала Дэвида Петреуса, известную как спецподразделения полицейских командос (СПК). Петреус объяснил свою роль в формировании этих «военизированных отрядов», впервые открытых для общественности в сентябре 2004 года, с некоторой гордостью. Возглавляемые первоначально бывшим генералом Аднаном Табитом, командос находились под контролем Министерства внутренних дел и обучались американскими военными, а также подрядчиком USIS из Вирджинии, которые, как утверждается, были непосредственно замешаны в нескольких убийствах, совершенных командос. Стратегия военизированных формирований координировалась под руководством Джона Негро-понтэ, посла США в Ираке, предыдущим заметным опытом которого было участие в организации противоповстанческих эскадронов смерти в Сальвадоре. Американский военный чиновник, объясняя логику этой программы изданию «Ньюсуик», предположил, что речь шла о наказании суннитов за их сопротивление оккупации: «Суннитское население не платит ничего за поддержку, которое оно дает террористам... С их точки зрения, это безнаказанно. Мы должны изменить данное уравнение». Это совершенно ясно выглядело откровенной декларацией склонности к терроризму. «Ньюсуик» метко окрестил эту операцию «Вариант “Сальвадор”».

Виды деятельности, с которыми связывали СПК, впоследствии повторяла и Национальная полиция, включая пытки, увечья и убийства. Так называемая «Волчья бригада», внушающее ужас подразделение СПК, состояла из членов организации Бадр. Она провела крупные операции против повстанцев в таких городах, как Мосул, при поддержке американских солдат, а ее лидер Абул Валид стал печально известным из-за своего допроса пленного и очевидно избитого подозреваемого «террориста» в телевизионной программе «Терроризм в тисках правосудия». Показанная в эфире финансируемой Пентагоном сети «Аль-Иракия», эта программа усиливала ужас, который боевики Валида посеяли на улицах.

«Волчья бригада» также несет ответственность за обнаруженный в Министерстве внутренних дел Ирака центр заключения, в котором были найдены тела со следами ужасающих

пытков: следами ожогов, ушибами в результате жестоких побоев и сверлением в области коленных чашек⁵³.

Если даже признать, что противоповстанческая борьба категорически отличается от терроризма, любая граница между противоповстанческой борьбой и сектантским террором в данном контексте была решительно размыта и проницаема. И это было не случайностью, но логическим результатом американской стратегии. Чтобы создать иракский «свободный рынок», было необходимо сильное государство – не только для подавления оппозиции, но и для продвижения рынков там, где когда-то существовало государственное снабжение. Религиозный раскол обеспечил не только технику управления по образцу старого колониального принципа «разделяй и властвуй», но и политические силы, способные проводить ее в жизнь.

Нападение на гражданских, пересмотр понятия «мирные жители»

Другая причина весьма большого числа жертв среди мирного населения, проистекающая из войн эры Буша, – верить ли низким оценкам, признаваемым в просочившихся американских документах (66 тысяч погибших мирных жителей)⁵⁵ или выводам журнала «Ланцет» (600 тысяч, в основном мирных жителей)⁵⁶, – возможно в том, что американскими правилами ведения «войны с террором» допускается убийство мирных жителей во время воздушных налетов. Как поясняет бывший советник Пентагона Марк Гарласко, «если у вас 30 убитых в качестве ожидаемого числа жертв среди гражданских, авианалет должен идти на подпись лично к Рамсфельду или Бушу, но в противном случае никому сообщать не нужно»⁵⁷.

Этот стандарт санкционирует определенный уровень убийств гражданских лиц, тем самым опровергая для планировщиков войны утверждение, что «каждая жизнь бесценна». Более того, субъективная реакция и дает возможность менять диапазон со стороны военных тактиков: в принципе, нет причин, почему нельзя убивать намного больше, чем 30 человек в ходе одного воздушного удара. Практикой американских военных во многих подобных случаях было настаивать на том, что эти убитые были «мятежниками». Старший унтер-офицер Дэйв Диас, возглавляющий «Команду А» сил специального назначения в Афганистане, изложил напрямик: «Да, это мирная деревня, глинобитные мазанки, как все остальное в этой стране. Но об этом молчок. Скажите, что это военный лагерь. Это огороженная площадь, казармы, командный пункт. Точно так же и с конвоями: если в действительности это была колонна из гражданских машин, которые используют для перевозок, мы скажем – ага, военный конвой, войсковой транспорт»⁵⁸.

Есть свидетельства, что такой подход был институционализирован. Рассмотрим случай с видеозаписи бойни в Багдаде, опубликованной «Викиликс» под заголовком «Сопутствующее убийство»⁵⁹.

39-минутное видео, состоящее из кадров, снятых с американского вертолета «Апач», показывает серию из трех инцидентов в Багдаде в 2007 году, во время так называемой «волны» Буша. Оно начинается с атаки пилотом вертолета группы иракцев, среди которых находились двое журналистов новостных агентств. Слышно, как пилот сообщает, что кое-кто из мужчин, кажется, вооружен, затем спрашивает разрешения «вмешаться». Ему сообщают, что в данном районе нет американского персонала и что разрешение у него есть. Вскоре ему говорят «стрелять», «положить их всех», и когда он это делает, ему периодически говорят: «огонь... огонь... огонь...». В конце концов, когда камера показывает восемь убитых, включая журналистов «Рейтере», которые пытались бежать, чей-то голос, позывной «Эйч 2–6», говорит пилоту: «Класс. Посмотри на этих дохлых ублюдков. Прекрасно. Прекрасно. Отличная стрельба». «Спасибо», – отвечает пилот.

Но это лишь первый эпизод в серии из трех инцидентов, запечатленных на видео. Американские военные утверждают, что были веские основания для принятия положительной идентификации тех, кого атаковали, и обоснованная уверенность во враждебных намерениях. Зернистые снимки, взятые из записи, показывают, что по крайней мере двое мужчин были вооружены. На самом деле указанные формы – такие же пятна Роршаха, как те зернистые капли со спутниковых снимков, о которых в печально известной речи в ООН Колина Пауэлла говорилось как о заводах по производству ОМУ. Как будто чтобы сделать сатирой свои собственные утверждения, военные предположили также, что двое убитых журналистов «Рейтере» держали камеры, которые «легко можно было принять за висящие на ремне автоматы АК-47 и АКМ»⁶⁰. Проведенное военными расследование также ссылается на «скрытый характер» движений, сделанных оператором, создающих «полное впечатление о подготовке к выстрелу из РПГ по американским солдатам». Что также важно, военные заявили, будто убитые были атакованы законно, поскольку являлись группой мужчин «призывного возраста» и тем самым представляли опасность. Военные материалы отмечают все смерти в результате этого инцидента как «враг (враги), убитый в бою»⁶¹, несмотря на то, что только двое мужчин были положительно идентифицированы как вооруженные.

Армейское донесение об этом инциденте, естественно, подчеркивает взгляд со стороны солдат, которые убивали, ссылаясь на всевозможные оперативные факторы, требующие субъективного принятия решения и благоприятствующие применению огня на поражение. В каком-то смысле это разумно: солдаты оккупационных сил действуют согласно полученному ими обучению и целям миссии, с которой они были посланы, – и в контексте оккупации, когда насилие против гражданского населения часто необходимо как условие успеха. Но есть две важнейших классификации, используемых для подготовки убийств и их оправдания: «мужчины призывного возраста» и «враг (враги), убитый в бою». Это общепринятые способы, которыми производится изменение категории «мирные жители». Классификация «враг, убитый в бою» чаще всего используется в иракских военных материалах для описания тех, кто был убит в ходе американских кампаний. Например, военные США насчитали 1723 убитых в районе Эль-Фаллуджи в 2004 году, во время своего самого решительного штурма. Из них 1339 были сочтены «врагами, убитыми в бою»⁶². Остается 384 убитых, которые, возможно, были гражданскими лицами. Но, по самым консервативным оценкам, получается, что во время двух главных боев 600 мирных граждан погибли в апреле и затем 800 в ноябре⁶³. Следовательно, вполне вероятно, что большое число тех, кто был классифицирован как «враги, убитые в бою», были на самом деле гражданскими лицами.

Что касается категории «мужчины призывного возраста», то к ней, как правило, относятся лица мужского пола в возрасте от 15 до 55 лет, поэтому она включает большинство мирных жителей мужского пола. Когда США начали свое наступление на Эль-Фаллуджу в ноябре 2004 года, они поощряли иракских мирных жителей бежать до начала бомбардировок – но запрещали бежать всем мужчинам, которые, по их оценкам, находились в указанных возрастных рамках. «Ньюсуик» в 2006 году сообщал, что для американских военных стало общепринятым обращаться с «мужчинами призывного возраста» в Ираке как с врагами. Позже выяснилось, что солдаты, обвиняемые в военных преступлениях в Багдаде, утверждали, что им отдавались приказы «убивать мужчин призывного возраста»⁶⁴. В последнее время администрация Обамы применяет эту категорию для ловкого искажения своих ударов с дронов как якобы атак в основном по «боевикам». В экстраординарной, пространной статье в «Нью-Йорк Таймс», основанной на интервью с десятками советников Обамы, обнаруживается, что президент

«избрал спорный метод подсчета потерь среди мирных жителей, который почти не ограничивает его в действиях. В этом методе, в сущности,

все мужчины призывного возраста в зоне нанесения ударов считаются комбатантами, по словам ряда представителей администрации, если нет явных разведывательных данных, посмертно доказывающих их невиновность. Представители антитеррористических органов настаивают, что этот подход – из тех, что основываются на простой логике: от людей на территории, о которой известно, что там присутствует террористическая деятельность, или обнаруженных рядом с представителем руководства Аль-Каиды, вероятно, ничего хорошего ждать не следует»⁶⁵.

Этим может объясняться, почему вместо 41 человека, кого, как предполагается, администрация Обамы сделала целями для убийства с помощью дронов, правозащитная организация «Риприв» насчитала 1147 мирных жителей, убитых при различных атаках. В Пакистане, например, это означает, что при ударах, нацеленных на 24, погибло 874 человека, из них 142 ребенка. Из чего следует один примечательный факт: многие из «особо ценных мишеней», определенных администрацией, как сообщается, были убиты по несколько раз. Как указывает «Риприв», «эти “особо ценные мишени”, видимо, делают невозможное – умирают не единожды, а дважды и даже целых шесть раз»⁶⁶. Однако тенденция идентифицировать «мужчин призывного возраста» как врагов только частично объясняет высокое число жертв среди гражданского населения. Ибо, как предполагают цифры счетчика числа жертв в Ираке, 46 % убитых в ходе атак США в Ираке составили женщины, а 39 % – дети⁶⁷. Данные говорят о том, что с контрольно-пропускных пунктов до воздушных бомбардировок, от зачисток до уличных боев методы, принятые в ходе оккупации, неизбежно влекли за собой тяжелые потери среди мирного населения.

Гражданские цели

Можно утверждать, что все это, конечно, верно, но обозначенные моменты относятся главным образом к сопутствующему убийству мирных жителей. Они не являются основной целью; их гибель – несчастный побочный результат трудной войны. Прежде чем проверить это утверждение, стоит сказать, насколько мы скатились к логике «Аль-Каиды». Вот что заявил Усама бен Ладен об атаках на Всемирный торговый центр в записи от 20 октября 2001 года:

«Люди, которым помогал Всевышний [атака 11 сентября], не имели намерения убивать детей; они хотели разрушить сильнейшую военную державу в мире, атаковать Пентагон, в котором размещается более 64 тысяч служащих, военный центр, где размещается сила и военная разведка. Башни [близнецы] – это экономическая мощь, а не детская школа или жилой дом. Общее мнение таково, что те, кто там находились, это люди, которые поддерживали величайшую экономическую державу в мире»⁶⁸.

Итак, бен Ладен, во-первых, заявляет, что гибель тех, кого он характеризует как «невинных» и «мирных жителей», была непреднамеренной, сопутствующим эффектом справедливой войны, а во-вторых, определяет «мирных жителей» так, как подходит его политической цели. Утверждение, что «не было намерений» убивать мирных жителей, когда выбираются методы и цели, которые вряд ли приведут к чему-то другому, – пустой звук.

В свете этого взглянем еще раз на то, как Соединенные Штаты вели свою войну в Ираке. Бои проходили преимущественно в городской черте; войска брали город за городом. Двойной штурм города «суннитского треугольника» Фаллуджи в апреле и ноябре 2004 года быстро стал символом оккупации. Это был один из самых мирных городов в ранние месяцы оккупации, но первые сцены насилия разразились, когда американские войска расстреляли мирную

демонстрацию против американского решения захватить местную школу. 28 апреля 2003 года 20 человек были убиты, огонь открыт по тем, кто пытался убрать тела, и даже сотрудники машин скорой помощи попали под огонь. Вторая попытка взять город состоялась в апреле 2004 года, после убийства четырех сотрудников частных военных фирм толпой иракцев. Операция, известная под названием «Бдительная решимость», сопровождалась убийством 600 иракцев, но американские солдаты были вынуждены временно отступить.

В 2007 году «Викиликс» опубликовал примечательный документ, который проливает некоторый свет на все это: засекреченный американский правительственный доклад об осаде Фаллуджи в апреле 2004 года⁶⁹. Одним из обоснований для возглавляемого США штурма было то, что данный пункт кишит агентами «Аль-Каиды». Этот секретный доклад, с другой стороны, предполагает, что еще большее значение имеет то, что данное место стало «символом сопротивления» оккупации, которое преобладает в «заголовках международных СМИ». В докладе говорится о свободном сотрудничестве между противниками США, напоминая скорее «дьявольский Ротари-клуб», чем централизованный накопитель «Аль-Каиды».

«Вражеские комбатанты», говорится в докладе, «прибывают из нескольких широких категорий, включая бывших баасистов и солдат саддамовского режима, националистов, местных исламских экстремистов, иностранных боевиков и преступников». Это было примерно то, что добросовестные донесения и разведданные говорили о характере иракского сопротивления в целом, хотя такая картина отвергалась военными руководителями. В докладе выдвигается предположение, что Соединенным Штатам было бы легко разгромить оппозицию, но что операция была прекращена по политическим причинам, частично связанным со скандалом с пытками в Абу-Грейб, – решение, которое привело Пола Бремера, который каким-то образом оказался главой Иракского государства, «в бешенство». Бешенство Бремера было понятным: урегулирование выглядело как поражение армии США в городе, превратившемся в символ сопротивления. В любом случае, не в силах оставить это как есть, Соединенные Штаты подвергли город неоднократным зачисткам и нападениям. В течение трех недель после объявления о прекращении огня бомбардировки продолжались, тем самым делая его – как признается в докладе – «не тем, что под этим понимается».

В ноябре 2004 года США начали свой самый жестокий штурм из всех, что были до тех пор, известный как «Ярость призрака». В качестве прелюдии к атаке США бомбардировали город, чтобы «поощрить» тех жителей, которые могли бежать (кроме «мужчин призывного возраста», которым выезд был запрещен), а затем закрыли его, чтобы предотвратить бегство для оставшихся. Военные преступления, такие как бомбардировка одного госпиталя и захват другого, широко освещались, но гораздо меньше сообщалось об избивании врачей и нападениях на машины скорой помощи. Позднее выяснилось, что США применяли белый фосфор, химическое вещество, которое сжигает плоть и проникает до самых костей.

Оценки НПО утверждают, что во время этого штурма было убито от 4 до 6 тысяч человек, что 36 тысяч домов, 9 тысяч магазинов, 65 мечетей и 60 школ было уничтожено. Хотя операция оправдывалась необходимостью искоренить ячейку «Аль-Каиды», которая, как говорили, действовала в городе, лидеры сопротивления, как обнаружилось, были местными жителями. Около 350 тысяч перемещенных беженцев в конце концов были пропущены обратно в город через фильтрационные пункты, подвергнувшись биометрическому сканированию, и зачислены в созданные по военному образцу батальоны, осуществляющие принудительные работы по восстановлению города.

Штурм Фаллуджи выделяется из-за жестокости примененных методов, но те же самые методы использовались и для покорения других иракских городов. В середине 2007 года в подробном отчете 30 неправительственных организаций для Форума глобальной политики был приведен анализ образа действий оккупантов при захвате крупных городов и городских цен-

тров. В докладе обсуждаются основные методы подчинения крупных населенных центров в Ираке, и перечисляются семь особенно важных:

- 1) окружить и заблокировать город, как в Фаллудже и Талль Афаре, где оккупанты построили стену в восемь футов высотой вокруг всего города, прежде чем начать атаку;
- 2) насильственно эвакуировать тех, кто остался, как в Фаллудже и Рамади;
- 3) отрезать поставки продовольствия, вод о- и электроснабжение, как в Фаллудже, Талль Афаре и Самарре;
- 4) ограничить свободу передвижения журналистов и заблокировать освещение в прессе, при систематическом исключении всех не прикомандированных журналистов во время подобных штурмов;
- 5) проводить интенсивные бомбардировки, особенно объектов инфраструктуры;
- 6) проводить массированный штурм города, с применением снайперского огня, и подвергать выживших насильственным обыскам;
- 7) осуществлять нападения на госпитали, машины скорой помощи и другие медицинские учреждения⁷⁰.

Котла террор – это норма

Наконец, можно утверждать, что все это печально, но, тем не менее, представляет собой прискорбное отклонение от нормального поведения американцев, которое может быть быстро скорректировано. Можно было бы утверждать, что администрация Буша относилась к исключениям, она отказалась от понимания мультилатерализма, закона и порядка, чтобы вести глубоко прагматичную войну. В этом, возможно, есть элементы истины. Однако жестокости, выставляемые на всеобщее обозрение «Викиликс», не являются отклонениями. От завоевания Филиппин до оккупации Гаити методы американских военных решений зависели от террора в отношении мирного населения. Масштаб насилия, по-видимому, намного больше определяется контекстом, в котором ведется война, чем идеологией конкретной администрации, ее осуществляющей.

Звучало утверждение, что сползание к нападениям на мирное население встроено в современную войну: начиная с тактики, которая переносит риск на мирных граждан и, заканчивая тактикой, которая расценивает их как основу оппозиции и законную мишень⁷¹. Исходя из вышеизложенного, можно продолжить эту мысль. Террор – наиболее типичный элемент американской империи, такой же важный, как мягкая сила и звонкая монета. Если империя американского образца зависит от поддержания глобального сплетения национальных государств, ориентированных на интересы США и выступающих за «свободные рынки», гражданское население необходимо удерживать от стремления к альтернативам во всех отношениях, точно так же, как и вооруженные государства.

И все же, как нам показало преследование «Викиликс», поддержанное судами и политиками под лозунгом борьбы с терроризмом, быть империей отчасти означает иметь власть определять и присваивать ярлыки. В результате «терроризм» – это всегда то, что делает враг.

Что такое пытка?

Среди методов, раскрытых в документах «Викиликс», есть те, что имеют место в обширной американской сети мест заключения и пыток. В частности, «Файлы Гуантанамо» показывают, как пыточная система превратилась в замкнутый цикл, в котором, в сущности, недостоверная информация, полученная с помощью пыток, применялась для установления задержанных, которых можно в свою очередь пытаться. Документы свидетельствуют, что мно-

жество заключенных содержалось в тюрьме, несмотря на то, что было известно: они никак не связаны с «Талибаном» или «Аль-Каидой»⁷².

Как штрих мрачной иронии, Соединенные Штаты отреагировали на поток разоблачений «Викиликс», схватив одного из тех, кто обвинялся в организации утечки первоисточников депеш Государственного департамента, рядового армии США Брэдли (сейчас Челси) Мэннинга, подвергнув его пыткам. Представителя Госдепартамента, который критиковал эту практику, вынудили подать в отставку. Тем не менее, по-видимому, никто из тех, кто несет ответственность за программу пыток, в результате работу не потерял, а обвинение против них выдвинуто не будет – не говоря уж о том, чтобы раздеть их догола и почти на год засунуть в одиночный карцер⁷³.

Все это происходит, пока беспрестанно повторяют успокаивающие банальности – «мы не применяем пытки»⁷⁴. Ибо, хотя американские политики, видимо, никогда не испытывают больших сомнений в том, что такое «терроризм», но когда речь заходит о «пытках», вмешивается странный относящийся к этому определению релятивизм. Жертв могут подвергать утоплению, так что они насильно заглатывают воду и почти насмерть захлебываются. Их могут поднимать на дыбе со связанными за спиной руками и подвешивать к потолку так, что давление сжимает им грудь до тех пор, пока они не умрут. Их могут держать в гробах, наполненных насекомыми, насиловать при помощи палочек – химических источников света – и вынуждать мастурбировать или симулировать сексуальные акты. Но политики сомневаются, на самом ли деле это «пытка».

Каковы законы, касающиеся пыток, в Соединенных Штатах? Правительство ратифицировало Конвенцию ООН против пыток в 1994 году, через 10 лет после ее принятия Генеральной Ассамблеей ООН. Статья 1 Конвенции определяет пытки как

«любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, с целью получения от него или от третьего лица сведения или признания, наказания его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугивания или принуждения его или третьего лица, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома, или с молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

Это определение выглядит довольно точным, входя в некоторые подробности о том, кто может быть виновным в пытках, с какой целью и в каких обстоятельствах. Кроме того, в конвенции делается следующее категорическое утверждение: «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Как утверждает Национальная гильдия адвокатов, это обеспечивает однозначный довод в пользу судебного преследования лиц, виновных в пытках⁷⁵. Но есть три проблемы, которые набрасывают на данное определение некоторую неопределенность. Во-первых, неясно, что квалифицировать как «сильную боль». Не представляется возможным измерить боль объективно, поскольку это субъективная реакция.

Печально известные «Пыточные записки» – сборник правовых меморандумов, составленных заместителем помощника генерального прокурора Джоном Ю в августе 2002 года, – тщательно определяют пытку таким образом, чтобы все, что не дотягивает до тяжелой травмы

или повреждения органов, было допустимым. Они играли именно на этой неизбежной неопределенности. Во-вторых, требование, что пытка должна быть причинена «умышленно», делает почти невозможным подтверждение применения пытки, если не считать признания. В-третьих, исключая боль или страдания, вытекающие из «законных санкций», конвенция открывает значительную свободу действий для государств в узаконивании видов пыток как наказаний.

Недостаточная точность такого определения пытки – не просто вопрос неудачной формулировки в Конвенции. Она проистекает из двух обстоятельств, внешних по отношению к тексту. Первое заключается в том, что «пытка» – это по своей сути предписывающий, нормативный термин и, подобно терминам языка политики, оспариваемый. Второе имеет отношение к самой правовой системе. Американская империя основана на либеральном мировом порядке под верховенством права. Но данные нормы тянут в противоположных направлениях. Право быть свободным от пыток тут входит в противоречие с правом государства их применять. Этим отчасти объясняется, почему, даже хотя американская империя пытала всегда, у нее никогда не было согласованной позиции в отношении пыток: те, кто пытали, всегда были вынуждены противостоять тем, для кого пытка – это анафема согласно собственным американским стандартам.

Ряд опросов общественного мнения обнаруживает, что американцы считают пытки приемлемым способом обращения с «этими людьми», веря, что они позволяют получать ценную разведывательную информацию, – факт, который историк Грег Грэндин связывает с давней традицией демонологии, начинающейся с истоков Соединенных Штатов как государства колонистов-поселенцев, основанного на рабовладении и постоянно испытывающего угрозу от расово «чужих»⁷⁶.

Но даже в весьма напряженной атмосфере «войны с террором» многие сотрудники ЦРУ находили применение пыток неприемлемым. Свидетели наказания, которому был подвергнут Абу Зубайда, саудовский националист и исламский боевик (его пытали в Гуантанамо под ошибочным предлогом, что он связан с «Аль-Каидой»), как говорится в международных документах, «чувствовали себя очень неудобно... вплоть до слез и потери речи»⁷⁷.

Именно эти моральные и политические расхождения выражаются в форме правовых аргументов. Почти во всех правовых ситуациях будет более двух релевантных правовых концепций, которые вторгаются в аргументацию, тем самым открывая избыток возможных правовых интерпретаций. Когда дело доходит до применения этих законов, нет ничего, кроме превосходства власти, позволяющего сделать выбор между двумя соперничающими интерпретациями⁷⁸.

Особенно это было полезно для правительства США, когда ЦРУ открыло для себя преимущество психологических пыток во время экспериментов по «контролю сознания» в 1950–1962 годах. Результатом этих интенсивных опытов на людях стал мрачный научный прорыв: в ЦРУ узнали, что пыточные методы без физических контактов, а также психологические манипуляции намного более эффективны, чем физические пытки. Потратив столько времени, наблюдая за слабостями и уязвимостью человеческого организма, они разработали сложную систему пыток, которая оставляет от человека психологические развалины, но не оставляет физических следов. Двумя ключевыми элементами были «сенсорное голодание», например, содержание в капюшоне или маске, и «причинение боли себе» при помещении в стрессовые ситуации. Это были типы методов, которые ЦРУ классифицировало как «расширенные техники допроса», тем самым они прекрасно согласовывались с международными правовыми обязательствами Америки⁷⁹. И опять же, право классифицировать – огромный, незаменимый ресурс для империи⁸⁰.

Депеши «Викиликс» многое говорят нам об американской программе пыток наряду со свидетельствами из доклада Тагубы, Комитета по разведке Сената и журналистскими расследо-

ваниями. Приводимые ниже примеры покажут, как США разрабатывали свой пыточный комплекс, построенный на практиках прошлого, и придумали ряд правовых и моральных оправданий, занимаясь этим.

«Файлы Гуантанамо»

До Абу-Грейб был Гуантанамо. В январе 2002 года, хвастаясь фотографиями закованных, с завязанными глазами заключенных в оранжевых комбинезонах, американское правительство гордо заявило, что оно открыло новую военную тюрьму в своей колонии площадью в 45 квадратных миль в заливе Гуантанамо, на Кубе.

История военно-морской базы в заливе Гуантанамо многое говорит о своеобразии американской империи. С самых первых дней образования страны американские элиты лелеяли мечту обладать Кубой, находившейся тогда под контролем Испанской империи. Они даже пытались купить этот остров, но все безрезультатно. Именно яростное восстание против Испании на Кубе с 1895 года открыло двери для американских субсидий. Испанцы не могли победить повстанцев, и Соединенные Штаты быстро вмешались, чтобы взять ситуацию под свой контроль. Считая кубинское население «некомпетентным», чтобы «поддерживать самоуправление»,⁸¹ они вмешались якобы от имени повстанцев, во имя свободы, разгромили испанцев и оккупировали остров. Структуры сегрегации, мафиозного капитализма и диктатуры, возникшие в последующий период, были установлены США. Это была та же модель использования военной силы для создания клиентских режимов вместо прямого политического правления, которую Соединенные Штаты будут применять в других частях Латинской Америки в следующем столетии⁸².

Именно в 1903 году США впервые «договорились» о контроле над 45 квадратными милями вокруг Гуантанамо в качестве базы для кораблей ВМФ, которая удерживалась до 1959 года – и даже дольше, поскольку правительство Кастро, сбросившее режим, не смогло вынудить США покинуть эту территорию. После тщетных попыток Кеннеди сокрушить кубинскую революцию во время провала в заливе Свиней, а также почти провала с Кубинским ракетным кризисом 1962 года, Соединенные Штаты решили создать постоянную базу морской пехоты в Гуантанамо, якобы для защиты государства от нападения со стороны кубинцев. Там она и оставалась, почти забытая, до 2001 года.

«Война с террором» была начата с конкретной целью: собрать тысячи пленников и допрашивать их в течение длительного времени. А поскольку такие допросы должны были проводиться за рубежом, где, согласно логическим рассуждениям, заключенные не будут находиться под защитой правовой системы США, залив Гуантанамо представлял идеальное месторасположение⁸³. В январе 2002 года на базе была открыта военная тюрьма, состоящая из трех отдельных зон, известных как лагерь «Дельта», лагерь «Игуана» и лагерь «Икс-Рэй».

Известно, что к 2005 году в тюремном лагере в заливе Гуантанамо находилось 540 заключенных. Из них только четверо обвинялись в преступлениях. Тем не менее администрация Буша отстаивала этот лагерь на том основании, что с содержащимися под стражей «хорошо обращаются» и что присутствует «полная прозрачность»⁸⁴. Это было неубедительно: те, кто знал, что заключенных в лагере пытали, считали своим долгом организовывать утечку соответствующих сведений. Среди массы публичных свидетельств была и информация от американского солдата Эрика Саара, который работал переводчиком на допросах. Саар подробно излагает практику физического насилия и сексуальных пыток. Даже официальное расследование, проведенное в лагере, признало, что в Гуантанамо впервые были разработаны практики, позднее применявшиеся против иракских заключенных в Абу-Грейб⁸⁵.

Но оправданием для этой тюрьмы и для любого неприглядного обращения с заключенными было то, что люди, запертые там, несмотря на отсутствие судебного процесса, были, несомненно, «террористами» с миссией напасть на Соединенные Штаты. Как выразился Буш в своем обращении к Конгрессу в 2002 году, «террористы, которые когда-то занимали Афганистан, сейчас занимают камеры в Гуантанамо»⁸⁶. Дик Чейни, уже ушедший со своего поста, но не из памяти, повторил в 2009 году, что в тюрьме заключены «худшие из худших»⁸⁷.

Документы «Викиликс» позволяют нам увидеть, как ярлыки связаны с реальностью. «Файлы Гуантанамо», ставшие достоянием гласности в апреле 2011 года, подробно излагают дела почти всех 779 заключенных, содержащихся там⁸⁸.

Состоящие по большей части из служебных записок за подписью начальника Гуантанамо, они показывают, что большинство заключенных, как было известно их тюремщикам, не были связаны с «Аль-Каидой», а по меньшей мере 150 человек были мирными жителями, захваченными по ошибке, которых потом годами держали в заключении без суда.

Файлы, которые на сайте «Викиликс» обсуждались журналистом Энди Уортингтоном, подтвердили детали, полученные с помощью предыдущих кампаний, включая публикацию документов, относящихся к заключенным, прошедшим трибунал по пересмотру статуса комбатантов, выигранный по юридическому иску СМИ⁸⁹. В результате этой работы уже стало ясно, что сотни человек содержались в заключении без достаточных оснований, около 600 в конце концов были освобождены из-за отсутствия доказательств⁹⁰. Новые документы, объясняет Уортингтон, показывают,

«почему получилось так, что генерал-майор Данлэви, который был начальником Гуантанамо в 2002 году, жаловался на число заключенных “Микки Маусов”, как он их называл, которых ему присылали из Афганистана. Вот они. Вот крестьяне, и повара, и водители такси, и все эти люди, которые вовсе не должны были быть арестованы в первую очередь, очутились в Гуантанамо, потому что не было процедуры отсева»⁹¹.

Помимо тех, кто являлись явно гражданскими лицами и кого беспорядочно захватывали американские военные, были и те, кого держали на основании обвинений, выдвинутых якобы «особо ценными» заключенными. К ним относились люди, у которых получали информацию под пыткой, заключенные, которые были психически неустойчивыми, другие, которые имели хороший повод выдвинуть фальшивое обвинение для того, чтобы добиться привилегированного обращения, а также отъявленные лжецы⁹².

В сущности, то, что создали США, выглядит как глобальный механизм, который не столько производит поимку «террористов», чтобы представить их суду, сколько захватывает сотни людей для того, чтобы найти способы заклеить их как «террористов». Эта машина представляет собой своего рода массивную попытку поддержать утверждение американского правительства, что все его противники в Афганистане и Ираке на самом деле были «террористами».

Полный провал таких организаций в попытках обнаружения множества террористов вызвал недовольство и общественности, и Конгресса, а также нашел отражение в президентской кампании Барака Обамы 2008 года. Однако Обама не закрыл эти учреждения. В марте 2011 года, всего за месяц до удара в виде публикаций «Викиликс», президент подписал исполнительный приказ, отдающий распоряжение о продолжении бессрочного заключения узников в Гуантанамо⁹³.

Несомненно, это был конфуз. Американские средства массовой информации, однако, бросились на помощь президенту. В то время как зарубежные СМИ обращали внимание на разоблачения жестокого и подлого поведения военных США, американские средства массовой

информации систематически этот факт сглаживали. Публикуя утечки, они подчеркивали ту тень, которая была брошена на «Аль-Каиду» и ее деятельность, тем самым подтверждая предполагаемую функцию лагерей по «сбору разведывательной информации»⁹⁴.

От Вьетнама до Ирака

Истоки этой практики можно проследить до послевоенной разработки техники и механизмов пыток, которыми занималось ЦРУ, когда оно стремилось поддержать сеть диктатур и государств, ориентировавшихся на США. Исследования по «контролю сознания» со стороны ЦРУ первоначально оправдывались как законная оборонительная реакция на коммунистическое «промывание мозгов», но быстро приобрели наступательную цель. Кроме того, они привлекли ведущих психологов, например, бихевиориста Дональда Хебба, в серии экспериментов над людьми⁹⁵.

Эти исследования представляют собой первую попытку рационализировать и усовершенствовать практику пыток, сделав ее тоньше, чем традиционные «костоломные» методы. Тем не менее ЦРУ не отказалось и от старых средств. Основной институциональной базой для распространения пыток было, в первую очередь, Управление общественной безопасности (УОБ), подразделение USAID. Как часть наступления, УОБ обучило более миллиона сотрудников полиции в 47 странах и научило их методам допросов, которые разрабатывало ЦРУ. Оправдывалось это необходимостью сломать хребет «коммунистической подрывной деятельности» в данных государствах. Основным театром операций был Южный Вьетнам, где США боролись за сохранение французского колониального правления, а затем за поддержку диктатора, являвшегося союзником Франции и Соединенных Штатов.

С 1965 года ЦРУ запустило «контртеррористическую» программу, компетенцией которой по иронии судьбы было применение «методов террора – убийств, нападений, похищений и запугивания – против руководства [Вьетминя]». Из этой программы выросла операция «Феникс» – грязная война в Южном Вьетнаме по уничтожению «инфраструктуры» Вьетминя с помощью поимки и убийств руководящих бойцов, причем захваченные подвергались творческим видам пыток. На программу в конечном счете пришлось «82,9 % убитых и захваченных участников движения Вьетминь». Однако на самом деле только меньшинство из них было высокопоставленными членами Вьетминя, а более половины вообще в нем не состояли. Кроме того, вместо того чтобы навязывать колониальную политику овладения территориями, эти методы были полезны в создании лояльной диктатуры, которая заправляла бы делами от имени американской империи. Диктатуры как части более широкого процесса, так называемой «вьетнамизации», поэтому данная программа была постепенно превращена в контроль над бюрократией Южного Вьетнама⁹⁶.

ЦРУ тем самым было освобождено, имея за плечами накопленный опыт, чтобы обратить внимание на другие глобальные линии противостояния. Уроки «Феникса» были применены в Латинской Америке, в программе, известной как «Проект Икс», в которой ЦРУ и военная разведка обучали офицеров из латиноамериканских обществ методам пыток. Учебные пособия, разработанные для этих конфликтов, натаскивали новобранцев в использовании таких методов допроса, как похищение членов семьи задержанного, и в том, как оценивать цели для «возможного похищения, изгнания, физических избиений и уничтожения». Это были отличительные черты тактики «Феникс».

Наряду с такими методами ЦРУ, однако, продолжало развивать свой репертуар психологических пыток, используя «психический стресс» и «невыносимые ситуации», «изоляция, как физическую, так и психологическую» и ряд изоциренных методов, предназначенных для «стимулирования регрессии». Угроза боли или боль, «причиняемая самому себе», «как правило, ослабляет или разрушает сопротивление более эффективно», чем боль, причиняемая допра-

шивающим, что может только «усилить» у задержанного «волю к сопротивлению». Применение подобных более сложных методов, с самого начала экспериментов ЦРУ сопровождалось «душевым контролем», с участием профессиональных психологов. Эти методы распространялись среди военных элит 10 латиноамериканских государств, являющихся союзниками правительства США, и сыграли важную роль в обеспечении рейгановской победы над левыми и народными движениями в Центральной Америке⁹⁷.

Это были методы, ожившие с началом «войны с террором», институционализированные в Гуантанамо и Баграме и перенесенные в Ирак. Многие знакомые приемы, объединяющие физические и психологические элементы, включая капюшоны, не дающие возможности видеть, избивание тяжелыми предметами, угрозы против членов семьи, стрессовые ситуации, раздевание догола и содержание на протяжении нескольких дней в одиночном carcere, изнасилование, нанесение рваных ран и применение ужасной средневековой пытки – дыбы, как оказалось, использовались самими американскими войсками.

Но это не было просто феноменом Абу-Грейб. В лагере Меркьюри, например, в военной тюрьме, созданной в пригороде Фаллуджи, заключенные по-прежнему содержались и подвергались жестоким пыткам – процессу, известному солдатам 82-й воздушно-десантной дивизии, охранявшим заключенных (они называли себя «маньяки-убийцы»), как «отхреначить». Американский союз гражданских свобод получил показания, данные под присягой, что солдаты регулярно «хреначили» заключенных. Это делалось систематически и было широко распространено, и многим из способов, как свидетельствовали ведущие палачи, включая главу военной разведки в Абу-Грейб, они научились непосредственно у оперативников ЦРУ в Гуантанамо и Афганистане⁹⁸.

Но, как и во Вьетнаме, США не намеревались навсегда остаться в Ираке. Их целью было создать надежное иракское государство, в идеальном случае с некоторой демократической легитимностью, способное взять на себя ответственность управления в соответствии с широкими американскими интересами.

Одно из откровений, содержащихся в «иракских военных материалах», состоит в том, что американские военные отказывались расследовать сотни сообщений о жестоких пытках, осуществляемых иракскими военными, находящимися под их командованием.

Это было результатом указа, выпущенного Дональдом Рамсфельдом и известного как «Фраго 242», который рассекречен в «иракских военных материалах»⁹⁹. «Фраго 242» – «боевой приказ», обязывающий американских военнослужащих, оккупирующих Ирак, не расследовать какие-либо нарушения законов войны, относящихся к пыткам, если те не участвовали в них непосредственно. Иракские военные, обученные и подчиняющиеся армии США, тем самым получали возможность практиковать наиболее вопиющие формы пыток:

«Мужчина, который содержался иракскими солдатами в подземном бункере, сообщил, что его подвергали печально известному болезненному подвешиванию на дыбе: со связанными за спиной руками он был подвешен к потолку за запястья. Потом солдаты избивали его пластиковыми трубами и применяли на нем электродрель. В материале отмечается, что этого человека лечили американские медики; документы были посланы по всем необходимым каналам; но опять же – до сих пор никакого расследования назначено не было.

Абсолютно беспомощная жертва – связанная, с кляпом во рту, с завязанными глазами и изолированная – подвергалась избиениям людьми в военной форме при помощи стальных тросов, металлических прутьев и стержней, резиновых шлангов, деревянных жердей, телеантенн, пластиковых водопроводных труб, ремней от вентилятора двигателя и цепей. По прихоти мучителя, как говорят материалы, жертва может быть подвешена за

запястья или лодыжки; связана в неудобной позе; подвергнута сексуальным домогательствам или насилию; ее могут мучить при помощи острого перца, сигарет, кислот, плоскогубцев или кипятка – и всегда почти без страха возмездия, поскольку, как правило, если иракские чиновники покушаются на граждан своей страны, никакого расследования в дальнейшем не проводится.

Большинство жертв – это молодые мужчины, но есть и материалы, в которых фиксируются случаи серьезного, в том числе сексуального, насилия над женщинами; над молодыми людьми, в том числе юношей 16 лет, которого подвешивали к потолку и избивали; над стариками и немощными, включая инвалида, поврежденную ногу которого намеренно подвергали истязаниям. Материалы определяют виновных из всех закоулков иракского аппарата безопасности – солдат, полицейских, тюремных охранников, военнослужащих пограничных патрулей».¹⁰⁰

Делая обзор документов «Викиликс», Бюро журналистских расследований отмечает, что при 180 тысячах человек, содержавшихся в иракских тюрьмах с 2004 по 2009 год, американская армия получила 1365 сообщений о пытках. Тем не менее американские власти в Ираке продолжали инспекции тюрем и не находили «никаких нарушений, никаких свидетельств о пытках в этих учреждениях»¹⁰¹. Позже в расследовании «Гардиан» выяснилось, что США были тесно связаны с пыточными центрами через спецподразделения полицейских командос, которых обучал ветеран спецназа эпохи рейгановских войн (эскадронов смерти) в Центральной Америке полковник Джеймс Стил.

Американские советники непосредственно были причастны, согласно рассказам свидетелей, как американцев, так и иракцев, к применению пыток¹⁰². Это показывает политику «иракизации» в действии. Как и в предыдущих войнах, США несли первоначальную ответственность за насилие по всем фронтам и постепенно создали своего местного мелкого эпитгона, чтобы тот перенял их полномочия.

Провал ЦРУ

В декабре 2014 года на ЦРУ обрушилась лавина. Сенат США опубликовал расследование о применении разведывательным ведомством пыток¹⁰³ в контексте «войны с террором». Этот доклад два года циркулировал среди государственных чиновников и впоследствии был «обновлен», прежде чем быть представленным общественности. «Обновление» на самом деле подвергло редактуре 93 % содержания. Но даже урезанная публичная версия была убийственной и дополнялась обильными деталями и документальными свидетельствами многого из того, что раскрывается в источниках «Викиликс».

Доклад обрушивается на ЦРУ с резкой критикой за применение методов, которые были как «жестокими», так и «неэффективными», не способствующими ни получению важной разведывательной информации, ни раскрытию хотя бы одного подлинного «заговора». Методы, описанные в документах ЦРУ, включают насильственное закачивание воды в прямую кишку задержанных; утопление задержанного до тех пор, пока он полностью не потеряет сознание и в его открытом рте не станет клочкотать вода; принуждение задержанного со сломанной рукой или ногой стоять часами в положении, причиняющем ему боль; игра с задержанным в «русскую рулетку»; угроза изнасиловать мать задержанного и перерезать ей горло; вызов у задержанного смерти от гипотермии, после того как его секли и избивали в течение длительного периода.

Одному из самых страшных мучительств был подвергнут Абу Зубайда, саудовский националист, захваченный в Пакистане, якобы связанный с «Аль-Каидой». Его пленение ЦРУ рекламировало как свой крупнейший успех до тех пор, пока не был захвачен ведущий сорат-

ник бен Ладена Халид Шейх Мухаммед. Дело Зубайды в Гуантанамо показывает, что он признал свою связь с несколькими вооруженными джихадистскими группировками, но постоянно отрицал причастность к «Аль-Каиде». Видимо, он говорил правду¹⁰⁴. Однако следователи так отчаянно нуждались в надежной информации, что начали подвергать его режиму пыток. Он примерно две недели провел в ящике размером с гроб, его лишали сна, ставя в неудобную позу и давая пощечины. В какой-то момент в гроб запустили насекомых, для дополнительного устрашения. Большая часть допросов производилась в то время, когда огнестрельная рана, которую он получил во время захвата, нарывала и гноилась при намеренном отсутствии лечения.

Поскольку большая часть этого продолжалась, США решили сделать так, чтобы Зубайда «исчез», решив, что он больше не должен быть доступен для Международного Красного Креста¹⁰⁵. Правительство США так и не выдвинуло против Зубайды обвинения в каком-либо преступлении.

Как и в предыдущих пыточных практиках ЦРУ, чтобы программа была эффективной, должен был быть в наличии ряд профессионалов, оказывающих содействие. Здесь работали два психолога, которые помогали создавать программу пыток в течение семи лет, и за их услуги им заплатили 81 миллион долларов¹⁰⁶. В одном случае они были сопровождены в Таиланд, где содержался Абу Зубайда, и им предоставили возможность использовать этого заключенного в качестве подопытного, чтобы усовершенствовать разрабатываемые ими методы, непосредственно опиравшиеся на прошлые опыты ЦРУ в данной области. В заявке на этот контракт психологи рекомендовали такие методы, как «агрессивное овладение вниманием, ограждающие конструкции, хватание за лицо, пощечины, содержание в тесной клетке стоя, стрессовые ситуации, лишение сна, утопление, содержание в подгузниках, использование насекомых и имитация погребения».

ЦРУ до обнародования доклада было дано время, чтобы подготовить свою защиту, первая составляющая которой была сформулирована Джорджем Тенетом, директором Центрального разведывательного управления в то время: «Мы не пытаем людей», – утверждал он, настаивая, что их методы «спасают жизни»¹⁰⁷. Тенет отказался обосновать свое утверждение, что приемы ЦРУ – это не пытки, просто заявив, что он не будет обсуждать что-либо конкретное. Не было также ни единого дела, на котором можно было бы продемонстрировать, что применение этих методов спасло чьи-то жизни.

Вторая составляющая защиты ЦРУ состояла в попытке подорвать чувство собственной непогрешимости у Конгресса, составив документ «только для служебного использования» (в конце концов обнародованный при посредстве «Викиликс»), где перечислялись все случаи, по которым ведущие члены Конгресса информировались ЦРУ относительно применяемых методов допросов¹⁰⁸. Это могло быть правдой, и подобное лицемерие со стороны официального Вашингтона едва ли могло удивить. Но невозможно точно установить, как много ЦРУ рассказывало своим слушателям-конгрессменам. И причины относиться скептически есть, особенно учитывая выводы отчета, что даже президента Буша держали в неведении о многом, что происходит.

Третьей составляющей защиты было подчеркивание законности того, что делало ЦРУ. Настоящая фаланга упырей из этого ведомства и апологетов Республиканской партии выстроилась, чтобы убедить общественность в том, что все совершенное ими было санкционировано Министерством юстиции, а потому к пыткам не относится¹⁰⁹. Здесь ЦРУ находилось на более твердой почве. Когда оно изначально попросило правовой поддержки для своих действий, в меморандуме, посланном помощником генерального прокурора Джея Байби советнику президента Альберто Р. Гонсалесу, было сказано, что президент может во время войны посчитать некоторые законы неприменимыми.

В частности, как утверждается в меморандуме, Женевские конвенции, дающие определенным группам статус военнопленных, прямо не касаются Афганистана. Меморандум ссылается на множество прецедентов из истории США, в которых правительство вело войну и не считало себя юридически связанным этими конвенциями, даже если предпочитало в любом случае им подчиняться. Далее меморандум предлагает некоторую свободу для применения пыток: «Если президент вынужден будет прийти к выводу, что заключенные-талибы не являются военнопленными согласно статье 4, они больше не будут являться лицами, защищенными Конвенцией».

Как видим, США сумели определить пытки таким образом, чтобы исключить большинство предпринимаемых ими действий из этой дефиниции. Чтобы что-то можно было назвать пыткой, причиненное в результате страдание должно быть «эквивалентно по интенсивности боли, сопровождающей серьезную физическую травму, такую как повреждение органа, нарушение телесной функции или даже смерть»¹¹⁰.

Как я уже говорил, эта интерпретация – при всей своей инновационности – по-видимому, в сущности, вполне убедительна в рамках Конвенции ООН против пыток, которая определяет боль, связанную с пыткой, только как «сильную», без дальнейших уточнений.

Упомянутый экстраординарный меморандум, написанный в основном заместителем помощника генерального прокурора Джоном Ю, был шмиттовским¹¹¹ в своей правовой доктрине почти неограниченной исполнительной власти. Критики этого меморандума называют многие из его интерпретаций закона «нетрадиционными». В частности, утверждение, что действие Женевских конвенций может быть приостановлено в отношении Афганистана, «Аль-Каиды» и «Талибана», вызвало самое решительное осуждение среди правоведов, приведя к призывам привлечь к суду его авторов¹¹².

Однако меморандум Байби – что бы он ни представлял в моральном отношении – это пример впечатляющей юридической виртуозности. Он опирается на строгое толкование логики правовых аксиом и прецедента. Тем не менее администрация Буша не могла искренне принять его гегемонистские соображения. Хотя министр обороны Дональд Рамсфельд доказывал, что это была война нового типа, невообразимая для авторов Женевских конвенций, госсекретарь Колин Пауэлл считал, что отказ в предоставлении захваченным статуса военнопленных «обойдется дорого с точки зрения негативной реакции на международной арене» и «подорвет общественную поддержку среди ключевых союзников»¹¹³.

Компромиссом администрации Буша между двумя силами, оказывающими давление, было заявление, что статус военнопленных будет применяться к захваченным в Афганистане, но не к подозреваемым членам «АльКаиды» и «Талибана»: они «вражеские комбатанты», и потому исключаются из числа лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций. Действительно, это продолжало быть основанием политики США в Гуантанамо, например, когда юрисконсульт Госдепартамента Джон Беллинджер ссылался на «типичные законы войны», включая Женевские конвенции, когда приводил обоснование для содержания в заключении людей, «захваченных на поле боя» и утративших свое право на коммуникации с внешним миром¹¹⁴. Соединенные Штаты, конечно, по-прежнему являлись стороной, подписавшей Конвенцию ООН против пыток, но они применяли их определение в толковании Байби – до тех пор, пока скандал с Абу-Грейб не вынудил Консультативно-правовое управление от него отказаться.

Таким образом, ЦРУ могло заявить, что оно не пытается и не пыталось как раз потому, что американская империя обладает властью давать правовое определение для пыток и навязывать это определение силой¹¹⁵.

Как работает пытка

Одно из самых важных критических замечаний в отношении пыток, сделанных Обамой и Комитетом по разведке Сената состоит в том, что они не работают. Они неэффективны при получении ценных разведанных, которые имеют следствием сохранение человеческих жизней. Поскольку оправдание для пыток заключается в том, что это защитная мера против безжалостного терроризма, – критика правильна. Однако по документам «Викиликс», а также из истории практики пыток, осуществляемых американскими властями, мы видим, что пытки не дают того результата, для которого они, как предполагается, необходимы.

Это правда, что ключевой целью пыток является допрос: желание вытянуть заявления, признания и сопутствующую информацию. Но многое из перечисленного не имело никакого отношения к «Талибану» или «АльКаиде», и множество пленников вообще не имели отношения к названным группировкам. По меньшей мере у одного из задержанных вытягивали информацию о практике журналистской работы в «Аль-Джазире». Это отчасти объяснялось тем, что Соединенные Штаты считали ее враждебной телерадиокомпанией. Более того, даже если большая часть информации, добытой в результате допросов, не поддавалась проверке, она все равно обеспечивала Соединенные Штаты признаниями, которые поддерживали их версию и подкрепляли обвинения.

Возьмем, например, дело Халида Шейха Мохаммеда, руководящего члена «Аль-Каиды», захват которого ЦРУ праздновало как крупную победу. Он был в числе тех заключенных, которых пытали «вплоть до смерти», подвергали утоплению до тех пор, пока он почти не захлебнулся¹¹⁶. Эти постоянные пытки дали признание настолько сложное, радикальное и неправдоподобное, что оно заставило видных экспертов-юристов объявить его сродни признаниям на показательных процессах при Сталине. Мохаммед сознался во всем, от нападения на Всемирный торговый центр в 1993 году до взрыва бомбы на Бали, обезглавливания Дэниэла Перла и серии заговоров по взрыву штаб-квартир НАТО, подвесных мостов в Нью-Йорке, Эмпайр Стэйт Билдинг, Сирс-тауэр в Чикаго и лондонского аэропорта Хитроу: всего 31 признание¹¹⁷.

Другая цель пыток – наказать и запугать врагов. Соединенные Штаты непосредственно участвовали в обучении спецподразделений полицейских командос соответствующим методам, и командос играли ключевую роль в развертывании гражданской войны в Ираке – особенно в подавлении деятельности против оккупантов. Пытки в данном случае должны были утратить оппозицию. И это согласуется с использованием пыток ЦРУ и аффилированными с ним военными структурами и военизированными отрядами на предыдущих фронтах, таких как Вьетнам, Филиппины и Латинская Америка.

То, что пытки «работают» в этом смысле, не означает, что для империи всегда обязательно хорошо заниматься такой практикой. Американское господство всегда заключалось в расширении своих доминионов путем открытия рынков, а также при помощи глобальных торговых организаций. Здесь даже более, чем на войне, необходимы союзники. Если откровения о пытках что-нибудь и показывают, так это то, что присутствовало значительное давление внутри администрации Буша и вне ее с призывами не прибегать к пыткам, поскольку это оттолкнет ключевых союзников и подорвет легитимность и долгосрочные интересы Соединенных Штатов. Несомненно, одна из причин, почему так много информации было раскрыто, – борьба между фракциями в американской власти, когда многие доказывали, что пытки контрпродуктивны.

Но окончательного разрешения данной проблемы не произошло, и Соединенные Штаты до сих пор пытать не прекратили¹¹⁸. Похоже на то, что пока Америка является империей, она будет продолжать пытать. Но подобный переплет между нормативными претензиями, присутствующими руководящей роли Америки в либеральном мировом порядке, и суровыми реалиями

военного доминирования – из тех, в который периодически попадали ее лидеры. Даже когда они санкционируют пытки, они должны стремиться дать им такое определение, как будто их на самом деле не существует.

3. Война и терроризм

Армии маршируют, но они должны иметь пункт назначения. Империи начинают войны, но у них должна быть цель. Естественно, что когда мы думаем об империи, мы думаем о крови. Аспект американской империи, связанный с войной, пытками, подрывной деятельностью и шпионскими атаками, привлекает основную часть критического внимания. И все же отличительная особенность империи не в этом, и относительно пыток или террора мы не должны забывать взаимосвязь между средствами и целями.

Когда миллиардер, журналист «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман говорил о «невидимом кулаке» американской армии, делающем мир безопасным для Кремниевой долины и Макдональдса¹, самым захватывающим было не его высказывание о подавляющем военном доминировании Америки, а связь, которую он провел между мощью военно-политической и экономической.

Империи, предшествовавшие современной эпохе, как правило, заботились о приобретении населенной и богатой ресурсами территории для земельной олигархии, порабощении местных жителей с целью эксплуатации, а также завоевании торговых путей. Римская империя аннексировала территории для своих богатых землевладельцев. Голландская империя использовала пиратство для взятия под контроль торговых маршрутов. Колонизация Испанской империей Южной Америки, грубо говоря, превратила этот континент в огромное предприятие по добыче золота и серебра, а его население – в рабов.

Современная американская империя – зверь другой породы. Сеть ее военных баз от Гренландии до Австралии – это не часть системы территориальной оккупации или аннексии. Она скорее служит удобным способом локализации военной мощи США для того, чтобы можно было поддерживать систему государств, качества которых удовлетворяют интересам американской империи. В целом Соединенные Штаты хотят получить доступ

к торговым маршрутам и могут подкрепить свои притязания огромной военно-морской мощью, но им не нужно контролировать их напрямую. И они научились, по большому счету, делать это без обращения в рабство с 1865 года, когда подходящим оказался наемный труд. В современную эпоху мы имеем дело с торговыми соглашениями, долговым бременем и структурной перестройкой. Соединенные Штаты хотят расширить область рынков. В любом национальном государстве деловые круги получают подавляющее преимущество благодаря своему стратегическому контролю над рынками. Это верно и на глобальном уровне, так что американские корпорации имеют шансы выиграть больше всех благодаря постепенному открытию рынков и торговли.

Скрежещущее, сокрушительное торможение на мировых рынках в 2008 году, как раз тогда, когда сворачивалась «волна» в Ираке, а «хромая утка» президент Буш готовился уйти, послужило жестоким напоминанием о том, на чем строится эта империя. Кризис американской банковской системы быстро вызвал хаос во всем мире, показывая, как далеко американские финансы проникли в экономики союзных государств и как глубоко зарубежные банки завязаны на американскую экономику. Последующая реакция правительств на банковский кризис показала, насколько американское правительство задает темп для остального мира.

Поэтому в высшей степени актуальным явилось то, что «Викиликс» в тот же самый момент, когда он раскрыл деяния правительств, обнародовал горы документов о корпоративной коррупции и связях между правительствами и бизнесом.

Разоблачение бизнеса

«Бойтесь», – предупреждал «Экономист» в 2010 году, когда «Викиликс» анонсировал публикацию пяти гигабайтов файлов одной из видных финансовых организаций.

Разобравшись с государствами, сейчас «Викиликс» нацеливается на корпорации. В будущем бизнес больше не сможет полагаться на секретность. «Сотрудники все чаще приносят на работу собственные гаджеты. Даже простейший из них может хранить информацию, эквивалентную нескольким тоннам бумаги. И все больше и больше людей использует при работе социальные сети, процветающие на обмене информацией»². Журнал «Форбс», американский коллега «Экономиста», был также встревожен. «“Викиликс” хочет выболтать ваши корпоративные секреты», – объявил он. И это, возможно, удастся, поскольку «он дает тем, кто испытывает угрызения совести, так же как и желающим отомстить, шанс опубликовать документы, по большей части не отфильтрованные, без цензуры и без личных последствий благодаря технологиям конфиденциальности и шифрования, которые легче, чем когда-либо прежде, позволяют сохранять анонимность»³.

Такой страх был уместен. За год до того, как было высказано это беспокойство, «Викиликс» вызвал серьезные затруднения у гигантской транснациональной корпорации Traftigura, занимающейся торговлей сырьевыми товарами и нефтью, организовав утечку содержания международного доклада по инциденту с выбросом отравляющих веществ в Кот-д’Ивуаре. «Доклад Минтона», названный по имени консультанта, который был главным автором, рассказал о том, как эта компания нарушила правила ЕС в ходе того, что «Викиликс» назвал «возможно, самым преступным инцидентом с массовым загрязнением со времени Бхопала»⁴.

Причины виновности Traftigura ясны. Она ухватилась за возможность получить быструю, огромную прибыль, покупая дешевое грязное топливо, которое продается у побережья Мексики. Для того чтобы очистить это топливо, она использовала процесс, запрещенный в большинстве западных стран, который приводит к производству ядовитого побочного продукта, во внутренней корпоративной переписке компании бодро именуемого «гадость» или «дерьмо». В конце концов в Кот-д’Ивуаре был найден местный подрядчик, который сбрасывал отходы за деньги, либо не зная, либо не заботясь о страшных последствиях для людей, включая – согласно докладу Минтона – «ожоги кожи, глаз и легких, рвоту, диарею, потерю сознания и смерть»⁵.

Компания шла на все, чтобы предотвратить раскрытие содержания этих документов, добившись с помощью известной юридической фирмы «Картер Рак» судебного постановления, которое запрещало британским газетам прямо указывать читателям место расположения доклада или давать им какую-либо информацию о том, как они могут получить к нему доступ. Когда позже выяснилось, что один из членов парламента воспользовался своей парламентской привилегией, чтобы задать вопрос об этом деле министру юстиции, Traftigura зашла настолько далеко, что добилась «супер-постановления» против газеты «Гардиан», опять же с помощью юристов «Картер-Рак», которое запрещало газете сообщать об этих парламентских дебатах⁶.

В прошлом году швейцарский банк Julius Baer тоже почувствовал себя не в своей тарелке, когда «Викиликс» начал публикацию документов об операциях этой компании относительно ее причастности к сокрытию активов для влиятельных политических фигур, отмыванию денег и уклонению от налогов. Компания надорвалась при реакции на разоблачения «Викиликс». Она добилась судебного приказа против «Викиликс», препятствующего циркуляции документов, которые она находила неудобными, но этого оказалось недостаточно. Компания попыталась полностью закрыть «Викиликс», судясь как с самой организацией, так и с регистратором ее домена.

Вначале она добила предписания, однако после яростной вспышки общественного негодования и ряда встречных исков сторонников «Викиликс» была вынуждена отыграть назад. Негативная реклама принесла компании даже больший ущерб, когда бывший служащий, который поставлял компрометирующие сведения, выступил в 2011 году с еще несколькими тысячами документов, относящихся к весьма состоятельным клиентам. По его словам, они проливали еще больше света на практику этой компании⁷ и на богатых людей, уклоняющихся от налогов.

Среди других целей «Викиликс» из числа корпораций на протяжении многих лет были Kaier thing Bank, перуанские продавцы нефти, Northern Rock и Barclays Bank. Кроме того, «Викиликс» передавал информацию о Bank of America и British Petroleum, которую не имел возможности опубликовать, частично из-за недостатка ресурсов на проведение всесторонней проверки фактов. Все это, наверное, просто само по себе представляет собой хорошую старомодную журналистику «разгребания грязи», обнажающую порочную практику корпораций и ее почти неизбежные следствия в виде политической коррупции и репрессий. Действительно, последствия деятельности «Викиликс» для журналистики расследований и будущего «четвертой власти» стали источником многих научных буквоедских изысканий и переоценки ценностей⁸. Но что это говорит нам, если вообще говорит, об американской империи?

Из истории спасения банков мы узнали, что когда бизнес вопиет о помощи, отвечает именно государство. Соединенные Штаты, в частности, вынуждены были взять на себя центральную роль при поддержке частного банковского сектора, спасая капитализм от самого себя в 2008 году. Это выглядит противоположностью доктрины «свободного рынка», согласно которой личности и предприятия должны нести ответственность за свои неудачные инвестиционные решения, в противном случае плохие решения будут повторяться. Вот такой «тонкий дарвинизм», которому не обязательно описывать, как на самом деле работают рынки. Но убежденность в том, что это подрывает ортодоксию «свободного рынка», настолько возмутила американских политиков, что вызвала бунт в Конгрессе, который чуть было не воспрепятствовал оказанию финансовой помощи спасению банков.

Однако из документов «Викиликс» мы видим, что не существует такой вещи, как «свободные рынки» без сильных государств, – что «невидимая рука» нигде не работает без твердой руки правительства. Например, одна подборка документов описывает попытку правительства США поддержать своего гиганта в области ГМО-технологий на зарубежных рынках. Американский посол во Франции зашел так далеко, что убеждал администрацию Буша начать «торговую войну» с этой страной, чтобы наказать ее, если она не поддержит использование ГМО-культур. Другие просочившиеся депеши показывают, что американские послы по всему миру принимали участие в продвижении ГМО-культур как жизненного стратегического и коммерческого интереса, включая лоббистское давление на Папу Римского, призванное добиться его поддержки этой технологии и тем самым подрыва оппозиции ей в католических странах⁹.

На самом деле исследования после годов бума 1990-х показывают, что из списка ста лучших для работы компаний по версии Fortune по крайней мере 20 вообще не существовали бы, если бы не вмешательство со стороны государства. Корпорации печально известны плохим управлением своими международными операциями и полагаются на правительственных агентов, чтобы те открывали для них двери. Примером мог бы служить Apple, чьи неизменно прибыльные айфоны и айпады основаны на технологиях, разработанных в государственном секторе и переданных частному капиталу. Доступ компании на рынки рабочей силы Восточной Азии, что удерживает низкие цены на ее продукцию, критически зависит от роли правительства США в переговорах по открытию этих рынков для американских инвесторов¹⁰. Снова и снова, где бы американские чиновники ни славословили добродетели «свободной торговли»,

мы обнаруживаем, что именно политическая мощь дает возможность Америке доминировать на мировых рынках и пользоваться выгодами торговли.

Ключевой частью истории, обсуждаемой ниже, является возникновение соглашения о свободной торговле, Транстихоокеанского партнерства (ТТП). «Викиликс» обнародовала плоды некоторых переговоров по образованию ТТП, которые шли еще в 2014 году, привлекая внимание к серьезной угрозе свободе информации, гражданским правам и доступу к медицинскому обслуживанию, ограничиваемым в предлагаемых новых законах. Этот договор, как отметил «Викиликс», составит «крупнейшее в мире экономическое соглашение, которое будет, в случае вступления его в силу, охватывать более 40 % мирового ВВП»¹¹. На самом деле данное соглашение представляет собой две вещи: во-первых, это хартия корпораций, предоставляющая им набор прав и полномочий во имя свободной торговли; во-вторых, это результат «поворота к Азии» президента Обамы – его попытка инкорпорировать в торговый блок с США национальные экономики Восточной Азии, исключая Китай. Вот где будет сконцентрирована львиная доля дальнейшей экономической динамики, и США используют свое значительное политическое влияние для того, чтобы обеспечить постоянный доступ к его преимуществам. Другими словами, это надлежащая модель «империализма свободной торговли».

Грязные секреты империализма «свободной торговли»

Чтобы понять разоблачения «Викиликс» и все, что кроется за насилием и жестокостью, обрисованными в предыдущих главах, необходимо понять политико-экономическую основу этой империи «свободной торговли». Американская империя – это империя нового типа, при котором ее миссия – своего рода «божественное предопределение» – есть глобальное распространение и институционализация капитализма.

О процессе, который мы сейчас называем «глобализацией», часто говорят, будто это естественный, почти климатический процесс: расцвет «рынка», который движется вперед семимильными шагами, если его не сдерживают навязываемые государством ограничения или искусственные монополии. Это вполне сходно тому, как СМИ говорят о «рынке», словно о разгневанном боге, всякий раз, когда внезапно обрушивается рецессия или разоряется банк. Однако такой образ глубоко ошибочен. Существуют рынки, каждый из которых по-своему подвергается влиянию культурных и политических систем, но нет никакого абстрактного «рынка». Требуется политическое руководство и инициатива, чтобы дать рынкам родиться, сделать их социально и экономически устойчивыми, а также разработать законы и институты для их поддержания. Чтобы включить население в рынки, требуется время и планирование. Соединенные Штаты были в состоянии использовать свое политическое доминирование со времен Второй мировой войны, чтобы развивать, часто бессистемно или заходящим в тупик образом, глобально интегрированную экономику, в которой ее коммерческие предприятия доминируют и имеют привилегированный доступ к ключевым рынкам и ресурсам.

Схематично в послевоенную эпоху мы видим, что американская империя правила на протяжении двух международных режимов: Бреттон-Вудской системы и того, что Питер Гоуэн называет «долларово-уоллстритовским режимом»¹². Бреттон-Вудс привязал мировые валюты к золотому стандарту, чтобы предотвратить дестабилизирующие ценовые колебания и дать возможность мировой экономике развиваться. Международный валютный фонд был ключевым институтом, учрежденным для управления этой глобальной системой и регулирования цены валют на основе соглашения о сотрудничестве. Конечно, США доминировали, но они правили, если так можно выразиться, коллегияльным образом, принимая на себя основную часть ответственности за мировую систему, в то же время ожидая от государств-союзников, что они также будут участвовать в глобальном администрировании рынков, валют, контрактов и собственности. Это было связано с рядом регулирующих мер в отношении банковских операций и

капиталов, поступающих и выводящихся из стран для того, чтобы гарантировать, что капитал направляется в первую очередь на производственные инвестиции и промышленное развитие. Такая практика давала национальным государствам определенную степень свободы в широком смысле планирования модели экономического развития.

Это не было еще эпохой глобальной «свободной торговли», но – как указывали издатели журналов *Fortune*, «Тайм» и «Лайф» в 1942 году – препятствовало «восстанию мирового пролетариата». Для того чтобы погасить политическое «восстание», было необходимо на какое-то время ввести элементы контроля над капиталом. Странам «третьего мира» предлагалось развивать свои национальные экономики, используя стратегии импортозамещения, чтобы стабильные классы предпринимателей могли укорениться. Между тем торговля с Британией и Европой должна была быть «стратегическим опорным пунктом», от которого «будет распространяться область свободы», в конечном счете создавая возможность «универсальной свободной торговли»¹³.

На самом деле гарантии, что «свободная торговля» когда-либо распространится повсюду, не было. Конечно, послевоенная система переживала период роста. Между 1945 и 1970 годами мировой ВВП рос в среднем на 4,8 % в год – хотя за этой цифрой прячется огромная «догоняющая» деятельность держав, разгромленных во Второй мировой войне. А с ростом пришло расширение мировой торговли, и общий объем экспорта между 1948 и 1968 годами вырос на 290 %¹⁴. И тем не менее к концу 1960-х американская экономика ослабела и находилась в упадке по сравнению с Японией и Западной Германией – двумя державами, которые она помогла победить, а затем помогала восстанавливать. Война во Вьетнаме и расходы на вооружение, которых она требовала, лишала Министерство финансов и производительную экономику жизненно важных инвестиционных средств. Относительный внутренний мир уступил место волнениям и разрушению «закона и порядка». И вскоре стало ясно, что глобальная экономика, которая переживала рост под опекой США с 1945 года, вступает в серьезный кризис. Господство Америки в этот момент вполне могло бы начать необратимо скатываться вниз.

При администрации Никсона ряд решений, которые с американской точки зрения были по большей части удачными, позволили совершить замечательный перенос опоры всей мировой системы на новую основу. Доминирование США перешло в новую фазу. Никсон в первую очередь отказался от золотого стандарта, прекратив фиксировать курс валют.

Доллар по-прежнему оставался главной международной валютой из тех, в которых велась в основном международная торговля, но тогда его стоимость могла колебаться как угодно, в зависимости от того, какое решение принимает Министерство финансов США. Второй шаг усугубил эффект первого. Администрация Никсона снизила роль центральных банков в организации международного финансирования, предоставив частным банкам полномочия кредитовать, и пыталась найти новую структуру регулирования, которая дала бы волю частным инвесторам. «Холодные» потоки денег, инвестируемых в производство, были быстро перебиты «горячими», текущими через границы и стремительно реагирующими на малейшие международные раздражители¹⁵.

Ничто из этого не составляло мастер-плана по мировому господству, и на самом деле изменения первоначально производились при значительном сопротивлении внутри государства и даже со стороны банков. Но целью было поддержать финансовый сектор, что также помогало решать растущие внутренние проблемы. Американский бизнес к концу 1970-х был убежден, что вызываемая повышением зарплат инфляция и воинственность профсоюзов – главные проблемы, сдерживающие восстановление прибыльности. Администрация Картера обратилась к Полу Волкеру, председателю Федерального резерва, чтобы решить эту проблему. Он считал, что для обеспечения стабильных условий для инвестиций необходимо привязать ожидания работников и потребителей к фиксированным критериям. В то время как золотой стан-

дарт и фиксированные обменные курсы валют создали некоторую стабильность в послевоенной системе, новым мерилем стабильности была борьба против инфляции. Это должно было стать приоритетом,

стоящим выше традиционных послевоенных задач, таких как полная занятость или управление потребительским спросом через политику доходов.

Поэтому Федеральный резерв приступил к разработке стратегии увеличения процентных ставок до неподъемно высоких уровней – так называемый «шок Волкера», – для того чтобы разрушить инфляционные ожидания наемных работников. Резко растущая безработица была приемлемой политической ценой для поставленной цели – борьбы с инфляцией. Это была как раз та монетарная политика, к которой Уолл-стрит стремился в течение некоторого времени, и до определенной степени она была приемлемой из-за лихорадочной экспансии Уолл-стрит после отмены валютного контроля в 1974 году. Но еще более важно то, что она была возможной, поскольку деловые круги в других секторах, например, в промышленности, согласились с тем, что усиление Уолл-стрит – это необходимое условие для разрешения их проблем¹⁶.

С освобождением и расширением международных финансовых рынков повысилось значение доллара, а с ним и влияние любых изменений в его стоимости. Это было огромным источником политической силы, увеличивающим глобальную роль Министерства финансов США. И это навязывало другим странам ограничения, с которыми Соединенные Штаты не сталкивались: они должны были беспокоиться о своих платежных балансах и заботиться о том, чтобы у них было достаточно международной валюты для оплаты товаров, закупаемых за рубежом, в то время как Соединенные Штаты могли всегда просто напечатать еще своей собственной валюты. Уолл-стрит и ее менее регулируемый поделник, лондонский Сити, доминировали в новой международной финансовой системе, а ряд международных соглашений – в первую очередь соглашение о финансовых услугах, вытекающее из Уругвайского раунда переговоров по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), продолжавшихся с 1986 по 1994 год, – консолидировал новую глобальную структуру регулирования, которая благоприятствовала финансовым «инновациям» (свободе для финансистов разрабатывать все более сложные инструменты для максимизации роялти, хоть и рискованные). МВФ тем временем стал играть ключевую роль в использовании долгов, чтобы открывать рынки глобального Юга и вынуждать страны проводить «структурную перестройку» экономик, с тем чтобы они стали более тесно интегрированными в «долларово-уолл-стритовский» режим. Наконец, происходило лихорадочное создание новых международных договоров, региональных торговых блоков и многосторонних организаций: родился евро, было подписано соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) и запущена Всемирная торговая организация (ВТО). «Шоковая терапия» МВФ, ранее метод лечения, зарезервированный главным образом для стран «третьего мира», была развернута в России и Восточной Европе.

Эта последовательность выдающихся успехов была связана с другим изменением в режиме американского доминирования. В послевоенный период попытки США управлять мировой системой вынуждали их опираться на цепь правых диктатур, которые полагались на модернизацию своих национальных экономик, создающую местный класс бизнесменов и одновременно предотвращающую влияние коммунизма. В ранней, переходной фазе «долларово-уолл-стритовского» режима на старом американском «заднем дворе» была развязана необычайная волна насилия, начавшаяся с переворота в Чили и достигшая кульминации в длительной войне на истощение в Никарагуа. Отчасти здесь имело место контрповстанческое наступление против левых движений, которые угрожали положению местных классов предпринимателей. Но это было связано и с серией реформ экономической либерализации, которая усиливала бизнес-элиты, имеющие международную ориентацию, а позднее, когда данные войны были выиграны, политической либерализации, связанной с правозащитным дискурсом.

В эпоху после окончания холодной войны господствующая точка зрения заключалась в том, что капиталистическая демократия – это конец истории, эндшпиль, к которому движутся все государства. И чем большая часть американского «заднего двора» будет интегрирована в мировую систему, чем больше он откроет своих рынков, позволит, чтобы общественное добро было приватизировано и управлялось американскими компаниями, чем больше подпишет глобальных и региональных торговых соглашений, тем меньше будет необходимости прямых вооруженных интервенций. Политическая форма диктатуры зачастую становилась скорее препятствием, чем ценным приобретением, и Соединенные Штаты даже были готовы предлагать ограниченную поддержку некоторым демократическим движениям, выступающим за демократию, при условии, что они соответствовали общей цели расширения «свободных рынков» под руководством сильных государств.

Но это было всего лишь тенденцией. Как мы видели, Соединенные Штаты не могут полностью отказаться от своих старых, грубых методов: переворотов, марионеточных режимов и войн. Мировая система, даже если бы она не структурировалась несправедливостями, приводящими к конфликтам, никогда не может достичь идеального и вечного согласия и тем самым подняться до кантовского рая вечного мира. «Скрытый кулак», как назвал его Милтон Фридман, присутствует всегда. Но и «невидимая рука» тоже творит чудеса.

Что не под силу армии, удаётся рынкам

Побеждать, не воюя

Почему американская империя побеспокоилась о том, чтобы поддержать перевороты на Гаити и в Эквадоре? Почему одно правительство за другим посылало войска в Доминиканскую Республику? Почему Рейган начал войну против крошечного островного государства Гренады? Во многих случаях трудно отыскать материальную заинтересованность, соизмеримую с затратами американской армии. Конечно, на Гренаду вторглись уж наверняка не ради торговли мускатным орехом. Может ли быть, как предположил «Окс-фам», говоря об американской политике в Никарагуа, что США беспокоились об «угрозе хорошего примера»?¹⁷ Это означало бы, по крайней мере, что «интересы» можно трактовать более широко, чем обычно, – что войны ведутся ради интересов нефтяных компаний, или «Пепси», или «Юнайтед Фрут». Конечно, такие узкокорыстные интервенции время от времени происходят. Но империя с крепким здоровьем обладает тем, что можно было бы назвать более высокими устремлениями. Их можно сформулировать как универсализацию «свободных рынков», а также поддерживающих их институтов и законов.

Одно из долгосрочных преимуществ достижения постоянного расширения областей мира, переходящих в категорию живущих по законам рынка, состоит в том, что как только рынок становится институционализирован, он делает свою работу почти автоматически. На самом деле, рынок зачастую может одержать победу там, где это не удалось бы сделать с помощью военной мощи. Возьмите Вьетнам. На протяжении 2000-х годов, через четверть века после того, как США проиграли Вьетминю, из публикаций «Викиликс» явствует, что американское посольство в Ханое с некоторым удовлетворением строит планы по включению вьетнамского правительства в глобализацию, возглавляемую США.

Это содержит заложение основ для вступления в ВТО, участие в рыночных реформах и программах приватизации, готовность подчиниться ортодоксии МВФ и согласие со всеми необходимыми условиями для участия в программах Международного валютного фонда по структурной перестройке¹⁸. Подобные программы имеют печальную известность благодаря

эффектам, которые они оказывают на национальные экономики, и унижительному характеру зависимости, которую они создают между должниками и кредиторами: если коротко, это долговая кабала. С другой стороны, это чрезвычайно полезные инструменты для Соединенных Штатов, когда кредиты можно выборочно применять, чтобы помочь увеличению задолженности стран перед американскими корпорациями либо перед теми, которые политически близки властям США¹⁹.

Почему правительство Вьетнама, формально социалистическое, победившее американскую империю в ужасающей войне, согласилось на это? Если отвечать вкратце, то попытка нового Политбюро восстановления экономики объединенного Вьетнама на государственнической основе после опустошительной войны была просто несостоятельной во все более интегрированной и конкурентной мировой экономике. Попытка создать рациональное распределение экономических ресурсов и планировать эффективно оказалась неудачной. В глобальной экономике, в которой колебания цен почти на все товары и услуги не находятся ни под чьим контролем и в которой Вьетнам был часто изолирован, это было почти невозможно.

Вероятно, Политбюро пришло к выводу, что его проблемы были вызваны отказом подчиняться «объективным законам», которые повсюду управляют экономикой. Обнаружение этих «объективных законов» было до некоторой степени уклонением от ответственности. Как поняли американские планировщики, экономики реального мира не ведут себя согласно таким абстракциям, которые не учитывают сложных взаимосвязей между политическими структурами, законами, собственностью и рынками. Тем не менее это было весьма кстати, поскольку позволило Политбюро последовать примеру администрации Горбачева в переходе к приватизации и рыночной политике. В короткий срок, поскольку Вьетнам оказался должен более миллиарда долларов, МВФ предложил свои услуги и, само собой, рекомендовал ту же самую политическую микстуру, какую он рекомендует всем потенциальным должникам: сокращение субсидий, отмена контроля над ценами, отмена валютного контроля и контроля за движением капиталов, приватизация и «полный вперед» рынку.

Была запущена классическая долговая ловушка. Чем больше Вьетнам занимал у МВФ, тем больше ему нужно было занимать вновь, и темп роста его задолженности резко вырос. Чем больше он переходил к политике «свободного рынка», тем больше он зависел от рынков и тем меньше был способен применять регулирование. Соединенные Штаты пришли во Вьетнам, чтобы предотвратить опасность «коммунизма», и выиграли. Но там, где они потерпели провал, успеха добились долги, финансы и институты глобального капитализма²⁰. И это, как показывает пример Эквадора, является проблемой, которая по-прежнему затрудняет попытки возродить социализм в текущем столетии.

Долдарово-уоллстритовский режим

Рафаэль Корреа в Эквадоре очень напугал Вашингтон своим обещанием воплотить в жизнь «социализм XXI века». При изучении депеш «Викиликс» становится очевидно, что с самого начала посольство в Кито было обеспокоено появлением «темной лошадки – популиста, антиамериканского кандидата»²¹. Как и в случае с Жаном-Бертраном Аристидом на Гаити, «популизм» вызывает тревогу у Соединенных Штатов, потому что он связан с антирыночной политикой. И все же здесь подход США неизменно был более тонким и спокойным, чем в Венесуэле, Гаити или Гондурасе. Их вмешательство было ограниченным, избирательным и не включало традиционные саботаж, подготовку заговоров с целью переворота или военные интервенции – если не принимать во внимание болезненный вопрос о нарушении Колумбией суверенитета Эквадора во время его поддержанной США войны с ФАРК.

Корреа вырос в лидирующую фигуру эквадорской политики в период, когда администрация Буша пыталась завоевать расположение Латинской Америки для зоны свободной торговли на территории обеих Америк (ФТАА). Уго Чавес в Венесуэле уже успешно блокировал поддерживаемую

США попытку переворота и реализовывал левопопулистскую повестку перераспределения расходов на общественные нужды. Он запустил «Боливарианский альянс для народов нашей Америки» (АЛБА), альянс с Кубой, который должен был развиваться и включить Боливию, Никарагуа и Эквадор. Нечто большее, чем торговое соглашение, альянс должен был объединить страны-члены вокруг общей левой политической и социальной повестки дня. Сопутствующие соглашения включали межгосударственную энергетическую компанию, ПЕТРОСУР, которая должна была финансировать социальные программы, и региональный медийный конгломерат ТЕЛЕСУР, который правительство США считало враждебной организацией.

На рубеже нового тысячелетия Эквадор был полностью подписавшимся партнером США в их неолиберальном проекте «свободного рынка». Он принимал участие в войнах с наркотиками, разрешив американскому самолету-наблюдателю использовать свою авиабазу в Манте. Он подвергся долларизации в январе 2000 года, начав использовать денежную единицу США вместо своей собственной. Это было результатом политического поворота, инициированного Соединенными Штатами в 1999 году, в самом конце эпохи Клинтона. В последний раз Соединенные Штаты занимались «долларовой дипломатией», пытаясь экспортировать доллар в страны Латинской Америки, в начале XX века. Но в прошлом эти попытки были гораздо более ограниченными, поскольку американская дипломатия просто стремилась поощрять Латинскую Америку использовать доллар наряду с национальной валютой.

В этом крылись свои преимущества, в особенности в странах или экономиках, которые были только частично независимыми, где находилось большое количество американских рабочих. В таких случаях модель с двумя валютами можно было использовать для поддержания системы Джима Кроу, когда американским рабочим платят по долларovým ставкам, а местным – по своим тарифам. Но в эпоху после холодной войны, в царствование Бреттон-Вудс, Соединенные Штаты явно предпочли, чтобы латиноамериканские правительства провели дедолларизацию и поддерживали свои собственные стабильные валюты. Отчасти потому, что американские политические деятели сделали вывод из урока межвоенного периода, состоявший в том, что денежно-кредитная система, в которой все валюты привязаны к стоимости одной, может на самом деле усиливать международную нестабильность. Было также признано, что для того, чтобы эти страны развивали прочную промышленную базу, им необходимо применять меры контроля над движением капиталов и проводить денежно-кредитную политику, дабы стимулировать экономический рост.

Поворот к «полной долларизации» в начале нового тысячелетия – когда доллар заменяет местные валюты полностью в самый разгар неолиберальных преобразований – был важным моментом. Это означало, что национальные элиты отказываются от контроля кредитно-денежной и валютной политики – важных инструментов для демократического вмешательства в рыночных экономиках – в интересах борьбы с инфляцией, которая разоряла экономику Эквадора в 1990-х, и поддержки стабильных условий для инвестиций и финансирования.

В документах правительства США отмечается, что это преобразование откроет новые возможности для американских финансовых институтов, а также обеспечит жизненно важную материальную основу для новой зоны свободной торговли. Между тем девальвация национальной валюты больше не была прерогативой национального правительства, а контролировалась теперь Федеральным резервом США²². Это помогало местным элитам, дружественным Вашингтону, зафиксировать неолиберальный политический курс. В Эквадоре он вызывал горячие споры, отчасти из-за условий, которые пришли вместе с ним: урезание зарплат, сокращение рабочих мест в государственном секторе и рост цен на газ. Протесты против этих

мер совпадали с восходящим движением мобилизации коренного населения страны и отчасти образовали основу народных движений, которые позднее привели Корреа к власти.

Уже в 2005 году, когда Корреа был министром экономики в популистском правительстве, посольство США в Кито отметило, что он – «стойкий критик переговоров по созданию зоны свободной торговли». Корреа выступал за отказ от жесткой монетарной политики бывшей администрации, которая тесно сотрудничала с США, и за использование доходов от продажи нефти для инвестиций в зарплаты в государственном секторе и его развитие. Он критиковал «либерализацию торговли в целом... МВФ и любые ортодоксальные экономические реформы»²³. В следующей депеше отмечается: «21 апреля Корреа публично заявил, что внешний долг необходимо пересмотреть, что доходы Эквадора от продажи нефти нужно тратить на социальные программы, что Эквадор должен быть полностью суверенным в своих отношениях с МВФ и что любое соглашение о свободной торговле должно выноситься на референдум (где его, скорее всего, при голосовании провалят)». Далее в депеше сообщается о выраженных президентом Центробанка опасениях, что заявления Корреа могут привести к «серьезному финансовому ущербу»²⁴. Следующая депеша выражает уже настоящую тревогу: «Еще большую озабоченность вызывают появившиеся признаки того, что дерзкий молодой министр экономики Рафаэль Корреа рассматривает возможность долгового моратория»²⁵. Это указывает на реальный источник беспокойства США. С одной стороны, не было бы ничего страшного, если бы правительство в своей сфере влияния сделало некоторые уступки народному движению, немного повысив государственные расходы. Такие меры могут быть временными. Но в течение 33 лет с тех пор, как военный диктатор Эквадора генерал Родригес Лара пообещал, что эксплуатация нефтяных месторождений поможет смягчить нищету, страну по-прежнему одолевала бедность. При повышении расходов на социальные нужды критически важно было взять контроль над нефтью и нефтяными доходами, направляемыми на погашение долгов; а задолженность страны была как серьезной составляющей ее финансовых интересов, так и важнейшим рычагом, с помощью которого можно было стимулировать последующие правительства к реализации вашингтонской модели. Таким образом, правительство отказывалось от «финансовой ответственности».

Вдобавок Корреа был активным противником долларизации²⁶, которую он отменил бы, если бы счел это возможным. Он выступал за государственный контроль над нефтяными месторождениями и обязался разорвать договор с армией США. Международным финансовым институтам, что неудивительно, не нравились идеи Корреа, они находили их «наивными и устаревшими» и «были на связи» с ключевыми чиновниками в правительстве, чтобы сорвать такую повестку дня²⁷.

Тем не менее рассуждения о том, что деловые круги страны окажут решительное сопротивление, оказались несостоятельными. Бизнес невнятно выражал «озабоченность» в частном порядке, но «признаков бегства капитала было немного». Правительство США, несмотря на свои опасения, действовало тактически осторожно, обратившись к Организации американских государств с просьбой понаблюдать за ситуацией. К визиту из ОАГ правительство Эквадора, «его более националистически настроенные сторонники и протестные движения, которые привели его к власти», отнеслись «скептически». Посольство для «приглушения местного сопротивления внешнему надзору над внутривнутриполитической ситуацией рекомендовало, чтобы миссии ОАГ было подсказано делать упор на темы, касающиеся перспектив, и избегать одобрения или осуждения перемен в правительстве как таковом»²⁸.

Позднее стало очевидно, что Корреа, похоже, выиграет выборы 2006 года, и Соединенные Штаты вложились в «рабочие группы по проведению выборов», чтобы попытаться сбить поддержку «политиков-популистов, обещающих чудодейственные решения, которые не сработали ни в одной стране». Посольство отмечает: «Мы предостерегли наши политические, экономи-

ческие и медийные контакты об опасности, которую Корея представляет для будущего Эквадора». Как оказалось, Национальный фонд демократии (организация, образованная в 1980-х годах, чтобы взять на себя некоторые тайные функции ЦРУ) также вложил в том году в Эквадор миллион долларов, львиная доля которого пошла на поддержку основного соперника Корея. Даже при этом посольство отмечало, что оно оставляло открытым диалог с Корея, чтобы «избежать отчуждения»²⁹.

Несмотря на американские дотации, Корея победил. В самом деле, он быстро получил то, что Соединенные Штаты называли – не без некоторого восхищения – «сильнейшей политической организацией, которую имела страна со времени возвращения к демократии в 1979 году». Что еще важнее, ее структура представляла глубокую смену поколений, причем ее представительство в Национальной Ассамблее «относительно молодо и хорошо образовано; хорошо представлены женщины, эквадорцы африканского происхождения и представители коренных народов»³⁰. Его программа, как указывало посольство, это относительно «умеренная» версия того, что Чавес и Моралес называют «социализмом XXI века»³¹. И действительно, учитывая пугающую альтернативу полнокровного чавизма, США, похоже, были приятно удивлены тем, насколько дружелюбным было правительство Корея. Даже радикальная конституционная реформа 2008 года не вызвала со стороны посольства особой реакции, разве что интерес³². МВФ, со своей стороны, указывал, что «сильно беспокоиться не стоит»³³.

Среди позитивных сигналов, поступавших из Эквадора, было то, что Корея проявлял готовность бороться с общественными движениями, которые привели его к власти, как тогда, когда протесты привели к остановке нефтедобычи: «В отличие от предыдущих администраций, которые посылали команды [от правительства Эквадора] для переговоров с общинами о дополнительных льготах, Корея послал решительный сигнал, что он не намерен поддерживать протесты, которые влияют на важнейшие для страны доходы от продажи нефти»³⁴.

Конечно, «склонность Корея к вмешательству в рынок» раздражала. Ссылаясь на случай с введением предельной цены на молоко, посол указывает, что, хотя это едва ли радикальная политика, «не является хорошим признаком, если такой тип управления в дальнейшем будет использоваться более широко»³⁵. Налоговые реформы администрации были «захватывающими» по своим амбициям и внезапности, но «вероятно, скорее благом, чем злом». Посольство отражало мнения деловых кругов Эквадора, которые, как оно сообщает, резко критикуют введение налога на движение капиталов, так как это может привести к бегству капиталов из страны. Но также, ссылаясь на МВФ, предполагает, что решение заморозить налог на добавленную стоимость, вместо того чтобы его сократить, говорит об относительном прагматизме правительства. Даже при том, что государственные расходы росли очень сильно, достигнув в 2013 году 44 % ВВП, МВФ был относительно милостивым в своих рекомендациях правительству Эквадора, признавая важную роль государственного сектора в стимулировании экономического роста, хотя и по-прежнему выступая за частные инвестиции³⁷.

Что правительство США находило постоянно создающим проблемы, так это меры администрации, направленные на укрепление национального суверенитета вопреки включению в неолиберальную модель развития. В результате Эквадор вышел из нескольких двусторонних договоров³⁸, включая и договоры с Соединенными Штатами; вышел из Международного центра по урегулированию инвестиционных споров³⁹, суда Всемирного банка, образованного в 1965 году для арбитража в спорах между государствами и частным капиталом; отклонил просьбы крупных компаний, таких как Apple и RIM, отменить тарифы⁴⁰; а также реформировал закон об интеллектуальной собственности для поддержки доступа к медицинским услугам, включая ВИЧ-препараты, как жизненно важный государственный интерес⁴¹. Важно отметить, что, отражая поддержку администрацией возвращения к импорто-замещению, производство

лекарств должно было благоприятствовать местным производителям, а не транснациональным корпорациям.

И после этого американские власти, вместо того чтобы демонизировать правительство Эквадора и направить свою поддержку военным путчистам, решило взять страну в тиски. В депешах имеется ряд свидетельств о лоббировании, тайных маневрах и, в случае с патентами на лекарства, координации с бизнес-интересами фармацевтических компаний – хотя это, в общем, мало что дало. Но, по большей части, посольство, по-видимому, ограничилось ворчанием. В связи с отпором Apple и RIM, оно раздражено пожаловалось, что эти компании, одни из самых «культовых» в мире, не были встречены «с распростертыми объятиями», и сетовало, что руководство Эквадора явно «не было заинтересовано в высвобождении духа предпринимательства», а сосредоточилось на «краткосрочных» задачах по «выравниванию общества, защите того, что у них есть, и разрешению иностранным компаниям работать в Эквадоре на своих условиях»⁴².

В конечном счете, несмотря на все эти театральные сцены и предостережения о Корреа – «темной лошадке» и его «чудодейственных решениях», представляющих собой «катастрофу» для развития Эквадора, США даже были вынуждены неохотно признать успех правительства, когда – вместо бегства капитала – он был привлечен в Эквадор⁴³.

Реакция посла и других дипломатических сотрудников на Корреа, конечно, изобилует напыщенностью и самодовольством; однако, отмечая, что политика правительства «практичнее», чем его риторика, они были близки к истине. Они видели, что если администрация искренне нацелена на развитие в мировой экономике, интегрированной под господством США, у нее небольшое пространство для маневра. Бегство капитала постоянно упоминалось как угроза, и для правительства, несомненно, было бы опасно бросить вызов правам капитала принципиально. В таких условиях реформы отражали умеренные прогрессистские стремления, связанные с тем, что посольство, так же проникательно, расценивало как смену поколений в эквадорской политике. Однако как бы национализм Корреа и мягкое реформаторство ни были «против шерсти» американским дипломатам, воспитанным на доктрине «свободного предпринимательства», позиции деловых кругов страны ничего серьезно не угрожало. Ко времени написания этих строк участие Эквадора в глобальных организациях, таких как ВТО, и тесная работа с МВФ продолжают. Он вряд ли откажется от долларизации, давшей защиту от инфляции, к которой стремились финансовые инвесторы. Долгосрочные перспективы для американских инвесторов, возможно, даже улучшатся с развитием автономной промышленной базы Эквадора.

В предыдущей главе было рассмотрено, как попытки превратились в инструмент имперской дисциплины и как ЦРУ потратило десятилетия труда, пытаясь найти более тонкие и эффективные способы пыток, сделав дыбу необязательной. Аналогично американская империя разрабатывает гораздо более изощренную науку доминирования, чем ее предшественники. Пример Эквадора показывает: когда зависимость от рынка культивирована и глобальный капитализм тщательно институционализирован при господстве США, то, что Маркс когда-то назвал «скудным принуждением экономических отношений», делает почти все остальное само.

Империализм свободной торговли

Когда овцы едят людей: огораживание в XXI веке

Томас Мор в своем произведении «Утопия» сетовал, что овцы начали есть людей. Как такие исключительно безобидные создания, «которые были столь кроткими, довольными очень немногим», стали кровожадными? Мор обвиняет огораживание. Это был процесс, с помощью которого лорды, стремясь делать деньги на производстве овечьей шерсти, выбрасы-

вали крестьян с земли, на которой те жили поколениями. В результате люди голодали, а овцы мирно паслись.

С XV по XVIII век огромные площади земли были обращены в частную собственность. Как указывал экономист Карл Поланьи, если бы не вмешательство государства Тюдоров и Стюартов, стремившегося справиться с последствиями, это могло бы привести к социальной катастрофе, достаточной, чтобы опустошить огромные населенные территории⁴⁴. Подобный процесс с тех пор повторялся в одной области за другой, когда одна за другой сферы жизни, ранее находившиеся в общем владении, превращались в товар. Сначала овцы ели людей, потом над человечеством стали господствовать машины. Сейчас чем дальше, тем больше нашим господином становится информация.

В 2014 году «Викиликс» раскрыл проекты двух малоизвестных договоров о «свободной торговле», один под названием Соглашение о торговле услугами (TISA)⁴⁵ – проталкиваемый через ВТО – и другой под названием Транстихоокеанское партнерство (ТТП)⁴⁶. Как водится, их неправильно называть договорами о «свободной торговле», поскольку сфера их действия выходит далеко за рамки соответствующих вопросов. Центральная тема этих проектов не торговля, а собственность и обстоятельства, при которых информация может удерживаться как собственность.

Истоки идеи об интеллектуальной собственности восходят к XVII столетию, но только появление передовых информационных и коммуникационных технологий сделало ее крупной глобальной проблемой, которой она является сегодня. Появление этих технологий совпало с глобализацией финансов и торговли, возникновением транснациональных корпораций как основных глобальных игроков, а также с распространением и развитием международного торгового и имущественного права. Это силы, которые сделали возможной интеллектуальную собственность в ее нынешнем виде.

Права интеллектуальной собственности в эпоху Интернета стали современной законной формой огораживания – средством, с помощью которого статус ценных знаний регулируется за счет большинства, у которого нет собственности на знания. Это институционализируется путем проведения последовательных раундов переговоров и официально признается в таких глобальных органах, как Всемирная организация интеллектуальной собственности ООН (ВОИС), ВТО (с ее Соглашениями по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, или ТРИПС), а также ЕС и Организация экономического сотрудничества и развития. Такое положение дел не является ни неизбежным, ни «естественным»⁴⁷, но обсуждения на уровне глобальных организаций в значительной степени основываются на соглашении между сторонами относительно естественности и неизбежности интеллектуальной собственности, а расхождения по большей части ограничиваются вопросами применения.

Из просочившихся документов ясно, что американская империя, в лице торгового представителя своей страны, настаивает на глобализации самых жестких из имеющихся в настоящее время интерпретаций закона о копирайте. Центральное место в части просочившегося и опубликованного «Викиликс» проекта Транстихоокеанского партнерства занимает глава о правах интеллектуальной собственности, которая требует введения законов, карающих обход технологии управления цифровыми правами (DRM), удлинняет сроки авторского права и трактует нарушение торговых секретов как преступное деяние (что потенциально даст возможность преследовать журналистов). Кроме подобных мер «Викиликс» подчеркнул угрозу для здравоохранения, когда Соединенные Штаты ссылаются на права интеллектуальной собственности, отстаивая создание по закону искусственных монополий в производстве и продаже лекарств, спасающих жизнь, включая применяемые для лечения рака⁴⁸.

Проект соглашения по ТТП не лишен, конечно, изощренности. В нем признается, что обязательства ТРИПС должны будут модифицироваться для каждой страны-члена, с учетом

ее правовых традиций и гибкости в том, что касается методов и тактики, необходимых для реализации таких законов. В нем признается, что странам-членам будет необходимо ввести определенные меры защиты для обеспечения доступа к медицинским услугам и здравоохранению, без чего соглашение может оказаться нереализуемым демократическими методами. В некоторых версиях соглашения это может означать предоставление ограниченных исключений для патентов, с тем чтобы правительства могли – в узко ограниченном ряде случаев – санкционировать разрешение производства дешевых лекарств в обмен на роялти владельцу патента. Однако в ходе переговоров доступность даже такого варианта была ограничена⁴⁹.

TISA, продвигаемый коалицией стран-членов ВТО во главе с Соединенными Штатами, имеет аналогичные положения, стремящиеся, например, предотвратить введение национальными правительствами собственных законов о конфиденциальности⁵⁰. Он также поддерживает приватизацию государственных услуг – еще один вид современного огораживания – и способствует снятию ограничений, защищающих стандарты, касающиеся окружающей среды и труда. Страны, подписавшие TISA, будут привязаны к своим существующим обязательствам по либерализации, и их будут вынуждать к расширению этих обязательств, тем самым сужая сферу демократической политики.

Однако, как и в предыдущих процессах огораживания, обещанные награды внушительны. Председатель Торговой палаты США полагает, что «выигрыш... может быть огромным» и что для американских фирм это «шанс, который появляется раз в поколение»⁵¹. «Уничтожение барьеров для торговли услугами может увеличить экспорт американских услуг на целых 860 миллиардов долларов – с рекордных 632 миллиардов долларов в 2012 году до целых 1,4 триллиона долларов», – восторгается представитель палаты. И в самом деле, когда транснациональные кампании получают контроль над разработкой и продажей важнейших лекарств, технологий и контента именем закона об интеллектуальной собственности, а американские компании приглашаются к участию в прибылях, приносимых тем, что когда-то было государственными услугами, трудно не согласиться, что у них есть повод потирать руки от радости.

Как и почти все подобные документы, эти договоры малоизвестны. Обсуждаемые в относительной секретности национальными правительствами, они проводятся в жизнь без консультаций. Мы обнаруживаем, что нами управляют согласно этим законам, несмотря на то, что мы не знаем, как и почему они были введены. Отчасти потому, что такие договоры – удобный способ обойти демократические процессы. Например, когда Министерство торговли США в конце 1990-х захотело ввести суровые законы, устанавливающие уголовную ответственность за обход DRM, и не было уверено в реакции Конгресса на такие предложения, оно пролоббировало торгового представителя США, чтобы выдвинуть их в ВОИС. Когда эти правила таким образом были включены в обязывающий глобальный договор, Конгрессу можно было сообщить, что их требуется превратить в закон⁵². В результате появился Закон об авторском праве в цифровую эпоху, который сыграл ключевую роль в защите интеллектуальной собственности в сети⁵³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.